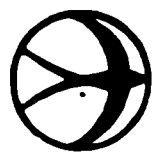

Арип Расулов

Оглянись в пути

ПОВИНИКИ - СОВРЕМЕННОСТИ

Арип Расулов

Оглянись
в пути

Повести

Авторизованный перевод с аварского
Александра Карлина

«Современник»
Москва
1982

С(Даг)
Р24

Расулов А. Р.

Р24 Оглянись в пути: Повести/Авториз. пер. с аварск. А. Карлина.— М.: Современник, 1982.— 223 с. (Новинки «Современника»).

«Оглянись в пути» — первая книга на русском языке талантливого аварского писателя и драматурга Арипа Расулова. В нее входят две лирико-философские повести: «Пять грушевых деревьев» и «Оглянись в пути».

Показывая жизнь современного аварского села, автор поднимает извечные, но такие актуальные проблемы, как любовь и долг, брак и семья, отцы и дети, личность и коллектив. Задушевно, правдиво рисует автор своих героев, людей разных поколений и характеров. Их судьба непременно взволнует читателя.

Р **4702040000—101**
М106(03)—82 **223—81**

ББК84АВ
С(Даг)

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВРЕМЕННОК», 1982 г.

Пять грушевых деревьев

Повесть

1

Никто не заснул в ауле Эмильта этой душной летней ночью.

Весь день с самого утра нещадно палило солнце, недвижимым маревом висела над долиной редкая даже для здешних мест жара, а к вечеру небо заволокли грозовые тучи, своими тяжелыми бурками укутали горы.

Люди уже укладывались спать, чтобы пораньше, вместе с солнцем, выйти на работу в поле, когда до аула донеслись первые раскаты грома. Ослепительная молния распорола черное небо и, рассыпая мертвенный свет, на мгновение задержалась на вершине, будто точила там свое огненное жало, тут же содрогнулась от нового удара грома земля, в окнах задребезжали стекла, люди в испуге выбегали на террасы домов. И вдруг будто где-то в небе прорвало плотину: на аул обрушился ливень, а через мгновение по земле запрыгал крупный град — что может быть печальнее для земледельца?..

Горестно бормоча молитвы, старухи выносили на улицу таганки-треноги, бросали их посреди своих дворов; словно не замечая ледяных струй, посыпали землю золой... В народе еще до сих пор живет старинное поверье: чтобы умиловить небесные силы, укротить злой дух, надо выбросить таганок под град и высыпать во двор золу домашнего очага...

Старый Султан давно не верил всем этим приметам, однако древний обычай вспомнился и ему: надсадно кашляя — совсем недавно переболел воспалением легких, — он снял со стены ружье, накинул на плечи полушубок и, выйдя во двор, дважды выстрелил в небо.

А град, словно в насмешку над обычаями и поверьями горцев, сыпал все чаще, все обильнее покрывал землю. Снова полыхнула молния, высветила огромные черные горы, угрюмые лохматые тучи, окутавшие их со

всех сторон; сверкающие струи, словно тысячи ледяных нитей, неотвратно тянулись к земле; и Султан, безнадежно махнув рукой, вернулся в дом. Он повесил ружье на место и, не зажигая электричества, сел у окна.

Через минуту кто-то осторожно приоткрыл дверь и заглянул в комнату. «Наверное, Марин», — подумал Султан. При вспышке молнии он увидел, что не ошибся: дочь соседки робко стояла в дверях, придерживая у подбородка старенькую шаль, накинутую поверх длинной ночной рубашки. Она никак не могла разглядеть его в темноте и, решив, что старик спит, собралась было прикрыть за собой дверь, как вдруг увидела Султана, сидящего у окна в полушубке.

— Заходи, дочка, — сказал он ласково, как приглашают самого желанного и дорогого гостя. — Я не сплю. Если хочешь — можешь включить свет.

— Ты и вправду не спишь, дядя Султан? — спросила Марин, и ее рука потянулась к выключателю.

— Садись, дочка, посиди. Хорошо, что ты зашла... Что ты там все разглядываешь? — спросил старик, заметив, что Марин то и дело украдкой посматривает на потолок.

— Мама послала меня проверить, не протекает ли у тебя крыша, дядя Султан.

— Пока, слава аллаху, держится, не течет. — Султан привстал, потянулся за кисетом. — Сколько живу, такого страшного града не помню! И надо же: то целый месяц ни капли дождя, а то, как нарочно, в самый разгар уборки, видишь что творится...

Султан, глядя в окно, неспешно ронял слова, его загрубевшие пальцы между тем разравнивали табак на клочке бумаги, ссыпали лишек обратно в кисет, скручивали сигарку. Марин вспомнила, что спички у старика всегда лежат на полке за очагом, подала ему. Раскурив самокрутку, Султан сел поудобнее, зябко поправил на плечах полушубок и раскрыл окно.

«Горит! Горит!» — тотчас же ворвался в дом далекий женский крик.

Султан встревоженно повернулся к Марин:

— Сбегай, дочка, посмотри, что там такое могло случиться...

Марин долго не возвращалась, и старика охватила тревога. «Не иначе как что-то серьезное», — решил он и, скинув полушубок, быстро натянул брюки и толстую

шерстяную рубаху. Он уже собрался выйти на улицу, но вернулась запыхавшаяся Марин:

— Лес горит, дядя Султан! Наверное, от молнии! Все на пожар бегут, тушить!

— Экая беда,—засокрушался старик.— Вот она, гроза-то... Надо и мне идти. А то лес горит, а лесник и горя не знает.

— Тебе же нездоровится, дядя Султан,—попробовала было отговорить его Марин.

— Э, нездоровится! Все побежали — а я что, в сторонке останусь?! Разве это хорошо?

Марин знала, что если Султан решил что-нибудь — остановить его невозможно.

— Почти пятьдесят лет — полвека! — бормотал он, — я собственными руками сажал деревья, лечил их, выхаживал этот лес как только мог, и теперь буду спокойно сидеть и смотреть, как он гибнет?! Нет, нет, Марин, не отговаривай меня.

Девушка огорченно смотрела, как он нахлобучивает папаху, натягивает плащ, выбирает лопату поострей.

— Ну хорошо, тогда и я с тобой! — сердито сказала Марин. — Подожди, оденусь только!

— Добро, дочка, добро,—улыбнулся старик и, довольный, провел рукой по коротко стриженной пепельной бороде.

Сердце Султана всегда теплело, как только он думал о Марин, особенно — с прошлой зимы, когда схоронил свою старуху. Ему и сейчас вдруг неожиданно больно вспомнилось то чувство, которое охватило его тогда: один, совсем один на белом свете!.. Жена умерла, сыновья разлетелись по всей стране: самый любимый сын Байдук аж где-то на Дальнем Востоке! В армии служит, старший лейтенант. «Эх, вот если бы он вернулся домой! Женил бы его на Марин,—тогда не так давил бы этот горький груз,—подумал вдруг Султан. — Да, да, женил бы; глядишь, и кончилось бы мое одиночество...» Неожиданная эта мысль придала ему силы: казалось, старик даже помолодел. Он проверил фонарь, оглядел еще раз комнату — не забыл ли чего — и, не дожидаясь Марин, вышел за калитку.

Град прекратился так же внезапно, как и начался. Дождь почти перестал, и было слышно, как журчат по кривым улочкам ручьи. Молнии все еще клевали горные вершины, но теперь уже где-то далеко, за перева-

лом. И где-то далеко в ущелье тупо ухал гром, а гаснущее эхо его бесследно растворялось в горах.

Султан направился к годекану¹. Он опирался на лопату, как на трость. Эх, старость! Не та, не та теперь у него сила, что раньше. А ведь даже молодые парни еще помнят, как он, словно играючи, брал на плечи семидесятикилограммовые мешки с мукой, будто подушки с тахты.

Марин догнала его у самого годекана. Он узнал ее, не оборачиваясь, по торопливым легким шагам, и на сердце опять стало теплее.

Годекан был уже полон народа. Сквозь шум голосов прорывался звучный баритон председателя колхоза Шапи Бирцинаева.

— Товарищи, товарищи! — пытался организовать толпу председатель. — Все, кто здесь есть, берите в правлении топоры, ведра, лопаты — и быстрее на помощь. Время не терпит! Многие уже борются с огнем...

Перевалило за полночь, а люди работали в огне и дыму как одержимые. Казалось, не будет удержу этой разбушевавшейся стихии: огонь уходил все дальше в глубь леса, с предсмертным стоном падали объятые пламенем вековые чинары, высоченные сосны, липы, могучие дубы... Далеко распространился запах гари.

Старый Султан краем опушки настойчиво пробирался сквозь дым, не замечая, как катятся по его седеющей бороде слезы. Марин неотступно, будто тень, шла за лесником.

— Дядя Султан! — удивился Шапи, заметив старика. — Ведь ты же болен, зачем ты пришел!

— Ничего, сынок, ничего, — не отводя глаз от полыхающего как большой костер леса, откликнулся Султан. — Ничего, сынок, — повторил он. — Я еще крепко держусь на ногах!

Султан остановился, глядя, как порывы ветра уносили в темень огромные снопы искр, все новые и новые клубы дыма.

— Надо как можно быстрее заходить с восточной стороны, — озабоченно сказал он наконец председателю.

— С восточной? — удивился Шапи. — Почему с вос-

точной? Мы же тогда выйдем под ветер, и огонь пойдет прямо на нас!

— Да, конечно! — подтвердил старик. — Прямо на нас. Но только так мы сможем преградить путь огню.

— Но ведь это очень опасно, дядя Султан! Мы погубим людей — они же задохнутся в дыму!

— Нет, никто не погибнет! Единственный выход у нас — вырубить кустарник, спилить деревья и постараться, сколько успеем, снять дерн. Вот тогда огонь больше не сможет двигаться — сам умрет!

Шапи стоял в нерешительности.

— Давай договоримся... Я все сделаю, как ты сказал, только сам не подходи. Стой в сторонке, показывай, что надо делать. Ладно?

Люди вступили в новую схватку с огнем. Задыхаясь в едком дыму, они валили и валили деревья, рубили сучья, корчевали кустарник. Только когда уже совсем нечем было дышать, шатаясь, выбегали на опушку, на свежий воздух, чтобы через минуту-другую снова вернуться в пекло.

Сначала Султан держался далеко от огня, помогая только советами. Но вскоре он не выдержал — кинулся с топором в дым и треск. Работал он неистово, зло, стараясь не думать о том, что рубит деревья, которые давно, в молодости, сам сажал. Что ж, иногда бывает и так — на лесном пожаре, как в бою, где во имя спасения всего войска приходится чем-то жертвовать...

— Отдохните хоть немножко, дядя Султан, — уговаривала его Марин. Перемазанное сажей лицо девушки в отсветах разбушевавшегося пламени походило на рисунок, сделанный неумелой детской рукой. Только ее ровные, красивые зубы белели во тьме.

Султан еле заметно улыбнулся, положил руку на поясницу. Невыносимо ломило спину. С трудом выпрямившись, старик бесчувственной ладонью вытер пот со лба, пошатываясь подошел к дереву, оперся о ствол. Он будто весь внутри наполнился дымом, ему трудно было дышать. Обессиленный, медленно сполз по стволу на землю: ему стало совсем плохо. Увидев соседа, лежащего под деревом с обожженной бородой, его потускневшие глаза и неподвижное лицо, Марин не на шутку перепугалась.

— Дядя Султан, ты что? — встревоженно позвала она, не зная что делать.

Старик молчал.

— Эй, Гусейн, — окликнула Марин парня, работавшего рядом, — помоги, пожалуйста, дяде Султану плохо!

— Ничего, дочка, — с благодарностью посмотрел старик на Марин. — Ничего страшного — ослаб немного... Да вот знобит что-то.

— Надо его перенести туда, где нет гари, — решительно проговорил Гусейн. — Сейчас я позову ребят, положим старика на плащ и перетащим.

Четверо парней перенесли Султана на взгорок: сюда дым не доходил. Несколько человек окружили лесника, сочувствовали ему, цокали языками, и каждый старался дать совет.

Подошел Шапи и строго распорядился:

— Гусейн и Марин! Под вашу ответственность! Давайте-ка потихоньку отправляйтесь вместе с дядей Султаном к аулу.

— Да что я, младенец, что ли! — запротестовал старик. — Как будто сам не дойду!

— Пока еще я здесь командир, — шутливо, но в то же время непреклонно возразил Шапи. — Хоть ты и старший, но твое дело теперь подчиняться. Понял? Огонь мы почти укротили, здесь уже без тебя управятся. Да и мы все скоро разойдемся. А вы, ребята, — обратил он к молодым людям, — отведите старика домой и немедленно вызовите врача.

Султан вынужден был подчиниться полушутливому приказу Шапи и вместе с Гусейном и Марин отправился в аул. По дороге он часто оглядывался — все-таки переживал лесник за свое детище. Потом остановился передохнуть и посмотрел вниз, на родной аул. Сколько лет он вот так, возвращаясь из леса, любовался родным гнездом с ласковым названием Эмильта, и каждый раз будто впервые видел его... Сердце старого горца было навсегда отдано этому лесу, синей волной оббегающему горы, родному селению, людям, испокон века обитавшим здесь... И снова Султан подумал о том, что в жизни ему ничего больше не надо, что он был бы вполне счастлив, если бы не горькие мысли о живущих теперь далеко сыновьях, о своем безрадостном одиночестве. Эх, если бы была у него хоть одна дочь! Уж она-то никуда бы не уехала: вышла бы здесь, в ауле, замуж, растила бы ему внуков. Нет, надо, надо женить Байдука на Марин! Конечно, красавицей ее не назовешь. Да разве в красоте счастье? Марин — настоящая горянка:

трудолюбивая, заботливая, жизнерадостная. А какой характер! Кажется мягче пуха, но если надо... Если надо, просто — кремень!.. Нет, пусть только Байдук приедет — уж больше ему от женитьбы не отвертеться! От этих мыслей Султан немного повеселел, увереннее зашагал по тропе и даже затеял веселый разговор с молодыми спутниками.

— Помню, лет пятнадцать назад возвращался я из леса, и был со мной маленький сынишка Байдук. Вот дошли мы с ним до этого увала, и решил я немного передохнуть. Присел на камень, хотел и Байдука усадить — да куда там! Носится по лугу — и все тут. Вдруг подбегает ко мне: «Папа! Смотри, какую красивую квакушку я поймал!» Смотрю, что за «квакушка», а у мальчишки в руках... змея! Перепугался до смерти. Байдук заметил это и давай меня успокаивать: не бойся, мол, я на тебя ее пускать не буду! Пока-то я разглядел, что в руках у него всего-навсего безобидный уж...

— Не приведи аллах видеть такую «шутку»! — вырвалось у Марин.

Старик лукаво улыбнулся.

— Верно, дочка, со змеей, как и с иным человеком, шутки плохи: возьмет да и укусит. И, заметь, не от нужды, а просто так, по привычке. Такой, стало быть, характер.

— Дядя Султан, а что пишет Байдук? — вступил в разговор Гусейн.

— Что пишет? Пишет, что служба идет хорошо. Что командование им довольно. Скоро вот в отпуск должен приехать, — старик говорил все это не столько для Гусейна, сколько для Марин.

— А почему ты дал ему такое чудное имя? — заинтересовался вдруг Гусейн, не забывая, однако, поддерживать старика под локоть — тропинка брала вверх все круче и круче. — У нас ведь нет такого имени — Байдук, верно?

Старик кашлянул в кулак, молодым людям даже показалось, что он как-то приосанился.

— Это целая история, — в голосе Султана прозвучала гордость. — Для вас это давно было, незнамо когда. Для мсия — будто вчера. Прилетел в Хунзах самолет. Понимаете, самый первый. Многие тогда совсем не знали, что они бывают на свете — самолеты. А на нем прилетел известный всей стране летчик Байдуков. Я тогда как раз в Хунзахе был — приезжал по делам. И

вот этой самой рукой мне довелось пожать руку замечательному крылатому герою! Если бы вы только могли представить, какая радость, какая гордость бушевала у меня в груди! И когда у меня родился младший сын, я подумал, что другого такого красивого, такого крылатого имени на свете быть не может. Так и появился у нас в ауле Байдук. Правда, хорошее имя, а?

И Султан снова пристально посмотрел на Марин — именно от нее он хотел получить ответ на свой вопрос. Если бы рядом не было Гусейна, Марин, конечно, ответила бы старому лукавцу, но присутствие парня смущало ее. И хотя девушка давно уже чувствовала, что старик неспроста задает свои вопросы, она лишь потупила глаза и промолчала.

С первыми лучами солнца исчезли бесследно тучи; небо, казалось, стало еще голубее, чем прежде, еще выше, еще бездоннее. Вокруг ликовала омытая ночным ливнем зелень, и только страшная черная рана в гуще леса напоминала о беде, которую принесла с собой разбушевавшаяся стихия.

— Да-а-а... За что только небеса так на тебя прогневались,— пробормотал Султан, задумчиво трогая пальцами подпаленную бороду. И за всю дорогу до дома не сказал больше ни слова.

Молчали и молодые люди. И хотя до них доносились радостные звуки пробуждающейся природы, шорохи листвы, беззаботная песня жаворонка,— все трое шли понуро, невесело. Не смогли отвлечь их и неожиданно вылетевшие из куста шиповника куропатки: два петушка, с шумом вырвавшись из-под ног, перелетели склон и, пронзительно крича, исчезли так же внезапно, как и появились.

Едва добравшись до постели, Султан сразу лег — его знобило, подташнивало, все плыло перед глазами. Перепуганная Марин закутала его, накрыла овчинной шубой и, отправив Гусейна к врачу, пошла хлопотать на кухне.

Следует сказать, что старый Султан не просто всю жизнь растил лес и ухаживал за ним — понимал живое дерево. Он был еще и чудесным мастером-столяром, иногда, по необходимости, брал в руки топор, и дерево не сердилось за это на человека, оно раскрывалось ему во

Как только кто-нибудь начинал строить новый дом, первым делом шел к старому Султану, упрашивал его взять на себя всю работу по дереву. Особенно удавались старику террасы — такой красоты деревянные кружева не получались больше ни у кого в округе. С каждым годом люди жили все лучше, строились все чаще, и все больше становилось работы у старого Султана. Естественно, за труд ему платили — и платили неплохо. Сам Султан цены никогда не назначал — сколько заплатят, столько и ладно. Но работу делал на совесть.

Поэтому доктор Шах-Абас был весьма обеспокоен, услышав, что его пришли звать к дяде Султану. Доктор строил новый дом, и тут, конечно, не обошлось без старого мастера — Султан делал Шах-Абасу резной балкон. Уж так исстари ведется — долг платежом красен, а Шах-Абас к тому же честно исполнял свой врачебный долг. И доктор, извинившись перед больными, спешно отправился на вызов, тем более что ни один человек из ожидавших приема и не подумал роптать: старого Султана в ауле любили все.

Догадка Шах-Абаса, что старик, недавно перенесший воспаление легких, опять простудился во время пожара, подтвердилась сразу же. Больному строжайше был предписан постельный режим. Затем Шах-Абас достал из своего чемоданчика лекарство.

— Ничего страшного, Султан-даци. Через несколько дней будешь бегать, как молодой. А пока надо лежать. Лежать и лежать! Тепло, покой и вот эти таблетки, — говорил он, убирая слуховую трубку. — Я буду тебя навещать. Желаю поскорее выздороветь.

— Спасибо, спасибо, сынок! Ты уж прости меня, старика, за то, что причинил тебе беспокойство. Такое уж наше дело стариковское — и заболеешь-то чуть-чуть, а все равно думаешь, что на этот раз уж точно не выживешь... — Он слабо улыбнулся. — Однако, как видишь, каждый раз выживаю! Да и то сказать: разве можно помирать, не повидав еще хоть разок сыновей, а?

— Да что ты такое говоришь, дядя Султан, — удивился Шах-Абас. — Ты еще крепок, как скала! Тебе ли о смерти думать!

— Э-э, сынок, когда за спиною дорога в семьдесят три года — хочешь не хочешь, а задумаешься... Жить хорошо, когда твоя жизнь другим в радость. А когда

ты уже и самому себе в тягость, — махнул он рукой, — чего уж тогда небо коптить...

— Вот что, — рассердился не на шутку Шах-Абас. — Ты эти мысли выброси из головы, это я тебе как врач говорю! Все будет в порядке, — добавил он уже в дверях. — Не хандри, я скоро к тебе снова наведуся.

Султан подумал, что зря так рассердил врача. И во все не потому заговорил он о смерти, что ему хочется помирать! Поживи-ка один как перст, без тепла, без ласки, без детей — рад будешь хоть перед кем-нибудь излить душу... Да разве повернется язык жаловаться на собственных сыновей?! Попробуй пожалуйся — первый же встречный скажет тебе: сам, мол, растил, на себя и пеняй! Так на кого жаловаться-то, как не на самого себя? И опять же: жалуйся не жалуйся, а прожитого не вернешь, ничего не изменишь и больше того, что тебе жизнью отпущено, у судьбы не выпросишь.

Теперь у него было много времени — лежи и думай обо всем на свете. И мысли эти словно отдаляли от него сыновей, делали их совсем чужими...

Самый старший, Эльдар, хоть и живет ближе всех, не был в ауле, наверное, уже года два. Второй, Амин, вечно в каких-то экспедициях пропадает, если верить его письмам. Единственный, кто еще помнит отца, — Байдук. Вот ведь — военный человек, сам себе не хозяин, а каждый отпуск обязательно проводит на родине вместе с отцом. Хоть один — отрада сердцу!

Своего младшего Султан любил больше всех, хотя и уехал Байдук учиться в военное училище вопреки отцовскому желанию...

2

Это только с виду Марин была застенчивой и не смелой. Но характер у нее был твердым, решительным, обо всем она имела собственное суждение.

Все в ауле хвалили сыновей старого Султана, ставили их в пример собственным детям: вот-де каких высот в жизни можно достичь! У Марин же на этот счет было свое мнение: она горячо осуждала сыновей Султана за бессердечность, особенно — старшего, Эльдара. В ауле всем известно, что у него в городе шикарная четырехкомнатная квартира и живут в ней трое — он, жена да

дочь-подросток. Мало того — Эльдар занимает большой пост в Министерстве сельского хозяйства, стало быть, — без денег не сидит, не бедствует. А старика-отца без присмотра оставил! Почему бы, собственно, ему не взять дядю Султана к себе? Почему?

Сейчас, когда старик заболел, неприязнь ее к хваленому Эльдару стала еще сильнее. Правда, в душу Марин иногда закрадывалось сомнение: старик ведь и сам мог отказываться переезжать. Но сомнение это не могло охладить ее горячность.

После обеда, улучив момент, когда мать ушла в магазин, Марин села за стол и в один миг написала Эльдару письмо, едва сдерживаясь, чтобы не выплеснуть на бумаге накопившуюся горечь, всю обиду за одинокого старика.

«Здравствуй, уважаемый Эльдар! — начала она. — Пишет тебе соседка твоего отца. Как меня зовут — совершенно не важно, а собралась написать тебе потому, что спешу сообщить плохую весть: отец твой, дядя Султан, тяжело болен...»

Тут девушка прервалась и подумала: что толку жалобить бессердечного сына! Вот если бы написать нечто такое, от чего он, не выдержав, явился бы в родной аул хоть на несколько часов! Уж она бы нашла способ поговорить с Эльдаром с глазу на глаз, чтобы от стыда его проняло до самых печенок. Неожиданно ее осенило: «Сейчас он, можно сказать, находится в безнадежном состоянии. А между тем известно, что у него на книжке лежит около восьми тысяч рублей, которые дядя Султан пока никому не завещал. Он мне сам говорил, что до сих пор не знает, кому из сыновей оставить свои сбережения, и если дети не позаботятся о нем, то он, пожалуй, откажет деньги государству...»

Марин откинулась на спинку стула, перечитала написанное еще раз.

— Да простится мне эта маленькая ложь, — грустно улыбнулась она. — Такой, как Эльдар, не может не попасться на эту удочку. Посмотрим, как он теперь примчится к постели больного отца!

Довольная собой, Марин заклеила конверт и спрятала его в тетрадь. Но на почту сразу не пошла — забежала, как и велела ей мать, к больному старику справиться, не нужно ли чего.

Тревога ее оказалась напрасной: у старика сидела Айша, жена врача Шах-Абаса, и потчевала его горя-

чими курзе¹. Большие, аппетитные, они лежали на тарелке у изголовья больного, а врача приговаривала:

— Ешь, дядя Султан, пожалуйста. Еда — самое необходимое лекарство для больного. Мой Шах-Абас пришел от тебя и попросил, чтобы я приготовила что-нибудь горяченькое. Вот я и приготовила...

— Спасибо, дочка, спасибо. Мне, право, неудобно как-то: сначала Шах-Абаса потревожил, теперь вот тебе покоя нет. Дай аллах здоровья вам и вашим детям.— И хотя Султан благодарил докторшу от чистого сердца, все же какая-то горечь шевельнулась в нем. Вот так всегда: вдруг, в самый неподходящий момент, посещают его горькие мысли об одиночестве... Хороший человек — докторша, позаботилась — но все равно уйдет, и снова останется он, Султан, один на один со своей бедой и тревогой. Впрочем, нельзя, никак нельзя, чтобы Айша заметила его печаль, нельзя огорчать докторшу — она пришла с добром.

— Придется съесть твои курзе, чтобы ты не обиделась на меня,— улыбнулся старик и, через силу поднявшись на кровати, потянулся к тарелке.— Марин, доченька, иди и ты, тоже поможешь мне. Чудесные курзе приготовила наша Айша! Иди, иди, не стесняйся, присаживайся на тахту.

Недаром говорит пословица, что от доброго слова щедрее становится человек. Айша вся прямо-таки сияла.

— И правда, Марин, попробуй мои курзе,— уговаривала она девушку.

Марин нехотя села на край тахты.

— Ну, что нового слышно в ауле? — спросил Султан, еле-еле разделавшись с одним курзе.

— Говорят, из района начальство приехало,— затараторила Айша.— Благодарили всех за то, что потушили пожар, смотрели, сколько беды наделал огонь. Да еще все время нашему Шапи из города названивают: что да как...

— Вот-вот, начнут теперь после драки кулаками махать,— язвительно бросил Султан таким тоном, будто члены комиссии были в чем-то виноваты.

¹ Курзе — у аварцев национальное блюдо типа русских пельменей.

Впрочем, он тут же спохватился и, махнув рукой, разрешил: — Э, ладно, пусть звонят, пусть узнают. Авось помогут нам побыстрее восстановить колхозный лес.

— Непременно помогут, — вмешалась Марин с такой уверенностью, что Султан улыбнулся.

— Ну, мне пора, дядя Султан, — Айша встала. — А то там у меня ребятишки без присмотра... Что это ты такую моду взял болеть?! Давай выздоравливай побыстрей!

— Как же не болеть! — снова улыбнулся старик, и Марин порадовалась, что Султан выглядит уже не таким хмурым, как утром. — Если не болеть — чем тогда будет заниматься твой Шах-Абас, а?

Марин проводила Айшу до порога и вернулась. Султан тщательно вытирал руки полотенцем, давая понять, что наелся. Но Марин снова придвинула к нему тарелку с курзе и со всей строгостью, на какую была способна, сказала:

— Нужно все доесть. Остынут — совсем не захочется. Слышал, что докторша сказала? Еда — самое нужное лекарство для больного! Давай кушай, дядя Султан! И я съем немного!

Не успел Султан опомниться, как она уже сунула ему курзе в руку. Хочешь не хочешь, пришлось подчиниться. Потом Марин быстро убрала тарелку, тепло укрыла старика.

— Я пойду, дядя Султан, — весело крикнула она, прибравшись в доме, — а ты тут без меня не скучай! Ладно?

— Ну конечно, иди! Ты же ночь не спала! Отдохни хоть немного.

— А, ерунда! — беззаботно махнула рукой Марин. — Еще успею выспаться — ночь впереди! Я тебе, чтобы скучно не было, радио включу! — Она повернула ручку динамика, весело порхнула к ведру — проверила, есть ли у старика вода.

Султан следил за ней ласковым взглядом.

— Ну ладно, дядя Султан, побегу — дело у меня срочное!

— Ну, если срочное, беги уж!

Марин схватила тетрадку, в которой лежало письмо, и помчалась на почту. Старик не выходил из головы: у самого на душе кошки скребут, больной совсем, за лес свой переживает, а все бодрится!

...Марин носила в сердце тайну, о которой, как ей казалось, не знал никто. В ее душе, под семью замками, жила мысль о Байдуке. Она часто, в мечтах, видела его таким, каким запомнила в последний приезд: красивым, стройным, в новеньком офицерском мундире. Как отличался он от привычных аульских парней! Тогда она была еще школьницей, десятиклассницей... Нет, нет, она не влюбилась — при чем тут любовь! Просто отчего-то стоит лишь Марин вспомнить Байдука, как на душе становится тепло, празднично!

Марин тогда мечтала окончить институт и преподавать иностранный язык. Она и сейчас думает об этом — вот только сначала заработает стаж для поступления. Но приехал Байдук...

Он каждое утро выбегал во двор делать зарядку, сгибался и приседал, пока не начинал лосниться от пота, и, увидев ее, каждый раз весело приветствовал:

— Гуд мorning, Марин!

Ей казалось, что он дразнит ее, и она сердито отворачивалась.

— Ну, и много ты знаешь таких слов? — спросила она однажды, желая съязвить.

— Много не много, — рассмеялся он и перестал приседать, — а поговорить с тобой могу! Если ты, конечно, меня поймешь.

— Да где уж нам! А впрочем, давай попробуем.

— Ну, скажем... что означает: «Ай эм вери глэд ту си ю»?

— Это... «Я очень рад тебя видеть», — перевела она бойко.

— Так, молодец. Ну, а как перевести: «Ай лав ю»? Знаешь? — он лукаво смотрел на нее и почему-то улыбался. Марин испугалась — о, аллах, вдруг кто-нибудь слышит его слова, сраму не оберешься! Но тут же сообразила: да ведь он же по-английски, про любовь-то. И, надменно посмотрев на парня, ответила:

— Интересно, и многим ты это говоришь?

Неожиданно для нее Байдук покраснел.

— Да тебе палец в рот не клади! — только и нашелся что сказать.

Растерялся! Марин снова, как и тогда, улыбнулась ликующе. Год ведь уже прошел, год! А она все помнит так, будто это было только вчера... Весь путь до почты она только об этих встречах и думала.

18 Вновь и вновь возвращалась Марин к тем, самым чу-

десным дням в своей жизни. Однажды они даже в кино вместе ходили. Сидели рядышком, но она — хоть убей! — не помнит, что за фильм был, хотя весь сеанс неотрывно смотрела на экран, боясь пошевелиться. Сидела и думала о том, что вот он, Байдук, рядом. Какие у него мягкие черты лица: прямой нос, темные брови... И глаза! Ах, какие глаза! Совсем как у дяди Султана, только еще красивее.

В ауле не принято, чтобы девушка с парнем ходили в кино, если, конечно, они не жених и невеста. Но то ли из уважения к Байдуку — гостю и офицеру, то ли из-за того, что Байдук и Марин были соседями, — случай этот, как ни странно, не попал на жернова злых языков. Однако разговоры о том, что Байдук сватается к Марин, по аулу все-таки прошли...

Марин громко поздоровалась со всеми на почте, вытащила спрятанный в тетради конверт.

— Вот, хочу заказным отправить!

— О-о! — значительно протянула одна из девушек. — И кому же оно, интересно? Уж не ему ли? — и многозначительно рассмеялась.

— Да ну тебя, Марзи, — вспыхнула девушка. — Вечно у тебя какие-то глупые шутки, да еще при людях!

— Какие же это шутки, когда все говорят, — продолжала улыбаться Марзи, принимая письмо. — Ах, как хочется станцевать на свадьбе, ты себе даже не представляешь! А у нас в ауле, как на грех, так давно не было свадеб! Может быть, поторопишься, а? А то еще какая-нибудь уведет его прямо из-под носа.

Но взглянув на адрес, Марзи осеклась и замолчала.

Марин облегченно вздохнула, когда, получив наконец квитанцию, она смогла выбежать на улицу. Девушка шла домой совершенно уверенная в том, что поступила правильно. Единственно, в чем она сомневалась — верно ли она сделала, послав письмо только одному Эльдару. Не отправить ли такие же и остальным сыновьям Султана? Нет, нет, Байдук тут ни при чем, он не такой, как этот Эльдар! Он порядочный, добрый, она сама знает, как он любит отца. Зачем же лишний раз ранить его сердце? А вот Амин хорош! Образованный человек, инженер-геолог... На работе, поди, ценят, хвалят, а он про отца забыл и вспомнить не может! Ну почему так получается, что люди только для себя жить стремятся? И семья, и уют, и крыша над головой, и достаток. А не удосужатся вспомнить, что отец стар, что

за ним уход нужен, что ему ласка нужна и забота...

Эх, был бы у нее такой отец, как дядя Султан, — какой бы счастливой была Марин! Своего отца она не помнила — он умер в больнице, когда она была совсем маленькой, но Марин почему-то казалось, что ее отец был таким же сильным и добрым, как дядя Султан...

— Чтой-то мы и подруг замечать перестали, — пропел сзади чей-то голос, прервав мысли Марин.

— А, это ты, Нажабат.

Девушки учились в одном классе, когда-то даже дружили. Но сейчас Марин терпеть не могла бывшую одноклассницу за то, что прошлым летом та все время обхаживала Байдука. Конечно, спору нет, Нажабат была красивее Марин и уже научилась строить глазки парням. «Но разве это главное в человеке? — сердито думала Марин. — Ведь у нее мякина в голове! Недаром даже дядя Султан сказал однажды, что у Нажабат на плечах не голова, а надутый ветром бурдюк!»

— Куда же ты ходила, а? — снова пропела Нажабат.

— На почту, — нехотя буркнула Марин.

— Ого! — присвистнула Нажабат и преградила подруге путь. — Уж не письмо ли от Байдука получила? — спросила она, глядя на девушку своими большими красивыми глазами.

Марин хорошо знала Нажабат: коли смотрит вот так, в упор, значит, что-то задело ее за живое. Теперь не отвяжется, пока не выведает что, да как, да почему...

— Получила, — простодушно улыбаясь, подтвердила Марин. — От него письмо, от Байдука. Может, тебе прочесть?

— Да не ври ты, — взвилась Нажабат. — Покажи!

— Ах, я, значит, вру?! Тогда зачем же спрашиваешь? — рассвирепела Марин. — Что тебе до Байдука?!

Потом внимательно посмотрела на Нажабат, стоящую сейчас перед ней с таким вызывающим видом. И тут она не выдержала:

— Где ты только стыд свой растеряла! Парни от тебя уже шарахаться начали! Хотя бы молвы людской побоялась.

— Ой, держите меня, — перебила ее, кривляясь, Нажабат, — тоже мне пава выискалась! Моралистка!

Марин хотела было уйти, но бывшая подруга цепко держала ее за рукав платья.

дуку? — насмешливо бросила она в лицо Марин. — Зачем же терзать себя страданиями и вздохами? Надо жить так, как хочется, все ловить на лету, дорогая! Все равно ведь помрем в конце концов! Слушай, что я тебе говорю! Я лучше тебя во всем разбираюсь!

Марин вдруг стало не по себе. И она ответила со всей своей прямоотой:

— Какое имеет значение — нужна я Байдуку или нет?.. Да, конечно же ты права: ни я, ни ты не будем жить вечно. Но ты забываешь о том, что кто не умеет страдать, тот не научится быть счастливым. А ловить кусок на лету... по-собачьи... Какое уж тут счастье?! Пусти меня!

Однако Нажабат и не думала ее отпускать. Снова состроив умильную гримасу, она запела как ни в чем не бывало:

— Маринчик, душечка, открой, лапочка, секрет: когда тебя собираются сватать?

— Откуда мне знать, — вздохнув, простодушно попала на удочку Марин. — А впрочем, кто тебе сказал, что меня собираются сватать?

— Ну, Маринчик! Я же не слепая! Сама все видела. Как в кино, например, вместе ходили.

— Ну и что? Ну и ходили! И что же тут такого?

— Эх, — мечтательно вздохнула Нажабат, — если бы Байдук со мной в кино ходил, я бы уже давно была его женой!

— Не слишком ли ты уверена в себе? Тогда где же твой Иман?

Марин заметила, как подруга изменилась в лице, но ей сейчас совершенно не жаль было Нажабат. Пусть, пусть знает, что о ней думают!

— Что ты хочешь этим сказать? — опомнилась Нажабат, но голос ее дрожал от волнения.

— Только то, что сказала...

Нажабат завидно умела владеть собой и, желая переменить тему разговора, притворно потянулась:

— Ух, если бы ты знала, Марин, какая на меня иногда скука нападает!

— Ей скучно, видите ли... Вообразила, будто ты не такая, как все, будто тебе уготована необыкновенная судьба. А жизнь — она все равно с небес на землю опустит...

Нажабат, изобразив удивление, захлопала ресницами.

— Надо же, какая ты умная! Изрекаешь, будто мудрый старец.

— По земле ходить надо, Нажабат, а не смотреть на нее свысока. Ладно, пусти, мне некогда. — Она больше не взглянула на бывшую одноклассницу.

— Подумаешь, невеста без места! — фыркнула та вслед Марин и, надменно подняв голову, пошла в другую сторону...

Нажабат так же, как и Марин, осталась после школы в колхозе, чтобы заработать стаж для поступления в институт. Впрочем, «заработать» сказано слишком сильно: Нажабат ни разу не вышла ни в поле, ни на ферму, слонялась целыми днями без дела, — ее родители не хотели, чтобы их дочь занималась тяжелой крестьянской работой. Отец Нажабат был главным бухгалтером колхоза, мать заведовала колхозным детским садом. «Неужели мы не можем позволить, чтобы девочка отдохнула после школы?» — говорили они, и девочка эта целыми днями была занята только собой. Жители аула, в особенности старики, осуждали родителей Нажабат за то, что выросла она взбалмошной, капризной...

Впрочем, если бы кто-нибудь заглянул в душу Нажабат, то понял бы, что и в этой душе живут добрые помыслы... Только она верила в свое право на исключительную судьбу и готова была отстаивать это право перед кем угодно. Может, оттого и была неудачной ее первая любовь к Иману, однокласснику. Ему Нажабат тоже нравилась, даже очень, но странное поведение девушки, ее своеволие то ли оттолкнули, то ли напугали парня, и он, окончив школу, сразу уехал в город, и вот уже два года, как они не виделись. Нажабат делала вид, что нисколько не грустит о нем, ходила по улице с вызывающим видом. Но в ауле не могли не заметить, что после отъезда Имана Нажабат стала радоваться сердечным огорчениям подруг и вообще сделалась какой-то недоброй, мстительной...

По дороге домой Марин снова решила заглянуть к дяде Султану. Старик полулежал на подушках, в комнате было накурено — проведать его зашли председатель Шапи и еще двое незнакомых девушке мужчин.

— Как хорошо, что ты вернулась, Марин! — обрадовался старик. — А то я уж хотел было встать — надо же приготовить хоть какое-нибудь угощение...

— Да ничего не надо, Султан, — горячо принялись

возражать гости. — Мы сыты, сыты. Зашли вот перед отъездом тебя проведать.

Незнакомцы решительно встали, а вслед за ними и Шапи.

— Я провожу высоких гостей из района, — сказал Султану председатель колхоза, протягивая на прощанье руку, — а ты ни о чем не беспокойся и поправляйся.

Едва закрылась за гостями дверь, Марин бросилась распахивать окна. Султан смущенно закашлялся в кулак и заскрипел пружинами тахты.

— Не сердись, дочка, видишь, какие большие начальники навестили меня! Помнят еще люди старого Султана, ценят мое доброе мастерство! Этот Салим, — кивнул старик в сторону ушедших мужчин, — ну, тот, что повыше, много лет назад был не председателем райисполкома, как сейчас, а простым бригадиром в соседнем колхозе. Он строил дом к свадьбе, а я делал веранду. До сих пор стоит!.. Целая история была с этой свадьбой... Он любил девушку, и она его любила, а родители были против: то ли какая-то вражда была между их родами, то ли кровная месть — сейчас уж и не упомяну. Тогда Салим договорился с невестой — и украл ее! Вот какая в наши времена была любовь. И смотри-ка: уж четвертый десяток с той поры пошел, а они все любят друг друга, как молодые. Да-а, дочка, любовь — великая вещь, — улыбнулся старик девушке, жадно слушавшей его рассказ.

От нахлынувших воспоминаний о юности Султан прикрыл глаза и опустил на подушки, устраиваясь поудобнее.

Марин с минуту постояла, ожидая продолжения этой необычной истории, потом, взглянув в лицо старика, на цыпочках вышла из комнаты.

3

На третий день после пожара Султану стало лучше, и врач разрешил ему понемногу вставать с постели.

Утром Марин забежала к старику, сварила ему куриную лапшу, напекла лепешек и строго-настрого наказала ни за какую работу не браться, не выходить со двора. Мало ли что может с ним случиться — вон как он еще хрипит, а ее с матерью поблизости не будет — они сегодня уходят на целый день в долину убирать колхозный виноград.

Однако Султан не привык жить без дела, и едва Марин закрыла за собой дверь, он тут же встал с постели, оделся потеплее и вышел на террасу. Щурясь от яркого утреннего солнца, он с наслаждением вдохнул воздух родных гор и, как бы окончательно выгоняя остатки хвори, сладко, до ломоты в костях, потянулся.

Вершины хребта сияли в бездонном синем небе, где-то за аулом куковала кукушка, и эхо печально разносило по окрестностям ее однообразную песню. Во дворе стайкой копошились голуби, подле них бойко шныряли проворные воробьи, выхватывая корм прямо из-под носа у неповоротливых сизарей.

«Ах, красота-то какая! — запело у старика в душе. — Сколько смотрю, а не могу наглядеться», — подумал он, глядя на горы, цепью уходящие в голубую дымку пробуждающегося дня.

Вдруг он заметил какую-то распластанную тень, стремительно падающую с неба; мгновенно смолкло сварливое чириканье; и воробьев, и голубей будто сдуло со двора, на середину которого камнем обрушился большой ястреб. Хищник промахнулся и, видно, не в силах пережить свою неудачу, растерянно вертел туда-сюда остроклювой головой. Султан пристально посмотрел в большие круглые глаза хищника.

— Что, не получилась охота? — спросил он птицу. — Видно, постарел, брат, и ты, а?

Еще раз зыркнув глазом, наводящим ужас на мелкую птичью братию, ястреб подпрыгнул и, тяжело взмахивая крыльями, поднялся ввысь. А до смерти перепуганные пернатые обитатели двора еще долго прятались по углам, не решаясь выбраться из своих укрытий...

Лукаво усмехнувшись в усы, Султан взял с подоконника рубанок, потрогал жало — рубанок был острый, хоть сейчас принимайся за работу. Но вдруг захотелось просто так, по-стариковски, посидеть вот здесь, на террасе, на самом солнцепеке. Однако он тут же пристыдил себя: как можно расслаживаться, когда тебя ждет столько дел! Вон лежат два буковых бруса — это сосед Дауд принес, хочет сделать новые рамы на окна. А балкон в доме доктора Шах-Абаса — его тоже надо заканчивать. Правда, утром доктор сказал — пока никакой работы, надо просто дышать воздухом, набираться сил. Смешно слушать — разве можно набраться сил, ничего не делая?! И он сошел во двор, отпер двери нижнего

этажа — там была его мастерская и сушилка для дерева.

— Салам алейкум, Султан, — вдруг донесся до него из-за ограды голос соседа. — С выздоровлением! Пусть будет добрым твой день!

— Ваалейкум салам, Дауд. Спасибо тебе. Заходи, я как раз только что думал о твоих рамах.

Дауд вошел во двор, раскрыв объятия еще от калитки. Обнял, поздоровался за руку.

— Что не на работе, а? Или вы уже закончили ферму? — не удержался, подковырнул его старик, давая понять, что и он в курсе всех колхозных дел.

— Да нет, — отмахнулся Дауд. — Какое там закончили! Просто камень еще не обсох. Достал я камень, а он — того, мокрый. Сам ведь знаешь, как трудно строить из мокрого камня.

— Ну и каменщики нынче пошли, — весело проворчал Султан, распахивая двери мастерской. — Слушай, а что это за брусья ты принес? Я тогда в сумерках не успел толком разглядеть...

— О, лес что надо! — поднял большой палец Дауд. — Сам выбирал.

Султан поставил ногу на массивные буковые брусья, небрежно пошевелил одной ногой, таинственно поцокал языком. Дауд истолковал все эти таинственные знаки по-своему и теперь стоял, радостно потирая руки, — на славу выйдут рамы, если даже такой чудесный мастер, как старый Султан, одобряет его выбор.

— И ты хочешь, — вдруг обернулся старик к соседу, — чтобы я вот из этого сделал тебе рамы?

Дауд обрадованно заулыбался Султану, закивал головой. Однако лицо старика было серьезно, он и не думал улыбаться в ответ, даже нахмурился.

— Вот ты говоришь, что не хочешь с мокрым камнем возиться. Верно, сырой камень тесать плохо. А что же ты мне подсовываешь для окон этот никуда не годный бук, а? Это же бу-ук! Нет, ты мне давай материал полегче. Сосну например. Для рам нужен податливый материал, понял?

Дауд испуганно закивал головой — понял, мол.

— А что же мне с этими-то теперь делать? — растерянно спросил он. — Назад, что ли, тащить?

— Зачем таскать взад-вперед! Оставь здесь!.. Принесешь новые, — милостиво разрешил Султан. Усы его задрожали от еле сдерживаемого смеха, и, будто

поглаживая бороду, он поспешно прикрыл лицо ладонью.

А Дауд все недоуменно переводил взгляд со старика на брусья; веко одного глаза нервно дергалось; обычно словоохотливый, сейчас он словно язык проглотил. «Значит, зря я тащил домой эти тяжеленные лесины с колхозногс склада, — думал он. — А ведь как трясса, чтобы не увидели, сколько нервов потратил — и все псу под хвост!»

— А вообще-то, на будущее, — добил Дауда старый мастер, — учти, дорогой сосед: я из краденого материала ничего не делаю.

— Ей-богу, не краденые! — горячо начал клясться Дауд. — Не краденые, пусть, если я вру, сама земля разверзнется подо мной...

— Не так громко, сосед, — насмешливо сказал мастер. — А то и впрямь провалишься.

— Ты ошибся, Султан! — размахивая руками, громко заговорил Дауд. — Клянусь всевышним, могилой матери клянусь!..

Будто не слыша его, Султан поплотнее натянул на плечи овчинный полушубок и пошел к калитке.

— Клянусь, Султан! — не унимался сосед, семена за ним. — Ведь я не покладая сил тружусь для колхоза. Должен же быть возмещен мой труд? И разве не могу я...

— Ты принесешь другой материал или нет? — перебил Султан соседа, распахивая перед ним калитку.

— Хорошо, хорошо, — забормотал Дауд, не желая ссориться со стариком. — Но ведь многие так делают.

— Многие, говоришь? — изумился Султан и сердито кашлянул в кулак. — Именно из-за того, что не хватает материала, в колхозе приостановлено строительство фермы, а не из-за мокрого камня! А ты еще и меня в это грязное дело хочешь впутать! Зачем мне это надо на старости лет, а? Зачем мне позорить седины, сам подумай?

Дауд знал крутой нрав старика. Еще, чего доброго, совсем откажется рамы делать! Да к тому же и ославит на весь аул. И, протискиваясь в калитку, он пробормотал умоляюще:

— Хорошо, хорошо, сделаю все по закону. Сосновые, сосновые выпишу, как ты говоришь!

И вот в этот-то самый момент у калитки появился... Эльдар!

Старик даже глазам своим не поверил, но сын уже кинулся обнимать его.

— Отец!

— Приехал-таки, сынок, — растерянно шептал старый Султан, украдкой, на плече сына, вытирая слезы. — Эльдар мой! Какой молодец! И откуда ты узнал, что я хвораю, а? Да что же мы тут стоим-то, пошли скорее в дом.

— С приездом, Эльдар, — заискивающе протянул руку Дауд, когда отец и сын разомкнули объятия.

— Спасибо, сосед! — широко улыбнулся Эльдар.

— Ну пойдемте, пойдемте скорее в дом, — торопил Султан. — Такой радостный день и отметить не грех! Пойдем и ты, Дауд.

Старик, словно молодой, легко поднялся наверх, на террасу, за ним степенно прошли и Эльдар с Даудом.

Султан суетливо гремел посудой, не зная, за что хвататься, что приготовить. Известное дело: от неожиданной радости человек, бывает, теряется так же, как и от неожиданной беды.

— Садитесь, гости дорогие, располагайтесь, — оживленно приговаривал он. — Сейчас что-нибудь на огонь поставлю.

Однако ничего не поставил, ушел куда-то, принес бурдюк с фруктовой самодельной водкой-араки, опустил перед гостями.

— Вот пока для аппетита.

— Давай-ка я сам все сделаю, отец, — Эльдар встал. — Ты только скажи мне, что приготовить и где у тебя что лежит.

Но Султан силой усадил его на место.

— Ты у меня гость. А гостю положено сидеть и ждать, пока хозяева накроют на стол.

Наконец старик нашел чистую сковороду, быстро пожарил на ней сушеную горскую колбасу. Дом наполнился ароматным, возбуждающим аппетит запахом...

— Вот, гости дорогие, кушайте на здоровье, — сказал наконец старик, ставя шипящую сковороду между Эльдаром и Даудом и ломая на три части чурек. — Вы, наверное, думаете, что старый хрыч томит вас ради какой-нибудь необыкновенной снеди. Извините, если обманул, вот, чем богаты... — Мало-помалу успокаиваясь, старик добавил: — Ты, сынок, свалился прямо как снег на голову! Мог бы, наверное, предупредить, а?

— Не обижайся, отец, — нежно погладил его по пле-

чу Эльдар. — Так уж получилось, сам не ожидал, что приеду. А насчет стола зря беспокоишься — вкуснее твоей колбасы ничего на свете нет! И как только она у тебя до лета сохранилась?

— Э-э, сынок, тут нет никакого секрета. Старые люди — запасливые. Ем я теперь мало — вот и осталась у меня колбаса с прошлой осени...

— Отец у тебя — что надо! Мастер на все руки! — вставил Дауд, даже вспотевший от удовольствия польстить такому большому начальнику, как Эльдар. Сын, конечно, был рад слышать такой отзыв об отце. И потому он со снисходительной улыбкой посмотрел на Дауда, словно разрешая ему сказать еще что-нибудь приятное. Этот взгляд окрылил Дауда, и, подняв стакан с араки, он гурмански сощуренным взором оглядел старика с головы до ног, словно оценивая, как лучше произнести тост по такому радостному событию.

— Я хочу выпить этот бокал, — начал Дауд торжественно, как и подобает в таком случае, и оттого называя обыкновенный граненый стакан бокалом, — за твой дом, дорогой Султан. За вот этот самый дом, вернее — за это гнездо, из которого вылетели в наш сложный и древний, как горы, мир твои оперившиеся птенцы. Это ты научил их летать высоко, это ты научил их ничего не бояться, это ты воспитал их такими уважаемыми, какими их всех знает наш аул! — тут он сделал паузу и повернулся к гостю: — Желаю тебе, наш дорогой Эльдар, достичь самых больших высот!

— Спасибо за хорошие слова, Дауд, — снисходительно поблагодарил Эльдар и, поморщившись, пригубил араки.

Султану давно не было так хорошо и радостно.

— А ты чего не пьешь, отец, тебе что, нездоровится? — Внимание сына сделало старика совсем счастливым.

— Да ничего пока, но боюсь, что мое здоровье вообще не простит мне этого баловства, — будто оправдываясь, обронил он и вдруг решился: — А, была не была! Когда и выпить, как не в такой радостный день.

От тоста к тосту все оживленнее и оживленнее делалось скромное застолье в доме Султана, все красноречивее становились речи. Эльдар на радостях изрядно выпил и стал как будто проще, раскованней. Отец не мог налюбоваться сыном.

— Извини, отец, — вдруг решительно встал он. — Я пойду, э... отпущу шофера... Совсем забыл, что он еще по дороге просил об этом.

— Что же ты, сынок, не пригласил человека в дом? — удивился старик.

— Ничего страшного, — засмеялся Эльдар. — Пить ему все равно нельзя. Да и лишние хлопоты доставлять тебе не хотелось.

— Какие там хлопоты! — настаивал Султан. — Иди-ка пригласи человека, пока не поздно!

Эльдар, ничего не ответив, вышел. А вскоре засоби-рался и Дауд. Этот был уже совсем хорош, и хозяин еле разбирал то, что сосед хотел сказать на прощанье.

— Ну и хитрец же ты, Султан, — скрюченным пальцем Дауд смешно размахивал перед носом старика. — Ты все видишь, все знаешь. Все! Потому что ты — мудрый человек! Ведь эти брусья-то я и на самом деле украл. Честно говорю, украл! Но ты знаешь что... Я дарю их тебе! Понял? Помни Дауда! А себе я еще достану — ты не сомневайся! Не сомневайся!

Он уже спустился во двор, но вдруг вспомнил что-то, собрался было снова подняться наверх. Однако, увидев перед собой крутые ступеньки, раздумал. — Спасибо тебе, Султан, за это самое, — бормотал он, выразительно щелкая себя пальцем по горлу и обращаясь к столбу на террасе. — И вообще, ты еще старик хоть куда, — говорил он, хотя Султан давно уже был в доме — прибирался, готовясь к приходу сына и незнакомого человека.

Старик прождал Эльдара на террасе целый день. Уже и сумерки спустились на аул, а сына все не было. Вернулись с виноградников Марин с матерью и едва успели заговорить с ним о здоровье, как старик сразу же поделился с ними радостью:

— Эльдар сегодня приехал!

— Эльдар? — переспросила Марин. «Неужели он так быстро получил мое письмо? — подумала она. — Как бы там ни было — он молодец, приехал сразу же!» Она даже готова была переменить свое мнение об этом неприятном ей человеке.

— Мы рады за тебя, Султан, — сказала ее мать Зухра, и обе они с корзинами за спиной скрылись в воротах своего дома.

Затосковавший было в ожидании старик вновь встрепенулся и провел рукой по бороде.

— Приходите к нам, милые, приходите, очень буду рад,— бросил он женщинам вдогонку.

Но оживление его так же быстро спало, как и возникло: сын, исчезнувший неизвестно куда, побудет немного и уедет. И опять он, Султан, останется наедине со своей старостью. Вот ведь как человек устроен: вроде все у него есть — сыт, обут, одет, соседи хорошие, любимая работа,—а вот, поди ж ты, душа чего-то еще просит!

Давно, еще в молодости, каждый раз, когда в его семье рождался новый человек, Султан сажал перед домом грушу. Вот они, все пять, до сих пор шумят под окнами, давным-давно уже плодоносят — эти деревья росли вместе с его детьми... Совсем крохой была его дочка Марин, когда задушила ее злая болезнь. Тогда сосед Султана и назвал свою новорожденную дочь в честь его маленькой дочки. Так что одно из деревьев предназначено ей — соседской девочке Марин... Самый старший Султанов сын, Халит, не вернулся с войны — пропал без вести. Раз без вести — значит, возможно, не убит, и в душе старик лелеял надежду, что рано или поздно Халит вернется под родительский кров. За его деревом он ухаживал с особой заботой и лаской, словно и впрямь воплотилась в том дереве душа старшего сына. Эх, даже женить парня не успел...

Подул с гор прохладный ветерок, заиграл в листьях, и Халитово дерево, словно подслушав отцовские мысли, величаво склонило ветви в сторону дома. В вечернем небе носились быстрые ласточки, все громче раздавалась звонкая трескотня цикад.

Пришли соседки. Султан, словно нехотя, встал, скинул с плеча полушубок и ввел гостей в дом.

— Заходите, дорогие, — устало пригласил он Зухру и Марин. — Сильно притомились? Наверное, сегодня много работы было? — он заботливо придвинул им маленькие табуреты, а сам сел на край тахты.

— Работа-то нетрудная, Султан, — откликнулась Зухра, — только вот солнце сегодня пекло без пощады. То и дело приходилось в тени прятаться. — Она вдруг осеклась и удивленно взглянула на хозяина: — Так где же Эльдар? Или ты пошутить решил?

— Нет-нет, — запротестовал старик, — чистая правда! Он сейчас придет, его дела, видно, задержали.

Опять поговорили о том о сем — Эльдара все не было. Наконец Зухра не выдержала.

— Да, видно, очень серьезные дела у твоего Эльдара. Ты уж извини нас, Султан. Мы пойдем, а то нам завтра опять на виноградники идти...

И снова остался старый Султан один. Не выключив света, не заперев двери, он отправился на годекан.

Годекан вечером всегда многолюден. Здесь собираются перед сном аульские старики, рассказывают смешные или просто занимательные истории — среди здешних завсегдатаев можно встретить великолепных рассказчиков.

Эльдара здесь не было, но Султан почему-то сразу успокоился. Что Эльдар — старик, что ли, чтобы сидеть на годекане! Конечно же, он в клубе, среди молодежи, наверное... танцует, веселится. Это он любит... Хотя, конечно, если подумать — все равно нехорошо: приехал навестить больного отца, а сам, не сказав ни слова, ушел поразвлекаться.

Султан поздоровался сразу со всеми и присел рядом с рассказчиком.

— Что сын сообщает, Султан? — спросили из темноты.

— А! Ничего особенного, — нехотя откликнулся старик и с горечью подумал, что не успел с сыном и поговорить-то толком.

— Слышали, — подал кто-то голос, — солидная комиссия приехала из города. Определять размеры ущерба.

— Кто-то на нашей беде поживиться захотел, — изрек рассказчик об урожае. — Помните, как тогда, когда унесло паводком мельницу Кумали? И мельница-то была вся гнилая, а приехала комиссия из района и установила, что в этой мельнице чуть ли не все хозяйство Кумали было! Ему тогда такую компен... компенсацию отвалили, что он на нее половину нового дома построил! А теперь таким петухом ходит — будто дом этот заработал своим потом.

— Интересно, сколько он этой комиссии отвалил? — ехидно уточнил один из стариков.

Никто не ответил. Султан уже собрался уходить — в этот вечер, когда все мысли были об Эльдаре, стариковские разговоры почему-то совсем не занимали его.

— Что же сын-то так быстро уехал, Султан? — спросил кто-то из аульчан.

Султан вздрогнул. Как это уехал?! — хотел было возразить он, но пока соображал, что ответить, кто-то из темноты уточнил:

— Так он же говорил, что в район едет, а потом снова вернется.

— Да, конечно, — поддакнул Султан. — Все-таки человек ответственный, столько дел... — А сердце заныло от слов ехидного старикашки. Неужели правда! Шмыгнул за калитку, как вор, и уехал. И ни слова отцу! Да как же такое может быть?!

Он незаметно встал и, ни с кем не попрощавшись, побрел домой. Нет, душа отказывалась верить в то, что он услышал. Вот сейчас он придет и увидит виноватую улыбку сына... С замиранием сердца он распахнул дверь — Эльдара дома не было.

Оглушенный обидой, старик бессильно опустился на стул и простонал сквозь стиснутые зубы:

— Эх, Эльдар, Эльдар! Нечего сказать, уважил своего родителя!

Султан долго сидел неподвижно, смотрел прямо перед собой остановившимся взглядом. Потом нехотя встал, тяжело ступая, подошел к постели, лег.

В нем все еще тлела надежда, что вот-вот все переменится: откроется дверь, войдет смущенный Эльдар: мол, прости, отец, пришлось по делам задержаться... И он, может, не сразу — но простит его. Пусть Эльдар сердцем поймет: немногого стоят те дела, из-за которых приходится забывать родного отца...

Было уже далеко за полночь, а сон к Султану все не приходил.

Сколько дум передумал он за это время, сколько воспоминаний перебрал в памяти — один аллах знает. Забылся он лишь под утро. Но сон — тревожный, леденящий, словно густой осенний туман, — еще больше разбередил раненую душу.

Он вздрогнул, разбуженный первым криком петуха, сразу все ожило в памяти... Эльдара не было.

Утром Марин, навестившая старика как обычно, нашла его мрачным, нисколько не отдохнувшим.

— Так и не пришел Эльдар, дядя Султан? — сразу поняла она, в чем дело.

— Задержался где-то, доченька, — пряча глаза, ответил старик.

— Вот человек! Ну как не стыдно! — всплеснула Марин руками. — Приехать к отцу в аул — и ночевать где-то на стороне!

— Мы же с тобой не знаем, какие у него дела. Все-

таки большой человек, не чета нам с тобой, — через силу улыбнулся старик.

— Не могу и не хочу я этого понимать! Большой, маленький... Он же прекрасно знает, что ты болен, — негодовала Марин. — Я ведь ему писала...

— Как? — удивился старик, ничего не понимая. — Когда ты писала? Зачем?

— Да в тот же день, как ты слег! Не обижайся, дядя Султан! — поняв, что проговорила и что старику отчего-то не по душе ее поступок, мягко ответила Марин.

Султан тяжело вздохнул.

— Ну, ладно. Написала и очень хорошо, доченька, сделала. А то эти... сыновья сами никак не догадаются отца навестить.

Марин снова виновато посмотрела на него, и Султан, невесело улыбнувшись, положил руку на ее плечо.

— Эх, мне бы такую душевную невестку, — вырвалось у него, — мы бы им вмиг напомнили, где он, дом родной. А то уехали — и ни слуху ни духу. Один только Байдук письма шлет. Ладно, хоть письма...

— Да будет тебе, дядя Султан, — вся вспыхнув, потупилась девушка, хотя слова старика были приятны ей. Радостно было слышать, что именно о такой жене для сына он мечтает. Как знать, может, еще станет она его невесткой — вон какая горячая волна окатила сердце при одном только воспоминании о Байдуке...

Но в то же время она видела, что, как ни стремится старик отвлечься от мрачных мыслей, душа его не находит покоя...

— Семь жизней я прожил, — сказал он вдруг невесело и, словно вспомнив что-то, страдальчески потер пальцами изборожденный морщинами лоб. — Целых семь! Я уже трижды умирал — вместе с женой и двумя детьми, которым сам дал жизни! Их осталось у меня трое, — и я болел их болезнями, страдал от их неудач, радовался вместе с ними и был самый счастливый на свете человек, потому что их успехи — это мои успехи были! Мои! А вот теперь, видишь, что получается... Вах!

И словно лишь для того, чтобы опровергнуть его слова, запахнулась дверь, и на пороге возник тот, кого старик безуспешно ждал весь вчерашний день и всю ночь.

— О, папа! — запыхавшийся Эльдар бросил на тахту свой плащ. — Ты чего это? Сердишься? — видно было,

что трудную ночь провел он: глаза покраснели, лицо посерело, и весь он был какой-то опухший, взлохмаченный. — Не сердись, папа! — попросил он, подходя к отцу. — Ну, так вышло! Извини, не успел даже предупредить тебя — срочно пришлось поехать в райцентр по делам.

— Ну что ж, — не глядя на Эльдара, сказал отец, — бывает. Дела, конечно, надо делать. Мне вот тоже надо пойти в лес, посмотреть, что там делается.

Говоря это, он торопливо накинул свой бессменный полушубок, закинул за плечо ружье и, все еще не глядя на сына, бросил:

— Еду там найдешь, у очага.

Эльдар преградил ему путь.

— Отец, — игривым тоном остановил он Султана, — я тебе разрешаю сегодня на работу не выходить! Скажешь потом своим начальникам, что я, понимаешь, я — разрешил!

Султан посмотрел на него тяжелым взглядом, будто взвешивал, чего стоят эти хвастливые слова сына, и, тяжело вздохнув, молча вышел. Да и какой смысл сейчас был в словах, если сын так и не понял, какую боль причинил он самому родному человеку на свете?

— Видишь, что ты наделал! — в сердцах накинулась на Эльдара Марин. — А ведь ему врач только-только разрешил вставать с постели. У, бессердечный! И зачем только я написала, чтобы ты приехал!

— Ух ты, какая ершистая! Как же это я тебя раньше не заметил! — расплылся в масленной улыбке Эльдар, приближаясь к ней. — Не пойму только, о чем ты толкуешь.

-- Будто не знаешь! Я написала тебе, что дядя Султан тяжело болен.

— Ты написала? Нет, девочка, я никакого письма не получал.

Марин посмотрела на него с сомнением и, будто невзначай, посторонилась.

— Откуда же тогда ты узнал, что отец болен и надо его навестить?

— Навестить? А, вон оно что! Да нет, красавица, я по делу к вам приехал. Как член республиканской комиссии. Должен же кто-то устранять последствия разбушевавшейся стихии? Ведь лес-то у вас сгорел, или я ошибаюсь? А о том, что отец болен, я узнал уже здесь,

в ауле. — Глаза его то задерживались на юном лице девушки, то жадно скользили по ее груди.

— Раз приехал, так уж хотя бы не пропадал в первую-то ночь! — сердито отрезала девушка, стараясь не обращать внимания на эти похотливые взгляды.

— Пойми, лапочка, — мягко забормотал Эльдар, делая шаг к ней. — Я ведь не один, понимаешь? Со мной большие начальники приехали. Ну согласись, не мог же я пригласить высоких гостей в это убогое жилище. — Он был уже совсем близко, голос его перешел на замирающий шепот. — Как ты выросла за это время, как хорошела! — бормотал он, не сводя с нее глаз. — И какое милое у тебя стало личико...

С этим шепотом до Марин долетел запах перегара. Она резко рванулась в сторону и вмиг очутилась у двери.

— Ты что, спятил?

Она готова была сейчас ударить Эльдара. Однако его не так-то просто было смутить.

— Подожди, Марин! Если не секрет, конечно, у тебя есть жених, а? Чья ты?

— «Чья», ничья... Что я, вещь, что ли!

— Ну как можно назвать тебя вещью, когда ты вся словно соткана из солнечных лучей...

— Да, да, конечно, так я тебе и поверила, — она иронически улыбнулась. — Зря стараешься! Оставь для кого-нибудь другого и эту лесть, и эти свои дурацкие шуточки.

И, гордо вздернув подбородок, она вышла из дома.

— Марин! — кричал он вслед. — Подожди, Марин! Ведь я от чистого сердца...

Он постоял посреди комнаты, поискал глазами бурдюк с араки, налил стакан и, не морщась, выпил.

4

Понуря голову, шел Султан по лесной тропе. Солнце поднималось к зениту, и голоса лесных жителей становились все реже и тише. Лишь изредка какая-нибудь птица, испугнутая звуком шагов, перелетала с дерева на дерево, и снова все затихало. Мысли старика были о сыне...

Вскоре он вышел к месту пожарища. Еще дотлевали огромные стволы деревьев, земля курилась легким дымком, при каждом шаге поднимался вверх седой пепел... Теперь несколько лет ни одно семечко не примется

здесь. И все же, думал Султан, придет срок — и зашумят тут молодые деревья. Страшны раны, нанесенные лесу стихией, но вылечить их — в его, Султана, силах. А вот в силах ли он исцелить пустую душу сына? В силах ли он вновь пробудить его сыновьи чувства, снова сделать из него человека, которым может гордиться отец? Душа искала успокоения и не находила его.

Краем обойдя выгоревшую ложбину, Султан поднялся выше по склону, чтобы горький ветер пожарища не долетал до него, и сел на взгорке. Вот вроде бы и выздоровел, а прошелся немного — и весь разбитый, и одышка какая-то появилась, которой сроду не было, и поясницу всю разламывает... Султан снял с головы папаху, нахлобучил ее на колено — пусть немного пообдует взмокший лоб... Наверное, прав Шах-Абас, надо бы лечь в больницу — на капитальный, как теперь говорят, ремонт.

«Ну что за характер такой! — упрекал себя Султан. — Чуть чего не по мне — сразу в обиду! В кои-то веки сын приехал — нет бы посидеть с ним, поговорить по-родственному, может, совет какой человеку нужен, помощь. Нет, пошел зачем-то в лес!»

И все же, отдохнув, Султан снова направился к горельнику. Солнце стояло уже высоко. Небо, с утра такое голубос, теперь порыжело, поблекло, словно выцвело от зноя. Где-то совсем рядом подал голос удод. Как легко дышалось прохладным горным воздухом! Старик мало-помалу взбодрился, расправил плечи, пошел веселее. Он то и дело наклонялся, рассовывал, как всегда, по карманам сосновые шишки и в конце концов сам не заметил, как вышел на тропу, ведущую к аулу.

Султан посмотрел в ту сторону, где был лес, потом в сторону аула. Душа все же была не на месте. «Нехорошо бросать гостя! Нехорошо!» — снова подумал он и зашагал к дому.

Здесь его поджидал новый сюрприз. Сына не было, зато в доме хозяйничала не известная откуда взявшаяся Эльдарова жена Калимат. Едва увидев старика, она опрометью кинулась навстречу, помогла снять ружье и, вешая его на стену, без умолку тараторила:

— Ты ходил на работу, папа? Как ты себя чувствуешь, как твое здоровье? Ах, как меня напугало известие о твоей болезни! Я только прочла письмо и сразу решила ехать! Ехать, ехать, не откладывая ни на минуту!

Отпросилась на работе, оставила дочь соседке... и помчалась.

— Как ты добралась? — буркнул Султан раздеваясь.

— Ах, чудесно, чудесно, — продолжала тараторить Калимат. — Так повезло с самолетом! Некоторые сидят в аэропорту целыми днями, а мне, как жене Эльдара, сразу дали билет. — Она еще хотела похвастаться чем-то, но вспомнила о приличиях: — Зачем ты встал, папа? Разве врач тебе не говорил — стоит тебе хоть немного простудиться, и болезнь вернется снова. Можно ли так рисковать в твоём возрасте?

— Ничего страшного со мной не случилось, — ухмыльнулся в усы Султан, вытаскивая шишки из карманов. Он складывал их на табурет, сразу прикидывая, что из какой получится, и размышлял о том, что произошло с его невесткой. Сколько времени ей было безразлично — жив Султан или нет, здоров он или болен. И вот на тебе: специально прилетела только для того, чтобы справиться о его здоровье. Нет, тут что-то не так. Надо бы спросить у Марин, чем это она в письме так разжалобила невестку, что Калимат стало стыдно за брошенного в одиночестве старика... В то же время Султан слишком хорошо знал характер невестки — капризной, строптивой, себялюбивой. Вряд ли ее могло пронять какое-то письмо. Тут что-то другое. Но что? Э, ладно. Поживем, узнаем.

— Ты, наверное, проголодался, папочка? Сейчас я тебе творожные чуду приготовлю. Все говорят, что они у меня на редкость удачно получаются — прямо пальчики оближешь.

— Да, давненько не пробовал я твоей стряпни, — наблюдая, как оживленно вертится она у очага, откликнулся старик. — Рад буду, дочка, вспомнить ее вкус...

— Не понимаю, почему Эльдар не взял тебя к нам! Но ничего, я думаю, мы это дело скоро поправим. Возьмем к себе, подкормим, подлечим, и будешь бегать по своим горам, как какой-нибудь тур, — без умолку тараторила Калимат, готовя тем временем тесто для чуду — горских мантов с творогом.

— А где же Эльдар? — трогая по своей привычке бороду, чтобы скрыть усмешку, спросил старик. — Ты не застала его?

— Придет, куда он денется! Я уже позвонила и в правление колхоза, и в сельсовет, чтобы передали, что я здесь. Пусть только заявится!

— Да-а, крепко ты его взяла в руки, — насмешливо заметил Султан. Но Калимат восприняла его слова как похвалу.

— А как же иначе! Да на что он без меня способен? Без меня он давно бы пропал.

— Что верно, то верно, — снова усмехнулся старик и принялся за шишки. Ему всегда нравилось возиться с ними: раскинет немного умом, поглядит как следует со всех сторон, приложит руки, и такая игрушка получается — ни в одном магазине не купишь! А какая радость аульским ребятишкам! Да что ребятишкам — сам-то какое удовольствие от этого несерьезного занятия получает! Вот, например, для равнодушного человека эта шишка как шишка. Но если здесь чуть ковырнуть ножом, а тут подчистить — прекрасная получится куколка для девочки!

— Иманашевы дом выстроили, осталась только крыша. Сама знаешь, чтобы крышу покрыть, надо гвай устраивать, весь аул на помощь звать. Как раз сегодня должны всю работу закончить. Никто от них не заглядывал; а? — не отрываясь от куколки, спросил Султан.

— Нет, папа, при мне никто не заходил.

— Говорят, Иманалиевы сына женить собрались, — продолжал старик. — Такое время — пора свадеб подходит, праздники пойдут. Неужели мне сейчас придется в больницу ложиться, а?

— Ах, папа! Я тебе так скажу: на свадьбах ты еще побываешь, а со здоровьем шутки плохи...

И опять Султану не понравился ответ невестки. Не клеился у них душевный разговор, и все тут. Словно они друг другу чужими были. Словно на разных языках говорили. И потом, это ее желание во всем угодить. Старик заметил, что время от времени она бросает на него испытующие взгляды, будто проверяя, так ли он сильно болен, как писала ей соседка; ей словно доставляет удовлетворение его вид: изжелта-бледное лицо, усталые глаза, подпаленная бородка. И, словно убедившись в чем-то для себя важном, она то и дело спрашивала:

— Может быть, ты пока полежишь, папочка? Что-то и вид у тебя не очень... Может, тебе нужно принять лекарство?..

— Не нужно, — все так же, не отрываясь от шишек, ворчал он в усы. — Видно, просто переутомился я сегодня. Старость близко, — а от этой болезни никто еще лекарств не придумал.

— Сохрани тебя аллах! — притворно возмущалась она, поднимая свои выщипанные брови. — Что ты говоришь? У нас в городе столько знакомых врачей! Вот увидишь, так поставят тебя на ноги, что и забудешь о старости.

Султан посмотрел на весело потрескивающие в огне кизилловые дрова.

— Врачей, конечно, теперь много стало. Однако и болезней, похоже, прибавилось. Такое время теперь: не успела дойти до тебя весть, что кто-то болен, как уже доходит весть о его кончине... — Султан не успел закончить свою мысль — скрипнула дверь, и на пороге появилась гостья совсем неожиданная — Нажабат. В руках она держала что-то завернутое в полотенце. Недоуменно посмотрев на горящий очаг, на покрасневшуюся Калимат, на сидящего у огня Султана, она решительно шагнула в дом.

— Здравствуй, дядя Султан. С приездом, Калимат.

— Здравствуй, дорогая. Спасибо, — разглядывая девушку, откликнулась Калимат.

— Заходи, заходи, Нажабат, — запоздало пригласил старик.

— Я слышала, ты заболел, дядя Султан, — запела Нажабат. — Вот я и пришла навестить, — она развернула полотенце, под которым оказалась миска с горячими курзе. — Это меня мама попросила передать, — она постояла немного, не зная, куда поставить курзе, потом решительно сунула миску Калимат.

— Скажи маме спасибо, доченька, что не забыла старика, — поблагодарил Султан, жестом приглашая гостью сесть на табурет. — Ну, конечно, и тебе спасибо, дочка.

Кокетливо поведя плечами, Нажабат села.

— Как ты себя чувствуешь, дядя Султан? — смущенно спросила она. — Говорят, в ту ночь всем было жарко?

— Жарко, дочка, — подтвердил Султан. — Пришлось поработать на совесть.

— Мы тоже с папой собирались на пожар, да у нас паводковый ручей весь хлев залил! Качали-качали, а все до сих пор вода стоит.

«Зачем уж твоему папаше колхозный лес, когда родной хлев залило!» — подумал Султан, а вслух сказал:

— Да, много бед выпадает на долю горцев от стихии... Это верно.

— Ну, а у вас какие новости, дорогая Калимат? У вас с Эльдаром, поди, дочь уже большая, да? — светски переключилась Нажабат на городскую гостью.

— Ах, — в тон ей ответила Калимат томно, — какие у нас могут быть новости? На работу да с работы — вот и вся наша жизнь...

— Ну уж, так я и поверила! — недоверчиво улыбнулась Нажабат. — Мы хоть и в ауле живем, но слухи и сюда доходят. Кто в прошлом году с мужем за границу по путевке ездил, а?

Калимат метнула быстрый взгляд на старика, всецело занятого, казалось, своими шишками, и приложила палец к губам: тихо, мол, не надо при свекре, пусть он и не подозревает об этой поездке. Нажабат мгновенно поняла ее, тонко улыбнулась и повернула разговор в новое русло.

— Пишет Байдук, дядя Султан? Не женился еще? Не собирается ли в отпуск наведаться?

— Все они обещают старику приехать в отпуск, — поглядывая на невестку, колюче произнес он. — Но когда доходит до отпуска, то вдруг оказывается, что государственные, видите ли, дела совсем не дают им отдыхать.

Поняв, в чей огород камень, Калимат возразила:

— Мы же просили тебя, папа: приезжай к нам.

— Просить-то просили, что верно, то верно. Да так просили, что я уже и под своей кровлей почувствовал себя обузой для вас...

Не желая, чтобы свекор продолжал разговор на столь щекотливую тему, Калимат быстро сняла с огня чуду.

— Попробуйте, папа...

Султан отложил в сторону очередную шишку и нож и принялся за трапезу.

— О-о, прекрасно! — похвалил он. — Оказывается, ты там, в городе, не забыла, как готовят горскую еду!

Калимат расплылась в улыбке от этой похвалы, а Нажабат, давно уже понявшая, что в этом доме не все ладно, решила, что пора уходить...

Как ни удерживала девушку Калимат, остаться та наотрез отказалась. И тут, словно для того только, чтобы помочь жене, явился Эльдар.

— Здравствуй, Нажабат, здравствуй! Отчего это ты обижаешь нашу Калимат, — вмешался он, — и не хочешь попробовать ее чуду, а?

С появлением мужчины Нажабат вдруг вся словно ожила, преобразилась:

— Ах, я и так засиделась у вас, Эльдар, — кокетливо пропела она.

Эльдара даже в пот бросило от ее откровенного взгляда. Поспешно отвернувшись, он сел рядом с отцом. Еще раз с интересом взглянув на него, Нажабат взяла пустую миску и выпорхнула на улицу.

— Когда это ты успела приехать, Калимат? — опомнился Эльдар. — Ты ведь вроде никуда не собиралась. Что за дело привело тебя сюда?

— Поешь, пока все горячее, — прервал сына Султан.

А Калимат затараторила, обрадовавшись новой возможности поговорить:

— Это целая история! Представляешь, только ты уехал, приносят письмо от какой-то папиной соседки, — быстро рассказывала она, доставая конверт из сумочки. — Ну, я сразу на самолет и сюда. К тому же мне крупно повезло: ведь чуть было не отложили вылет...

Эльдар вытер руки, спокойно развернул листок, пробежал по аккуратно выведенным школьным почерком строкам. Письмо явно заинтересовало его, он вернулся к началу странички и медленно прочел еще раз. Султан, сидевший рядом, попытался заглянуть в листок. Но что он мог увидеть там без очков?

— И что же пишет эта таинственная соседка? — как бы между прочим, стараясь казаться равнодушным, спросил Султан.

— Пишет, что ты расхворался, ругает нас за то, что никак не соберемся провести тебя, — весело ответил сын. — А мы вот, как видишь, приехали и заберем тебя на всю зиму. Решено, отец? А? Ты у меня еще полсотни лет будешь как молодой джигит!

— Где уж мне теперь мечтать о полсотне, — махнул рукой старик. Ему и приятны были слова сына, и трудно было поверить в его искренность. С чего это вдруг они оба стали такими заботливыми и любящими? Конечно, хорошо было бы прочесть это письмо — не в нем ли причина их нежности? Но Эльдар небрежно сунул его себе в карман. Старика так и подмывало сказать сыну о том, что дети должны думать об отце и без всяких напоминаний, что надо торопиться отдавать сыновний долг, пока родители живы, потому что после смерти ни любовь, ни уважение им уже не нужны. В то

же время он боялся начинать этот разговор еще раз, боялся, что сын вдруг встанет и, не дослушав его, уедет... Поэтому он сказал совсем другое:

— Что же твоя комиссия говорит о нашей беде?

— Мы еще не закончили работу. Но я полагаю, что правительство нашей республики окажет колхозу значительную помощь.

— Что ж, это хорошо,— откликнулся Султан, с то-ской думая, что совсем не о таком разговоре с сыном мечтал он. И все же продолжил: — Хорошо в том смысле, что правительство всегда готово прийти на помощь тем, кто пострадал от беды. Да ведь сколько времени пройдет, сколько средств, труда надо затратить, чтобы лес стал прежним...

— Ничего, ничего, отец,— голосом, каким, должно быть, разговаривал у себя в кабинете, подбодрил Эльдар.— Было бы у людей желание, а лес вырастет.

Этот натянутый разговор, такой бы радостный в другое время, своей неестественностью терзал душу Султана, но старик никак не мог его переменить.

— Сколько раз я уже говорил и на правлении колхоза, и на общем собрании, и на заседании нашего аульского Совета... Да и просто на годекане говорил: надо создать на склоне гор террасы и на этих террасах посадить лес. Все одобряют, все вроде «за», а дело дальше слов так и не двинулось.

— А зачем все это, отец? — удивленно спросил Эльдар.— Есть же у колхоза свой лесной участок? Есть! Леса вам хватает? Хватает!

И вдруг равнодушие сына задело старика за живое.

— Что за чепуху ты говоришь! — стукнул он кулаком по табурету. — Зачем, зачем! А зачем ты одежду носишь, а? Или вот люди выращивают цветы. Зачем? Можешь объяснить?

— Ну-у,— снисходительно протянул сын. — Это же совсем разные вещи! При чем тут цветы? Ведь ясно же, что затраты колхоза на разведение леса на террасах не окупятся.

— Сегодня не окупятся — завтра окупятся! Ты вспомни — испокон веков у нас на склонах какие леса были... А теперь посмотри... И никто не думает о том, что если берешь, то и отдавать надо! Этак и всю землю недолго испоганить и сделать ее бесплодной, безжизненной.

— Я, конечно, понимаю, отец, о чем ты хочешь сказать, — опять заговорил начальственным голосом Эльдар. — Ты прав, так сказать, в глобальном плане. Но я-то толкую тебе как представитель нашего, республиканского, Министерства сельского хозяйства: колхоз ваш не получит от этих террас никакой отдачи. Согласен?..

Старик покашлял по своему обыкновению в кулак и уселся на постели, скрестив ноги поудобнее.

— Нет, сын мой! Хотя ты и большой человек, а думаешь неправильно. Сегодняшний, мол, рубль схвачу, а на завтрашних два — наплевать. Вот как у тебя получается! Совсем как у нашего соседа Дауда.

— Это какой же Дауд, — вмешалась вдруг в разговор Калимат.

— Э-э, ты его не знаешь, — отмахнулся Султан. — Вот Эльдар его знает.

— Как не знать, если это тот самый Дауд, что в райпо работает! — рассмеялся Эльдар. — Его в городе каждый рад у себя видеть.

— А, ну так и я тогда его знаю, — обрадовалась Калимат. — Такой славный, веселый, работник сельской кооперации.

— Да-а, — огорченно протянул Султан. — Правильнее было бы сказать не работник кооперации, а обычный жулик. А для вас он — славный, веселый... И только потому, что «полезный». А тот, кто не может чего-нибудь «достать», тот ненужный, бесполезный! Здорово вы живете!

Стало тихо. Эльдар нервнoс зажег сигарету. Старик осуждающе насупился: сын закурил в его присутствии, не попросив разрешения. Но Эльдар делал вид, что не замечает его недовольства.

— Ты мой старший сын, Эльдар, — торжественно сказал Султан, поправив усы. — Ты достиг высокой должности, тех благ, что сопутствуют твоим знаниям и умению. Все считают, что я должен гордиться тобой...

Тут Калимат, почувствовав, что разговор вот-вот примет неприятный оборот, быстро вытерла руки и, пробормотав что-то невнятное, ушла, чтобы не слышать нудного ворчания свекра. Султан посмотрел ей вслед, покачивал головой каким-то своим мыслям и продолжал:

— Конечно, правда не всегда радует. Иное дело ложь — она рядится красиво, помогает выдавать себя совсем не за то, что ты есть на самом деле. Но как бы

ты ни прятал от людей свое нутро, как бы ни наводил на себя лоск этой красивой ложью, в один прекрасный день правда прорвется наружу и все — слышишь, все! — увидят, что ложь — всего-навсего ложь... — Старик закрыл глаза, словно от боли, покачал головой и вдруг выпалил: — Слышал я, тебе жена изменяет, а? И ты преспокойно смотришь на все это — только бы правда не вышла наружу, только бы она не испортила тебе, как вы теперь говорите, карьеру.

— Это ложь, отец, — от неожиданности Эльдар перхнулся дымом. — Ложь, пущенная теми, кто завидует мне. Клянусь тебе, отец, ничего этого нет! Как ты мог поверить гнусным сплетням!

Султан пристально посмотрел на сына. В глазах его были и боль, и сомнение, и желание поверить в то, что сын не обманывает. А Эльдар оправдывался все торопливее, все горячее.

— Отец, неужели ты думаешь, что, зная что-то плохое о своей жене, я смог бы жить с ней? Неужели ты думаешь, я забыл, что такое честь мужчины?

— Подожди, — властно прервал его Султан. — Ты что-то слишком много говоришь. А много, как уверяют мудрецы, говорит лишь тот, кто боится правды. Подожди! — снова остановил он пытающегося что-то возразить Эльдара. — Допустим, я сам не верю этим слухам. Но люди!.. Будет тебе известно, что людская молва ранит насмерть. И особенно таких старых людей, как я. Ты пойми это, и если я не прав — прости меня. Ты, сын, должен уважать мои годы и уметь прощать!..

— Не верь, не верь всяким сплетням, отец, прошу тебя! — почти завизжал Эльдар. — Я не зря сказал о завистниках, папа. Мне иногда кажется, что мир весь наполнен черной завистью. Если бы ты знал, сколько желающих заполучить мое кресло, мое положение! Жалкие неудачники, они, отчаявшись честно взойти на вершину благополучия, хотят добиться чего-то в жизни, очерняя других. Они следят за каждым твоим шагом, они ждут, когда ты оступишься, злорадствуют при твоих неудачах и скрежещут зубами при твоих успехах... Это подлецы, папа, но некоторые почему-то готовы скорее прислушаться к их голосу, нежели верить в твое благородство и твою незапятнанность!

Эльдар, нервно затягиваясь сигаретой, метался из угла в угол. Султан не произнес ни слова, он словно окаменел, заглядевшись на пылающие в очаге кизилловые

дрова. Вот сейчас ослабнут последние языки пламени, и от поленьев останется только зола. Только зола... А что останется в душе после такой вот речи сына?

— Ты думаешь, отец, мне в жизни легко было? — не то спрашивал, не то доказывал что-то Эльдар. — Легко было работать, а ночами писать диссертацию? Думаешь, просто было довести ее до конца, а потом успешно защититься?

— А зачем тебе была нужна эта диссертация? — спросил вдруг Султан.

— Как это зачем! — изумился Эльдар. — Теперь многие так делают, отец. Теперь разве ты чего-нибудь стоишь, если у тебя нет научной работы...

— Хорошо, пусть так, — жестом прервал его отец. — Скажи мне тогда: твоя диссертация приносит пользу людям?

— Ах, папа, как ты не понимаешь! — начал было Эльдар, но заметил, что отец хмурится все больше. — Конечно приносит! А если бы не было пользы от диссертаций, то не было бы ни аспирантур, ни науки вообще. Кроме того, далеко ведь не всем удастся защититься. Но даже если и защитишься — это еще не все. Нужно еще много времени, чтобы тебя заметили, оценили... И все это — здоровье, нервы... В конце концов, ты же знаешь, я добился своего!

— Вот ты стал очень современным человеком, ученым. У тебя звание, ты работаешь в министерстве, да не в каком-нибудь, а в Министерстве сельского хозяйства, — начал Султан, задумчиво глядя на тлеющие угли, но вдруг резко повернулся к сыну, прикуривающему в эту минуту сигарету. — А вот скажи мне: помнишь ли ты, как пахнет лес, как поют птицы, как цветут луга?

— Да ты что, папа, — облегченно рассмеялся Эльдар. — Как же не помнить, когда мы каждое воскресенье выезжаем на лоно?

— Вот-вот, на лоно, — невесело подхватил Султан. — Ездите шашлыками забавляться. Выпили, наговорили друг другу сладких слов, скрепили шашлыком эти признания в любви и дружбе — и по домам, до следующего воскресенья! До природы ли тебе, сын, до запахов ли, до пения ли каких-то птах!.. Какая же может быть под твоим руководством наука, какое сельское хозяйство, если сердце твое глухо к тому делу, которым ты занят, а?

Султан поежился, будто от озноба, отодвинул в сторону лежавшие под рукой сосновые шишки и поднялся. Ему вдруг стало невыносимо в обществе сына, захотелось подышать свежим воздухом, отвлечься от горьких чувств, которые он сейчас испытывал.

— На старости лет мне нужно совсем немного... — уже в дверях завершил Султан разговор с сыном. — На жизнь мне хватит того, что у меня есть. А от тебя мне вообще-то нужна самая малость: знать, что ты с честью носишь свое имя, и чувствовать твою сыновью любовь. Только и всего...

Во время этого изматывающего душу разговора Эльдара не раз подмывало оборвать старика резким словом, но он старался сдерживаться — все-таки отец, хоть он и не прав. И в то же время в словах отца было что-то такое, что раздражало, выводило из себя.

Едва Султан вышел, в комнате тут же появилась Калимат, впилась в мужа вопрошающим взглядом: ну, что, как? С одной стороны, резкий в своей нетерпимости старик, с другой — знающий себе цену ее заносчивый муженек. Чем-то кончилась их стычка?..

Эльдар стоял у окна, весь уйдя в свои мысли. Старик безжалостно разбередил его давнишние сомнения...

Минувшей весной Эльдар собрался лететь в Ленинград — там должно было состояться обсуждение его новой работы. Он, как водится, попрощался с семьей и уехал в аэропорт. Билет у него был заказан заранее, но вылет задерживался из-за непогоды. Пришлось ждать до утра.

А утром погода резко ухудшилась: небо заволокло сплошной пеленой, летное поле было в тумане, пошел нудный морозящий дождь. Диспетчер, миловидная девушка с красной повязкой на рукаве, устала уже отвечать на раздраженные вопросы пассажиров. От безделья Эльдар позвонил жене и, желая развлечься, сказал ей, что говорит уже из Москвы, что погода здесь чудесная и он, видимо, вот-вот отбудет в Ленинград.

Но погода не улучшалась, и к вечеру Эльдар не выдержал, сдал билет и на такси примчался на железнодорожный вокзал. Но и здесь ему не повезло: следующий поезд на Москву был только рано утром. Ему ничего не оставалось делать, как вернуться домой, тем более что после суток, проведенных в аэропорту, ему страшно хотелось спать.

Он пытался открыть дверь, но безуспешно — видно, с другой стороны в замке торчал ключ. Наконец до него донесся голос жены:

— Кто там?

— Я! — раздраженно крикнул Эльдар.

— Ох, подожди немножко... Я только халат накину,— отозвалась Калимат растерянно — так ему показалось тогда.

Но прошло еще несколько минут, прежде чем жена открыла дверь...

В доме что-то было не так... В пепельнице лежали папиросные окурки, в воздухе висел запах дыма и какого-то пряного одеколона.

— Гости были? — рассеянно спросил он.

— Да... гости. Из района приезжали,—поспешно подтвердила Калимат.— Ах, дорогой, ты как снег на голову! Ведь ты же был...

— Ну был, был! — грубо перебил он Калимат.— Был там, а теперь здесь!..

Тогда он ничему не придавал особого значения. Но непонятная тревога кольнула его сердце. И вот сейчас, после разговора с отцом, к нему вдруг пришла беспощадная уверенность, что в тот день в его доме был мужчина. Теперь он с особенной злостью вспомнил, что и раньше слышал, будто перед замужеством Калимат была до беспамятства влюблена в какого-то художника...

«Было — и быльем поросло», — отгонял от себя дурные мысли Эльдар. Он только сейчас заметил жену, застывшую с тревожным вопросом в глазах.

— Вот вредный старик,— улыбнулся он Калимат.— Не может без морали обойтись, и все тут! Прямо хлебом не корми.

— Плюнь на все, дорогой, и береги себя. Пусть старик потешит себя своими допотопными нравоучениями... немного... — Калимат прижалась к мужу и нежно погладила его по плечу.

Она думала только об одном — о завещании старого Султана.

5

На следующий день Султан встал как всегда рано и, не дожидаясь завтрака, спустился вниз, в свою мастерскую. Хотел было включить станок, но вовремя

вспомнил о гостях — шум мотора наверняка разбудил бы сына и невестку. Он стоял в нерешительности, перебирая материал, пока не наткнулся наконец на буковые брусья, что приволок незадачливый Дауд. Старик оглядел их, поднося одним концом к глазу, повертел, покрутил, будто решая что-то для себя. Наконец, осторожно сложив брусья на верстаке, он наспех накинул на плечи ватник и споро зашагал в сторону правления.

От гор по-осеннему тянуло холодком, и сейчас, утром, как-то особенно видно было, что в зелень склонов уже вплетаются рдяные пряди.

В бригадирской, куда вначале зашел Султан, было не только, как всегда, сильно накурено, но и вовсю веяло печным жаром. Маленькая печурка, стоявшая тут, полыхала даже в самые теплые дни, и пока бригады получали наряды, кто-нибудь клал в поддон несколько картофелин; тут всегда пыхтел, позванивая крышкой, полный чайник.

Султан поздоровался со всеми, его натруженные руки потянулись за горячей картофелиной.

— Что-то не видать тебя все эти дни, дядя Султан, — бросил один из бригадиров, наливая в кружку ароматный чай.

— Я же не обтираю целыми днями стены правления, как эти молодцы, — усмехнулся старый Султан, глядя на двух парней, с безразличным видом стоявших у окна. — Работаю, вот меня и не видно.

Парни покраснели от слов старика, но один из них все же огрызнулся:

— Было бы дело — не болтались бы здесь.

— Дела, говоришь, нету? — обрадовался старик. — Ладно, помогу вашей беде. Сейчас пойдете со мной...

Парни удивленно переглянулись: чего, мол, придумал старик.

— Ждите, я сейчас! — бросил Султан и направился в комнату председателя.

— Слушай, Шапи, — начал он прямо от двери. — Я только на минутку... Прошу тебя — оторвись от своих бумаг. Помнишь, ты как-то говорил, что тебе нужен столяр на стройку? Так вот, хочу помочь тебе. Какие там рамы на ферме? Можешь дать мне размеры?

Шапи даже встал из-за стола.

— Спасибо, дорогой Султан. Конечно же, позарез нужен столяр! Только... — Шапи на минуту запнулся, —

понимаешь, нет у меня сейчас материала для рам. Не получили пока, такая вот петрушка...

Султан лукаво усмехнулся, глядя на огорченное лицо председателя.

— Это пусть тебя не заботит. Рамы я сделаю из своего материала, но с одним условием.

— Чтобы мы потом доски вернули? — заторопился председатель. — Не сомневайся, получишь все сполна! Тут, понимаешь, зима на носу, а скот держать негде. С меня уже в райкоме не одну стружку сняли. Ты даже не представляешь, как ты меня выручишь! — Он подошел к Султану и долго тряс его руку. — Сам хотел тебя о помощи просить, да язык не поворачивался. Любые условия ставь, дорогой Султан!

— Ладно, ладно, — успокоил растроганного председателя Султан, — чего уж там! Только вот условие мое несколько необычное. Обещай, что защитишь меня в случае чего, а?

— Защитить? От кого? — удивился Шапи.

— Э, мало ли что в жизни может стрястись, — весело прищурился Султан. — И еще вот что. Тут у вас два парня в бригадирской с утра до вечера ляды точат... Так ты, будь добр, прикрепи их ко мне на то время, пока я рамы делать буду. Идет?

— Зачем тебе эти лодыри? — удивился председатель. — А впрочем, если тебе надо, — бери. Бери все, что хочешь, дорогой!

Он вышел вслед за старым мастером в бригадирскую.

Парни уж и думать-то забыли о старике; во всяком случае, о том, что он явится перед ними об руку с председателем, даже и не помышляли.

— Вот эти, что ли? — ткнул пальцем Шапи.

— Они, они, — зажав бороду рукой, кивнул Султан.

Парни растерянно переглянулись.

— Так-так, — усмехнулся Шапи. — Керим, Абдул! Чем вы сегодня заняты?

— Мы? Мы, это... Мы ждем, — заговорили парни наперебой. — Мы хотим...

— Ну вот и прекрасно, — остановил их Шапи и приказал: — С сегодняшнего дня оба поступаете в распоряжение дяди Султана. Ясно?

— Чего хоть делать-то? — сразу сдался Абдул.

— Что мастер скажет, то и будете делать. И не вздумайте отлынивать! Оплата — по работе.

— У меня мать больная,— сделав плаксивое лицо, сказал вдруг Керим.— За ней уход нужен.

— Это ты что, здесь, в бригадирской, что ли, за ней ухаживаешь? — поинтересовался Шапи. — Смотри, парень! Я вообще в последнее время замечаю, что ты из правления не вылазишь — и сам бездельничаешь, и людей от дела отвлекаешь! — и, обращаясь к старому Султану, сообщил: — Большой мастер анекдоты травить.

— Нельзя уж, что ли, человеку часок передохнуть от домашних забот? — огрызнулся Керим.

— На пенсии отдохнешь, дорогой! Ну, все. Остальные распоряжения получите от дяди Султана, он отныне ваш бригадир! — председатель повернулся к старику.— Ну, добрая душа, на тебя вся надежда!

— Не подкачаем! — заверил новоиспеченный бригадир. Потом, почесав в затылке, подмигнул парням: — Пошли, что ли? Да вы не бойтесь, не бойтесь, работа у меня прямо для вас — и не тяжелая, и прибыльная.

Оба постояли молча, потоптались, словно обдумывая предложение старика. Увидели, что их «бригадир» уходит, переглянулись и с независимым видом, лениво волоча ноги, пошли следом. Бригадирская содрогнулась от хохота.

— Ай да Султан! — донеслось до парней. — Обоих обратал! Силен старик!

Боясь оглянуться, парни следовали за Султаном. Ох, как они ненавидели эту широкую спину в сером ватнике!

— Идете? — время от времени спрашивал Султан, не поворачивая в их сторону головы.

Зашли в проулок, и парни, наконец, не выдержали этой пытки.

— Ну зачем тебе все это надо было, дядя Султан? — недовольно спросил Абдул.

— Зачем, спрашиваешь? Вам что, есть не надо? — старик остановился, взял Керима за пуговицу пиджака.— Вот ты говорил, что мать у тебя больная. Не стыдно тебе, такой здоровенный парень, а хочешь одеваться, обуваться, есть-пить за счет больной женщины, а?

— Мы же только-только школу окончили, дядя Султан,— вступился за товарища Абдул.— Что же мы, не имеем права отдохнуть немного? Ведь десять лет вкалывали за партой!

дых портит человека, запомните! Делает его ленивым, болезненным. Надо устраивать свою жизнь так, чтобы сама работа радовала... А вы что, считаете, когда вы слоняетесь из угла в угол, подпираете стены и ничего не делаете — это отдых?! Нет, дорогие мои! Вот у меня вы отдохнете по-настоящему.

Парни надулись, но шли не отставая. «Конечно,— размышлял Керим,— если, как сказал этот старикан, у него можно будет подзаработать — надо поищачить малость да потом рвануть в город. Отец как-нибудь справится с семьей и без меня». Абдул же, размышляя, вдруг понял, что идет к старику даже с охотой. Тяжелой работы он никогда не боялся, наоборот, искал дело по плечу и давно бы уже нашел, если бы не дружок Керим.

— Ну что же вы приуныли? — снова обратился Султан к ребятам, проводя их прямо в мастерскую. — Вот что, мои юные друзья, сердце мне говорит, что вы нынче позавтракать не успели. Посидите здесь, а я схожу узнаю, готов ли завтрак.

Керим и Абдул переглянулись и стали осваиваться в мастерской. По одной стенке на специальных полках лежали все инструменты, необходимые столяру. По другой — от пола до потолка поднялись стеллажи, сплошь уставленные фигурками из дерева, смешными куклами, человечками из еловых шишек. Парни, открыв рты, принялись разглядывать эту неожиданную выставку.

Султан тем временем неторопливо — пусть будущие его помощники все посмотрят, все пощупают своими руками — поднялся наверх.

В доме уже вовсю хозяйничали Калимат и пришедшая ей помочь готовить завтрак Марин.

— Здравствуйте! — бросил старик на ходу. — Эльдар не встал еще?

— Здравствуй, папа! — откликнулась невестка. — Не встал, но уже проснулся...

— Как у вас дела? Скоро завтракать будем?

— Скоро, скоро, папа!

— Ну что ж, славно! Только учтите, что у меня еще двое гостей.

Невестка недоуменно посмотрела на свекра — неужели шутит?

Нет, он не шутил. Однако что же делать — ей нельзя забывать, зачем сюда приехала, надо выполнять все капризы больного старика...

— Учетом, папа,— покорно ответила Калимат.

Султан, хмыкнув что-то в бороду, сгреб с табурета шишки и понес их вниз. Увидев, как разгладились его морщины и оживились совсем было потускневшие глаза, Марин подумала: «Много ли человеку надо?! Приехали дети — и сразу повеселел. Значит, единственная причина его хвори — одиночество, и я все сделала правильно...»

И, словно подслушав ее мысли, Калимат вдруг спросила:

— Слушай, Марин, отец сказал Эльдару, что это письмо ты писала... Скажи, ты правду написала или все выдумала?

— О чем ты, Калимат? А, об этом... Да-да, это все чистая правда. Я как-то сама видела его сберкнижку — у него там не то девять тысяч пятьсот, не то десять тысяч пятьсот. А теперь-то еще больше, наверное!

Калимат жадно слушала, и глаза ее загорались алчным светом.

— Дядя Султан,— продолжала с воодушевлением Марин,— поговаривал о том, что надо бы эти деньги после его смерти поровну между сыновьями поделить, дай ему аллах долгой жизни.—Время от времени девушка исподтишка наблюдала за этой хищницей, ей было любопытно, какое впечатление производят ее слова.— Потом хотел все колхозу отказать, но мы его отговорили. Он меня однажды позвал к себе и говорит: «Вот, дочка, я уже совсем стар стал, все чаще хвораю. Пришло, видно, мое время, надо бы, пока не поздно, завещание составить».

— Да что ты говоришь! — вырвалось у Калимат.

— Да-да. Я уже и писать приготовилась. А он вдруг раздумал. Говорит, знаешь, Марин, я вот что решил. Оставляю-ка, мол, я все деньги тому сыну, который меня, старика, больше любит, не забудет меня и пригреет в трудную минуту. Давай, дочка, говорит, мы с тобой подождем пока писать и посмотрим, что нам жизнь подскажет...

Калимат слушала затаив дыхание. Сердце ее, казалось, готово было выскочить наружу: вот они, деньги, протяни только руку. Уж она его, старого хрыча, согреет, окружит лаской!.. Дело стоит того — пусть это и не миллион какой-нибудь, однако вполне приличные деньги, да притом падают, будто манна небесная. Можно будет машину купить или ездить несколько лет на роскошные курорты. Можно даже в Варну или в Карловы Вары. И себя показать, и Европу посмотреть. Да мало ли что можно с ними сделать...

Вернул ее к действительности гул, донесшийся откуда-то снизу.

— Ой, как я напугалась! — вскрикнула Калимат. — Что это такое, Марин?

— Ничего страшного, — пряча улыбку, ответила девушка. — Это дядя Султан на станке работает.

— О аллах! А я-то, глупая, испугалась, думала — землетрясение. Мне везде оно мерещится. Эльдар вот смеется надо мной...

У старика и в мыслях не было, что его слабенький электромоторчик так подействует на невестку. Объясняя парням что к чему, он начал обрабатывать брусья, украденные Даудом.

— А ну-ка, смотрите сюда. Заготовку надо пускать по станку медленно, — плавным движением он продвинул брус ближе к пиле. — Видите? А ну-ка, Керим, давай попробуй ты.

Керим взял половину бруса, отрезанную стариком, положил на стол, но заготовка почему-то шла у него скачками, рез получался рваный, кривой.

— Э-э, подожди-ка, — остановил его Султан. — Терпения не хватает у тебя, парень!

— А ты что, дядя Султан, в самом деле хочешь из нас столяров сотворить?! — Керим в сердцах отшвырнул доску в сторону. — Ты бы меня сначала спросил: хочу я этого или нет!

Султан выключил мотор и, присев на доски, полез за кистетом.

— Никого я из тебя не буду делать, — Абдул почувствовал, как горько старику говорить это. — Сделать можно игрушку, куклу, а при чем тут человек? Вот вы все рассуждаете: это я не хочу делать, это не по мне... А есть на земле такое дело, которого вы жаждали бы, а? То-то и оно! Чтобы найти себя в жизни, нужно сначала что-то увидеть, испытать. Вот ты, допустим, Керим, полюбил бы девушку из какой-нибудь другой страны, если ты ни разу ее не видел?

— Н-нет, наверно, — смутился парень и сел рядом со старым мастером. — Хотя... вот в сказках... Там, например, так бывает.

— Сказки сказками, а жизнь, которую мы каждый день видим, слышим, осязаем, — это совсем, друзья мои, другое. Ну да ладно, это все философия, как выражается мой старший сын. Вот о чем хочу сказать: я знаю людей, которые занимают большие должности в важных учреж-

дениях, а сами не могут даже простой вешалки прибить. Не знаю, может, они стыдятся черной работы, но вот даже мой Эльдар, сын потомственного столяра...

— По какому это поводу меня здесь склоняют? — легок на помине появился в мастерской Эльдар, завязывающий на ходу галстук. — Салам алейкум, труженики, что у вас тут за диспут?

— Я вот взял тебя в качестве примера молодым людям: кандидатом наук человек стал, а гвоздя забить не умеет.

— Дядя Султан, — вступился за Эльдара разбитной Керим, — разве ученым обязательно уметь забивать гвозди?

— Мужчина должен все уметь, — насупив брови, проворчал старик.

— Это почему же ты думаешь, отец, что твой сын ни на что не способен? — закатывая рукава свежей сорочки, подошел к станку Эльдар. — А ну-ка, давайте проверим, есть ли во мне отцовские гены. Запусти станок, отец.

Эльдар взял доску, повертел ее, примерился, пока включенная отцом пила набирала обороты, и положил на стол. К удивлению парней, Эльдар работал на станке как заправский столяр. Нет, не забыл Эльдар полученной в детстве отцовской науки! Старик радовался. Хорошо бы, если бы ребята, глядя на Эльдара, заинтересовались ремеслом. И совсем не в том дело, чтобы они всю жизнь столярничали — пусть ищут себе работу по душе! Но Султану важно было, чтобы ребята сейчас не слонялись без дела, занимались бы чем-то полезным, нужным в повседневной жизни. Вот, к примеру, учат их в школе на трактористов. Хорошо, пусть учат. Но сколько в горах полей, которые можно обрабатывать трактором? Раз, два — и обчелся. Так что пусть уж лучше они пока будут столярами. Они в наших условиях нужней...

— Вот и все! — Эльдар выключил станок, ставя перед отцом гладко оструганную буковую тесину. — Тяжелое дерево, плохо строгаются...

— Зато крепкое. Век простоит, — возразил Султан, а сам с гордостью посмотрел на парней.

Эльдар, стряхнув с брюк стружки, стоял с таким видом, будто совершил подвиг, требующий немедленной награды.

— Так что ошибся ты, отец, насчет того, что кандидаты наук не умеют гвозди забивать, — приводя в поря-

док рукава сорочки, важно изрек он.— Другое дело, что у человека должна быть одна высокая цель. Как ствол у корабельной сосны.

— Дерево красиво тем, что у него не только ствол есть, но и плодоносящие ветви,— не сдавался Султан.

Эльдар не стал спорить с отцом в присутствии ребят. Но упрямство старика, как всегда, раздражало. «Дерево ствол, ветви...— думал он.— Послушает кто-нибудь, решит, что старик мудр. А на самом деле даже и в этих словах видна вся ограниченность его мышления, его кругозора. Жил, растил детей — и ладно. Ни высоких идеалов, ни настоящей цели. Вот возьмем эти его игрушки...» Взгляд Эльдара остановился на стеллажах с лесными обитателями. Когда и он сам, и его братья были маленькими, отец тоже делал им такие... «Однако,— удивленно подумал Эльдар,— отец стал настоящим мастером!» Он почувствовал, что игрушки нравятся ему, что перед ним — подлинное искусство. А это что такое? Среди зверюшек и птиц стояла одинокая фигурка девушки, вырезанная из какого-то светлого дерева. Эльдар взял ее, поднес поближе к глазам — внимательно стал разглядывать. Султан настороженно ждал, что скажет сын.

— Неужели это тоже ты вырезал, отец? — недоверчиво спросил Эльдар, не в силах оторваться от фигурки.

Девушка с длинными белокурыми косами, как живая, смотрела на него и тихо улыбалась каким-то своим светлым думам.

Старик взволнованно потянул в последний раз самокрутку, выбросил ее на улицу.

— Дай-ка,— обернулся он к Эльдару и, взяв в руки свое творение, вздохнул.— Годы юности, как нескончаемый сон, сопровождают человека всю жизнь. Впрочем, что вы в этом пока понимаете,— усмехнулся он собеседникам.— Однако поверьте мне на слово — в нашей жизни нет ничего ярче молодости. Вот видите, через много лет, по памяти, вырезал я эту девушку...

— А кто это, дядя Султан? — спросил Абдул.— И если это портрет, то почему она не похожа на горянку?

— Эту девушку я любил в юности,— Султан поставил фигурку на прежнее место.— Ее звали Тамара, и была она дочерью большого русского ученого...

Султан замолчал, прошелся по мастерской, в углу наклонился, словно выбирая новую доску для работы. Эльдар недоверчиво поморщился: блажит старик на старости лет — какая Тамара, какой ученый?!

— Дочь русского ученого? — заинтригованно спросил Керим, давая старику понять, что они ждут продолжения этой загадочной истории.

— Да, мои юные друзья, — коротко вздохнув, ответил старик и по лицу Эльдара понял, что тот не верит ему, что его нисколько не волнует стародавняя отцовская тайна. «Верен себе сынок, — грустно подумал старик. — Если уж он и теперь из одного только приличия проявляет интерес к тому, как живет отец, то зачем ему знать, как я жил давным-давно?» И, будто в подтверждение его мыслям, Эльдар пошел к выходу.

— Ну, ладно, историями сыт не будешь, — бросил он на ходу. — Пойдемте лучше позавтракаем.

Однако парни не тронулись с места.

— Дядя Султан, а что, она тут, в горах, жила? — нетерпеливо спросил Абдул. Султан насупился, снова сел на доски. У него комок подступил к горлу. Но, увидев горевшие любопытством глаза ребят, поборол себя и продолжил:

— Она приезжала к нам в горы вместе с отцом. Перед самой революцией это было. Ее отца звали Григорий Сергеевич Вернев. Не слышали?.. Он изучал наши леса, разные травы, а Тамара, дочь, помогала ему. То сушила травы, то целыми днями писала что-то. Отец говорил, а она быстро-быстро писала... Остановились они в ауле вот в этом самом доме, где и мы с вами сейчас сидим. Отец мой тянулся к грамоте. Наверно поэтому и упросил старшину — у нас в ауле тогда старшина считался властью — поселить ученого к нам. Я в ту пору был вроде вас — только-только бриться начал. Долго привыкал к русским. Потом научился кое-как объясняться с ними, начал понимать их речь. Ну, а тут происшествие: кадий в мечети сказал что-то обидное про наших гостей. Отец тоже в долгу не остался: перестал в мечеть ходить, и дело с концом. Словом, изменилась наша жизнь... До самой зимы работал у нас Григорий Сергеевич. На высокогорье ходил — там тоже все травы пересмотрел. А дороги тогда, знаете, какие были? Это теперь чуть ухаб — сразу все в крик: дорога плохая, ездить невозможно! А тогда-то — и таких не было. И вот Григорий Сергеевич где на лошади, где пешком обошел весь наш край. Большой ученый!.. А теперь и кандидат наук, — мотнул он головой в сторону двери, — только на машине ездит!

Султан снова достал кисет, свернул самокрутку. Сердцу было сладостно вспоминать о том, что произошло

с ним в дни его далекой юности; и сладостно было рассказывать кому-то историю той, самой первой и самой сильной, своей любви.

— Я разговаривал с ней, как умел, я старался помочь ей, меня тянуло к ней неудержимо. И, конечно, дружба наша переросла в привязанность, а привязанность — в любовь, — старик закрыл глаза, голос его зазвучал тише, мягче. — Ну что тут долго говорить: был у нас и первый поцелуй, и первые объятия. Вскоре мы поклялись друг другу соединить наши жизни навсегда. Ну, тут уж вся наша аульская община, весь джамаат, подогреваемый кадием, встал на дыбы. Я собрался уехать вместе с ней, и так бы, наверное, сделал, если бы не трагический случай... Однажды Григорий Сергеевич, поглощенный своей работой, после сильного снегопада ушел в горы — он хотел узнать, как растут травы под снегом, какие лишайники выживают в это время года. Так, во всяком случае, объясняла мне Тамара, она и в этот раз пошла вместе с отцом. Мой же отец отговаривал их, что, мол, в такой снег найдешь в горах? Но Григорий Сергеевич настоял на своем. Они ушли, и оба... не вернулись. Искать их весь аул. Даже кадий выходил на поиски — боялся, как бы его не обвинили в гибели русских. Только весной, когда снег сошел с гор, пастухи нашли их тела. Видимо, попали в страшную лавину... Вот так и кончилась моя первая любовь.

В голосе старика слышалась такая боль, будто события, о которых он рассказывал, произошли только вчера. Он крепко задумался о чем-то своем, а потом закончил рассказ:

— Долго не хотел я после этого жениться. Все мои сверстники по несколько ребятишек завели, а я все бобылем ходил. Уж отец уговаривал меня, уговаривал, — старик, улыбаясь, покрутил головой и добавил, вставая: — Ну да ладно, может, и прав мой сын Эльдар — историями сыт не будешь. Пошли, ребята, завтракать. Да ешьте как следует... Сразу после завтрака предстоит нам большая работа: доски у моего соседа Дауда будем воровать!

Парни в изумлении уставились на старика.

— Ну-ну, джигиты! Что тут страшного: Дауд своровал их у колхоза, а мы возьмем назад — пустим на колхозную ферму, а? Никогда не слышали древнюю притчу о воре? Как один охотник до чужого украл корову и поставил в свой хлев? Хозяин коровы видел все это, пришел к тому хлеву и начал сбивать замок. На шум вы-

глянул в окно сосед: «Эй, что ты там делаешь?» — «Как что? — удивленно спрашивает хозяин коровы. — Не видишь разве — на пандуре играю!» — «На пандуре? А где же музыка?» Засмеялся тот, забирая свою корову: «А музыка только завтра будет слышна, когда хозяин хлева вернется!» — старик подмигнул ребятам. — Так что нам еще предстоит услышать, какой музыкой одарит нас Дауд, когда спохватится.

6

После шумного, веселого завтрака Эльдар заспешил по служебным делам — вспомнил, что не в отпуск приехал, а находится в родном ауле в командировке. Калимат отозвала его в сторону и зашептала:

— Я не могу больше оставаться, да и не вижу смысла. А ты, пока здесь, уговори старика переехать к нам в город. Не зимой, а прямо сейчас!

— К чему такая спешка? — удивился муж. Она оглянулась и зашептала снова:

— Да ты что, так ничего и не понял? Ты разве уже забыл, какое он оставляет завещание?! А еще сын называется!

Ее выщипанные брови взлетели вверх, глаза горели неумным огнем. Эльдару показалось, что сейчас жена похожа на шакала, сладострастно ловящего запах желанной добычи.

Эльдар посмотрел на Калимат непонимающе:

— Он что, уже написал завещание?

— Да, да! — радостно вырвалось у нее. Она снова оглянулась. — Что придумал! Все деньги оставляет тому, кто больше всех будет о нем заботиться. Представляешь, какая изощренность?

Эльдар задумчиво ковырял ногтем в зубах. Он хотел возразить что-то, но Калимат его перебила:

— Молчи, я знаю, что ты можешь сказать! Но ты пойми — получи мы эти деньги — ты сможешь спокойно, ни о чем не думая, защитить докторскую. Не мне же тебе объяснять, что она стоит недешево!.. Да и на прочие расходы кое-что у нас останется... Разве плохо?

— Мда-а-а, — неопределенно протянул Эльдар, но возражать жене не стал.

— Ты только подумай, — горячо продолжала она, — кому, кроме нас, о нем и заботиться? Байдуку, что ли? Нечего и раздумывать, забираем его к себе! А там... ты

прости, конечно, он твой отец, но природа есть природа. Ему недолго уже осталось, ты только посмотри на его лицо...

Эльдар злобно оттолкнул ее, мельком успев подумать, что в городе у старика цвет лица станет еще хуже. Он, не желая отвечать Калимат, шагнул было к двери, но тут же вернулся.

— Э-э... — просипел он, словно прочищая горло. — Э-э, вот что! Ты меня в это дело не втягивай. Не втягивай! — вдруг заорал он и снова перешел на шепот. — Я в районе должен ехать. Мне некогда здесь рассиживаться, в командировке я, понимаешь?.. В ко-ман-ди-ров-ке! — шипел он, с ненавистью глядя в ее испуганные глаза. — Уговори его сама... Уговори, уговори, — повторял он уже облегченно, заметив, что жена что-то хочет возразить, — у тебя это все отлично получится...

— Вечно ты так! — крикнула она ему вслед. — Мужчина, называется! Вечно все на меня валит, а сам... в кусты.

Однако в душе Калимат была довольна, что и на этот раз одержала верх, что и на этот раз будет так, как она сказала. «Мужчина!» — презрительно фыркнула она и решила, не откладывая, сразу же начать действовать.

Она собиралась ехать в город? Ничего страшного, отъезд можно и отложить. Да что ей так срочно понадобилось в город? На работу надо? Пусть будет прогул, пусть хоть вообще уволят! Зачем ей эта жалкая службишка, если удастся осуществить то, что она задумала? Дочь? Дочь подождет, большая уже девочка, двенадцать лет — не три годика, да и соседи охотно согласились за ней приглядеть... Не нужно никуда ехать, нужно сделать все, чтобы старик перебрался жить к ним.

Полная неуемной энергии, она вышла на террасу, сладко потянувшись и с удивлением увидела, что Эльдар возвращается назад, неся в руке какой-то чемодан, за ним идет широкоплечий военный, еще какие-то мужчины. «Батюшки! — осенило ее. — Байдук! Вот кого еще здесь не хватало!» Заметив, что на шум из мастерской выходит Султан со своими помощниками, она застыла, приготовив заранее одну из самых сладких своих улыбок.

А старый Султан остановился было в дверях мастерской, заслонясь рукой от яркого солнца, но уже через секунду был в крепких объятиях младшего сына.

— Дождлся я тебя все-таки, Байдук, — не скрывая слез, говорил старик и стискивал широкие плечи сына

своими узловатыми, но еще сильными руками.— Тьфу ты,— смахнул он слезинку с усов.— Не зря говорят: дитя в дом возвращается — и слеза в глазу появляется... С приездом, сынок!

— Спасибо, папа! О, да ты у меня совсем молодцом! Не хвораешь?

— Все хорошо, сынок, все хорошо! Вот видишь, какое старому счастье: то никого не было, а то чуть ли не все разом. Сначала Эльдар с Калимат приехали, теперь ты!

Эльдар, не теряя времени, наказал Калимат накрывать на стол по такому случаю, а сам побежал куда-то. Султан догадался, что Эльдар хочет сгонять в райцентр за водкой. Он оторвался от Байдука и закричал старшему сыну вдогон:

— Эльдар, сынок, не надо никуда ездить! И еды и выпивки найдется вдоволь, не траться зря!

Но тот только рукой махнул. Старик огорченно вздохнул и повел Байдука в дом.

— Тебя, никак, повысили в звании, сынок? — спросил отец, когда Байдук разделся и сел за стол.— Или мне это сослепу кажется, а?

— Есть немного, папа! — засмеялся Байдук.— Попросил командование прибавить звездочку, чтобы тебе легче было выговаривать мое звание! Товарищ капитан — звучит, а? Коротко и ясно!

А в доме уже начались приготовления к торжеству по случаю приезда Байдука. Постепенно народу в кунацкой становилось все больше и больше. Таков уж в горах обычай: идет парень в армию — провожают всем аулом, приходит из армии или, вот как Байдук, в отпуск приезжает — тоже собираются всем джамаатом. Пусть ты не родня воину, даже не сосед — все равно заходи, тебе только рады будут.

И вот в этой суматохе, среди женщин, пришедших готовить праздничный стол, зоркий глаз капитана мгновенно выделил яркую фигуру Нажабат. Потом, разговаривая за столом с мужчинами, он нет-нет да и поглядывал словно непароком в ту комнату, где стучали ножи, звякала посуда, и, когда он наконец перехватил взгляд девушки, Байдука словно горячая волна окатила. «Какие глаза! — в предчувствии чего-то необычного думал капитан.— Прямо насквозь прожигают!» И все время, что он сидел за столом, он ощущал на себе этот пронизывающий взгляд больших черных глаз. Он даже не обратил ни малейшего внимания на то, что среди женщин, при-

шедших помочь, не было Марин. Честно говоря, он вообще забыл о существовании этой девушки. А Марин, в свою очередь, даже и не подозревала, что приехал Байдук — в это время она была на колхозном поле...

Больше всех суетился старый Султан. Он повел Калимат в подвал, показал ей все свои припасы, выволок наверх большой бурдюк араки и, отказываясь от помощи, сам принес его наверх. Он что-то советовал Калимат, давал какие-то указания женщинам, словом, был весь в заботах. В своем счастье Султан мог показаться даже смешным, если бы не ликующая радость, написанная на его лице: он словно помолодел на несколько десятков лет, словно не лежал никогда с тяжелой болезнью.

Старик несколько раз отправлял парней вниз, в мастерскую, и вскоре вокруг столов, взятых у соседей, были устроены импровизированные скамьи из досок, положенных на чурбаки.

— Ну-ка, старый,— бросил кто-то из мужчин, когда доски были накрыты паласами,— достань-ка свою свирель, самое время потанцевать.

— Да что ты,— радостно замахал руками старик,— я сто лет на ней не играл!

— Ничего, ничего,— закричали все,— просим, Султандаци!

Султан покорно пошел в комнату, где женщины готовили закуску, сунул руку в нишу за очагом. Свирель была старая, как он сам. Раньше он часто брал ее в минуты душевной невзгоды, коротал с нею одинокие зимние вечера. Грустными были в такие часы напевы его свирели...

— Ну что ж, попробую-ка вам что-нибудь сыграть,— лицо старика светилось улыбкой.

Пока он пристраивался с краю скамьи, кто-то сбегал за барабаном. Старик слюной смочил дырочки свирели, попробовал звук.

— Ну давайте, кто смелее! — вдруг бросил он мужчинам и начал мелодию лезгинки. Все нерешительно переступали с ноги на ногу, переглядывались, подбадривая друг друга, но никто не решался пойти первым.

— Ну, капитан! — крикнул кто-то. — Давай выходи на середину! Первый танец, по закону, твой!

Обведя всех взглядом, Байдук улыбнулся, потрянул головой и вдруг пошел на носках. Кто-то сунул ему в руку палочку — ее положено как эстафету передать тому, кого хочешь вызвать на танец. Перебирая ногами в такт

быстрой музыке, Байдук направился к женщинам. Он не видел лица той, которую хотел пригласить на лезгинку, перед ним мелькало одно веселое, яркое пятно. Как в дурмане, он протянул руку вперед, и Нажабат, которая будто ждала этого часа всю жизнь, ловко приняла палочку и, стыдливо опустив трепещущие ресницы, пошла вслед за капитаном на середину комнаты. Лихо вскрикнув, Эльдар схватился за барабан.

Словно крылья несли Байдука. Не чувствуя под собой ног, он шел красиво, легко, то отдаляясь от Нажабат, то вновь в вихре танца приближаясь к ней так близко, что чувствовал на своем лице ее дыхание. Восхищенный, он не отводил от нее взора, исподволь, украдкой бросал взгляд на ее упругие груди. Как безотрывно смотрит она своими большими черными глазами, как радостно сейчас ее лицо!

Подзадоривая и танцоров, и самих себя, в такт музыке самозабвенно хлопали в ладоши зрители...

Барабан и свирель не умолкли до тех пор, пока не станцевали все, кто хотел.

— К столу, друзья! — пригласил Султан, откладывая в сторону свой инструмент. Он дышал устало, но был по-прежнему оживлен, так же, как молодежь, просил Байдука рассказать о жизни, о далеких краях, где он служит.

Байдук что-то говорил, отвечал на вопросы, а мысли его целиком были заняты Нажабат. «Интересно, где были мои глаза в тот приезд, — думал он. — Почему она не показалась мне тогда, в прошлом году, такой красавицей?» Его соседом слева был недавний помощник отца, Керим. «Спросить у него, что ли? — мучительно думал Байдук. — А что если она уже замужем или чья-то невеста? У кого бы спросить как-нибудь так... незаметно?» В конце концов он не выдержал и наклонился к Кериму.

— Слушай, а ты чего учиться не поехал, а? — начал он издалека. — Ты ведь вроде геологом собирался стать.

— Не получилось, — буркнул Керим, не желая вдаваться в подробности. Он получил две тройки на вступительных экзаменах, а всем рассказывал, что его не приняли из-за стажа. Нет, мол, стажа, вот и вернулся в колхоз отрабатывать положенное. Он страшно боялся разоблачения этой выдумки и потому обрадовался, когда Байдук повернул разговор на другое.

— Слушай, — спросил гость вполголоса, — что это за девушка, что со мной танцевала?

— А-а, зацепило, капитан,— съязвил Керим.— Да это же дочь главбуха, Нажабат. Ты что, разве забыл ее? Красивая, правда?

— Н-не знаю,— стараясь казаться равнодушным, отозвался Байдук,— я ее особо-то не разглядывал.

Он хотел было уже отвернуться от Керима, но тот оживленно начал выкладывать о Нажабат все, что знал:

— Говорят, у нее роман с одним парнем был. Тот хотел жениться на ней, да что-то передумал. Конечно, пустая, кокетничает со всеми подряд — кому понравится? Да у нее, знаешь, вроде бы уже все с тем парнем было...

Но Байдук пропустил мимо ушей эти нелестные замечания. «Значит, она еще свободна»,— радостно подумал он.

— Э-э, сплетни есть сплетни,— как бы между прочим бросил Байдук.— Ложь и к самому чистому человеку липнет!

Очарованный Нажабат, он и на мгновение не мог усомниться в ее чистоте...

А за столом сменялись закуски, звенели стаканы, и один за другим рождались тосты в честь Байдука, старого Султана, в честь того дома, где все собрались сегодня. Пили и за женщин, что приготовили такую вкусную еду, и за тепло родного очага, и за благополучие всех, кто сейчас сидит здесь...

За окном уже сгустились сумерки, но по-прежнему никто не покидал гостеприимный дом. Появились новые гости — те, что вернулись с работы; они шли проводить приехавшего, как издавна ведется, и каждый получал здесь угощение. За столом уже не было мест, и тогда с наполненным стаканом встал один из пожилых кунаков Султана.

— Друзья! — обратился он к присутствующим.— Мы сидим здесь с самого утра. Не пора ли нам и честь знать, а?

— Нет, нет! — запротестовал Султан, поднимая свою натруженную руку.— Зачем так говорить! Мы рады гостям. Садись, Курбан, прошу тебя, не надо будоражить застолье! В тесноте сидим, зато, как говорится, не в обиде!

— Э-э, Султан! — отозвался его старый друг.— Конечно, ты должен отвечать именно так. Что ты гостеприимный хозяин, мы все давно знаем. Я с удовольствием поднимаю этот стакан за твой дом, чтобы всякий находил в нем радушие и улыбку хозяина, как нашли сегодня мы.

Я пью за твой замечательный дом, за чудесные деревья, которые ты посадил в честь своих детей. Пусть эти деревья, которые теперь выросли, всегда шумят о твоём гостеприимстве и плодоносят на радость тебе и твоим гостям!

Он залпом выпил стакан, перевернул его вверх дном и вышел из-за стола. За ним последовали и другие. Старик удерживал гостей, снова усаживал за стол, но все потихоньку начали расходиться. За столом появились свободные места.

— Отец, может, посадим сюда женщин? — не то попросил, не то посоветовал отцу Байдук.

— Я тоже об этом подумал, сынок! Сейчас, сейчас я их устрою! — Старик, довольный, засеменил в другую комнату.

Вскоре несколько женщин, среди них и Нажабат, заняли места за столом. Заметив, что они чувствуют себя скованно, неловко, Байдук поднял кувшин с бузой, улыбаясь, налил каждой.

— За твой приезд, Байдук, — сказала одна из женщин, поднимая свой стакан.

Байдук невольно следил за Нажабат, которая то и дело поправляла косынку. Движение это радовало Байдука. Он видел, что девушка волнуется. Она посмотрела на него, завораживающе улыбнулась и, подняв стакан, чокнулась с ним, не опуская своих длинных пушистых ресниц.

— Что же ты не пьешь, Нажабат? — не сводя с нее любопытных глаз, спросил Байдук.

— Почему, я пью, — отозвалась она и, едва пригубив, поставила стакан на стол. Как много прочел капитан в ее взгляде! В нем была и девичья скромность, и кокетство, и благодарность за то, что он угощает ее...

В это время подоспели новые гости: прикатил из района Эльдар с председателем райисполкома Салимом, пришли сюда и председатель колхоза Шапи, и доктор Шах-Абас с женой, и незадачливый заказчик Дауд. Пришла и Марин с матерью.

Байдук то и дело всгавал, радушно приглашал к столу, здоровался с каждым за руку. Увидел Марин и ласково улыбнулся ей. Мало что могло смутить эту серьезную девушку. Но за этот год она так много передумала о Байдуке, что, увидев его, почувствовала себя маленькой, робкой девчонкой и поспешила спрятаться за чью-то спину. Ей и хорошо было оттого, что сидит с ним за од-

ним столом, видит его наяву — живого, широкоплечего, уверенного в себе, и как-то неловко, скованно.

— Слушай, капитан, — громко пошутил сразу же освоившийся за столом Салим, — давай, чтобы отцу не тратиться второй раз, заодно и женим тебя сейчас, а? — он первый расхохотался от своей шутки и добавил: — Или, может, ты там уже женился, тайно от земляков?

— Какая там женитьба, Салим-даци, — поддерживая шутку, откликнулся Байдук. — Я бы не прочь, да то служба у меня, то учеба. Нет времени о девушках думать.

— А ведь, поди, есть уже на примете-то, а? — не унимался Салим.

— Есть! — весело сознался Байдук, многозначительно обводя взглядом женщин, словно выбирая подругу по душе.

— Ну так в чем же дело! — притворно возмутился председатель райисполкома. — Хватит, на этот раз мы тебя холостым не отпустим. А командиру твоей части дадим телеграмму: соболезнуем о гибели еще одного закоренелого холостяка во вверенном вам подразделении. Согласен?

— Если бы у меня была такая власть, как у командира, — серьезно и печально сказал вдруг Султан, — я бы давным-давно приказал ему найти подругу жизни.

— Зачем такая принудиловка, дорогой! — мягко упрекнул старика Салим. — Пусть сначала полюбит.

— Э, — махнул рукой старик. — Прости, дорогой, это я так, к слову...

Он вытащил из пачки сигарету — Байдук привез в подарок их целый блок, — долго мял ее, никак не мог собраться прикурить. Ни о чем не хотелось думать в эти минуты общего веселья — ни о неблагодарности старшего сына, ни о том, что Байдуку действительно пора обзавестись семьей, ни о том, что его самого ждет впереди долгая одинокая зима. Всею душой желал он сейчас одного, чтобы веселье это продолжалось бесконечно...

Привычно захвативший власть тамады, Салим предоставил слово Шапи. Председатель недаром всю жизнь на руководящих должностях: речи говорит толково, лучше него, пожалуй, никто в округе не знал, когда и что именно надо говорить. Нередко даже гостеприимное застолье Шапи использовал в своих хозяйственных целях, если, конечно, здесь присутствовали заезжие руководящие работники. Произнося витиеватые тосты, сводя разговоры вроде бы к шутке, он почти всегда ухитрялся что-то вы-

просить у размякшего за столом начальства, чего-то добиться. Вот и сейчас он решил воспользоваться случаем.

— Поднимая этот бокал, я хочу обратиться к чуткому сердцу наших уважаемых членов комиссии,— зычным баритоном возгласил он, посмотрев в сторону настороженно замерших Эльдара и Салима.— Ни для кого не секрет, что человек пока не научился управлять силами природы, ее страшной стихией. Он еще, как это ни печально, не изобрел средств для предотвращения неумолимого удара стихии. Но наш колхоз, хотя он тоже не имеет таких средств, наметил конкретные меры по восстановлению лесных массивов, и не только по их восстановлению, но и по умножению лесных богатств. Я позволю себе выразить надежду на то, что наши почтенные гости...— Тут Шапи прервался, поклонился в сторону членов комиссии и продолжал: — Что наши уважаемые гости помогут нам в столь благородном деле. Вот за это я пью свой бокал до дна,— и со стуком поставил пустой стакан на стол.

Султан с удовольствием слушал тост председателя, одобрительно кивая головой.

— Кто не пьет до дна,— смеясь заметил Шах-Абас,— того заклеим как противника высоких планов нашего колхоза!

При этих словах Эльдар вновь поспешно поднял свой опорожненный наполовину стакан.

— Не хочу быть противником родного колхоза! — его шуточный ответ вызвал улыбку.— Пью до дна.

За Эльдаром выпили и остальные гости.

Веселье в доме старого Султана не утихало до глубокой ночи: то вдруг из светящихся окон долетал резкий голос свирели, зовущий желающих на танец, то вдруг окрестность оглашалась густым баритоном, словно приглашавшим присоединиться к задушевной песне.

Однако постепенно дом старого Султана опустел: кто-то уехал к себе в район, кто-то ушел шумной компанией, кто-то в одиночку побрел аулом, мечтая поскорее добраться до собственной постели. Остались за столом только старик отец, его сыновья и невестка...

7

Накануне вечером, прощаясь со своими помощниками, Султан предупредил парней, что будет ждать их утром. Правда, в душе старик не надеялся на то, что они появятся вовремя: помнил по себе, как крепок сон после

вечеринки, сладок на заре... Сам он встал на следующий день как обычно раньше всех и сразу же спустился в мастерскую. Станок включать ему не хотелось — мотор мог разбудить детей, — пусть они поспят после вчерашнего, и начал не торопясь готовить материал для работы.

Первым появился Абдул. Чувствуя себя виноватым, он робко поздоровался с Султаном, боком прошел в мастерскую и застыл у него за спиной, ожидая, что старик сейчас примется выговаривать за опоздание, упрекать в лентяйстве. Но, к его удивлению, мастер вдруг широко улыбнулся.

— Ну что, выпался?

Абдул молча кивнул.

— Ну и молодец. Раз выпался, значит, и работать будешь хорошо, — подмигнул старик смущенному парню, и они вместе принялись за дело.

Вскоре у Султана внезапно (как это часто случалось с ним в последнее время) заломило поясницу, и, предоставив парню сортировать лес в одиночку, он устало опустился на доски.

— Дядя Султан, — спросил вдруг Абдул, останавливаясь у стеллажа с игрушками, — неужели и вправду столяр может научиться такому мастерству? — Бросив в угол обрезки теса, он осторожно взял в руки фигурку девушки.

Старик улыбнулся — значит, не зря он вчера тратил время. Закралось-таки в сердце парня желание овладеть его любимым делом...

— Если очень захочешь, всего можешь достичь, сынок. Правда, за один день мастерство не приходит — нужно терпение, нужен труд. Ну и, конечно, время — не день и не два, — сказал старик вставая.

У них все уже было подготовлено, когда наконец появился заспанный Керим. Опухшее лицо, заплывшие красные глаза, весь его помятый вид без всяких слов говорили, что работник из него, по крайней мере с утра, просто-напросто никудышный.

— О, кто к нам пожаловал! — заворковал старик. — Да тебя, никак, поднять подняли, а разбудить-то забыли, а, Керим?

Это насмешливое участие проняло бойкого парня.

— Да вот, дядя Султан... — промямлил он. — Вышло так... Спать только под утро лег.

— Это почему же? Жены нет, пить вроде не пьешь, а?

— Да корова, пропади она пропадом... Я от вас домой пришел, а мать говорит — коровы нету. Пришлось,

проклятую, идти искать. А то мать уже чуть не в слезы и знай себе талдычит: волк задрал да волк задрал!

— Нашел?

— Нашел, чтоб она...

— Ну вот и хорошо,— успокоил его Султан и замолчал, изредка покашливая.— Вот что, ребята. Сегодня перед нами стоит одна очень важная задача. Я вчера говорил о досках, что лежат у моего соседа Дауда, однако, видите — Байдук приехал, вчера не до того было... Надо все эти доски, что лежат во дворе у Дауда, перетаскать сюда, в мастерскую. Поняли?

— Я ничего не понял, дядя Султан,— протирая глаза, честно сознался Керим.— Но если ты говоришь... Когда их надо перетаскивать-то? Прямо сейчас?

— Да ну, зачем сейчас. Я дам вам команду, а вы делаете все быстро и без шума. Идет?

— Идет! — ответили оба.

— А теперь ты, Керим, сходи к Дауду, скажи, мол, я его приглашаю сюда пропустить стаканчик. А ты, Абдул, пойдешь со мной, pomoжешь мне принести кувшин с араки и закуску.

Керим вернулся так быстро, как будто никуда и не уходил.

— На террасе его встретил,— доложил он.— Сейчас придет.

Любопытство распирало парней — они так и не поняли странной затеи старого Султана, а спросить не решились. И старик, читая это по их лицам, заметил:

— Увидите, что сейчас будет! — Султан таинственно поднял палец.— Он считает, что раз не пойман, значит, не вор. Вот мы и лишим Дауда наворованного его же способом.

— Но это же, наверно, нехорошо, дядя Султан? — смутился Абдул.

— Чего уж тут хорошего! Я с тобой вполне согласен. А разве хорошо красть доски с колхозного двора? Скоро снег, а новая ферма до сих пор стоит без окон, без дверей!

Султан задумался. Он размышлял о том, что в последнее время как-то так стало получаться, что если добро колхозное — значит, ничье, значит, нет никакого греха, если взять его себе... Может, он уже ничего не понимает в нынешней жизни, но воровство-то, хоть ты украл у колхоза, хоть у кого другого — все равно остается воровством! Он не любил нравоучений, но его так и подмывало

поделиться своими мыслями с парнями — должны же они понять его, должны! И должны согласиться с ним.

Но он не успел поделиться размышлениями — на пороге мастерской появился Дауд. Весь вид его выражал полное довольство жизнью и самим собой: папаха была лихо сдвинута набок, глаза влажно маслились от предвкушения близкой выпивки.

— Я подумал, что тебе неплохо было бы полечить голову после вчерашнего, а, сосед? — радушно сказал Султан, наливая ему араки.

— Честно говоря, — облизнулся Дауд, — ты угадал, старик. Работы у меня сегодня нет, и что-то тошно с самого утра...

— На-ка, полечись, — мастер с готовностью протянул стакан.

Величественным жестом Дауд принял его и, не говоря ни слова, одним махом проглотил содержимое. Цокая от удовольствия языком, он рукавом вытер губы и снова протянул стакан хозяину.

Султан охотно раз за разом подливал соседу, беседовал с ним о всякой всячине, а когда наконец заметил, что тот сильно захмелел, сказал будто между прочим:

— Кстати, Дауд! У меня теперь помощники есть, так что давай перетащим доски, да я начну рамы делать. Согласен?

— Это было бы замечательно, Султан, — обрадованно кивнул Дауд и принялся прямо рукой брать с тарелки мясо.

Старик лукаво подмигнул парням и громко распорядился:

— Абдул! Керим! Быстренько идите к этому человеку во двор, перенесите доски. Хватит откладывать, время не терпит.

Он налил соседу еще немного и отставил кувшин. Посоловелыми глазами Дауд долго смотрел на стакан, будто колебался — пить или не стоит больше, однако соблазн пересилил его.

— Все, — сказал он, возвращая хозяину пустой стакан. — Спасибо, Султан, золотая твоя душа. Вылечил ты меня!

И бормоча что-то, отправился домой — спать.

Тем временем парни спешно осуществляли план старого Султана: с их помощью гора досок в его мастерской все росла и росла. Старик тщательно ощупал каждую лесину — боялся ошибки. Но сомнений не осталось, —

это были те самые доски, что Шапи месяц назад привез на строительство фермы.

Солнце стояло уже высоко. И хотя грело оно далеко не так, как в разгар лета, все же глазу от его веселого лика было радостно, светло. Старик поднялся наверх, к сыновьям.

Байдук уже встал, застелил по-солдатски отцову тахту и умывался в кунацкой; Калимат суежилась по дому, один лишь Эльдар все еще нежился в постели.

— Пора вставать,— бросил ему на ходу отец.— Могут люди прийти, сам понимаешь.

Эльдар, положив руки под голову, мечтательно глядел в потолок.

— А знаешь, отец,— вдруг сказал он,— неплохую вчера мысль Салим обронил. Надо Байдука женить.

— Давно пора,— откликнулся старик.— Двадцать восемь уже, слава аллаху.

— Далась вам моя женитьба,— засмеялся Байдук, взлохмачивая мокрые волосы полотенцем.— Я еще не решил для себя этот вопрос окончательно!

— Пока ты его решишь,— проворчал старик, усаживаясь на табурет, поскольку разговор начинался серьезный,— в ауле всех невест разберут.

— А в самом-то деле! — откинул одеяло Эльдар.— Ты что, ангела небесного в жены ждешь? Или, может, у тебя уже есть кто на примете? Так ты скажи, тут же такую свадьбу отгрохаем — всем на диво!

— Да отстань ты, Эльдар! Нет у меня никого. Да и откуда возьмутся невесты в моем гарнизоне, когда там до ближайшего жилья сотни две верст?

— Ну тогда вот что,— покашлял в кулак Султан.— Я, твой отец, хочу, чтобы ты выбрал себе подругу, пока я жив. И мне умирать будет легче, и тебе будет лучше... Неужели тебе в ауле не нравится ни одна девушка? Скажи — и мы ее тут же посватаем! Вот хотя бы чем плоха Марин, а?

— Да нет, отец, не то! — вставил свое слово Эльдар.— Эта и резка слишком, и плохо воспитана.

— Да? — удивился старик.— Не знаю, не наблюдал что-то за ней такого, хотя она выросла на моих глазах.

— Ну, коли так,— в раздумье начал Байдук,— дайте слово и мне. Все-таки мне жениться, верно? — Старик и Эльдар заинтересованно переглянулись.— Есть тут одна девушка...

— Кто же? — не вытерпел отец.

— Не знаю... Нажабат, кажется, ее зовут...

— Нажабат?! — изумленно посмотрел на сына Султан.

— Нажабат? — переспросил Эльдар, натягивая рубашку. — А что, отец, я считаю, неплохой выбор, а?

— «Неплохой выбор», — сердито передразнил его Султан. — А ты знаешь, что у нее на плечах не голова, а пустой бурдюк? Красивая, да! Привлекательная. Но это же... это же, — отец никак не мог найти нужного слова, — это же пустышка, побрякушка! Снаружи блестит, а внутри ничего нет! А ведь тебе нужна такая девушка, с которой можно будет счастливо прожить всю жизнь.

— Ну и что? Проживет! — поддержал брата Эльдар. — Сейчас она ему нравится, потом увлечение перерастет в любовь, что еще для счастливой жизни надо?

— Удивляешь ты меня, Эльдар, — развел руками отец. — Ну, он — ладно, вроде еще молод, а ты-то, кажется, уже зрелый мужчина. Тебе ли не знать, что в один прекрасный день колдовство женской красоты исчезает, и важной становится одна лишь человеческая суть твоей избранницы. Вот когда у нас начинаются всякие раскаяния, разочарования и, как вы теперь говорите, несходства характеров. Но ведь это, увы, чаще всего происходит тогда, когда уже поздно что-либо менять...

Байдук уже раскаивался, что так бездумно назвал имя Нажабат: в глазах отца дело неожиданно приобрело слишком серьезный оборот. Однако слово вылетело, и назад его уже не вернешь. Как оно, оказывается, задело отца!

— Прошу тебя, сынок, — умоляюще сказал вдруг старик, — ведь ты совсем не знаешь ее... Вот видишь, и парень у нее уже был. Неплохой, говорят, парень. А ведь сбежал от нее в город...

— Э, отец! — пренебрежительно махнул рукой Эльдар. — Откуда нам знать, почему он это сделал? Может, самый обычный мерзавец! Мало ли на свете негодяев, которые морочат девушке голову, чуть ли не горы золотые ей сулят, а потом добьются своего — и в кусты! Да еще и обвинят ее, бедняжку, во всех смертных грехах! А в чем, спрашивается, она виновата, а?

— А чья же тут вина?! — вспыхнул Султан. — Что-то слишком уж легко и просто у вас все получается, и никто ни в чем не виноват! Никакой ответственности в жизни! Правильно написал наш поэт: раньше парни мечтали хотя бы краешек лица любимой увидеть, а нынче так и хо-

чется крикнуть: хоть немного прикройся, девушка, оставайся для юноши прекрасной тайной...

— Прогресс, отец!—небрежно бросил Эльдар.—Ничего не поделаешь, старое уходит, новое приходит!

— Вот-вот, прогресс! — никак не мог успокоиться старик.— Тебя вот в аул на аркане не затащишь. Что тебе родной очаг, что тебе отец — это уже все старье. Так, что ли, прогрессивный человек!

— Ну что ты все брюзжишь, папа? — горячо заговорил задетый за живое Эльдар.— Что ты от нас хочешь? Да, мы понимаем тебя: ты обижен, что мы покинули родное гнездо. Но ведь теперь жизнь, слава аллаху, не ограничивается околицей одного аула! Ты должен радоваться, что каждый из нас живет плодотворно, каждый нашел дело по душе, в меру своих сил приносит пользу обществу, стремится сделать еще больше!

Эльдар давно ждал этого разговора и знал, что он неизбежен. Родственные чувства — великая вещь, и, конечно, умом он может понять отца. Но как же он ограничен, отец, как эгоистичен в своих желаниях! И Эльдар говорил, говорил — горячо, убедительно, как ему казалось, а старик сидел и молча слушал.

— Ведь ты посмотри, что получается,— продолжал старший сын.— Кандидатскую диссертацию защищаю — тебе это не по душе, продвигаюсь по службе — опять, оказывается, плохо. Ну, подскажи, подскажи, как мне жить, что делать, что правильно, а что неправильно — ведь тебе отсюда, из аула, виднее...

— Поздно тебе уже что-нибудь подсказывать,— тяжело дыша от гнева, бросил отец.— Конечно же, ты живешь правильно — в этом я тебя разубеждать не собираюсь. Приноси пользу обществу на здоровье. А лично мне... мне от тебя ничего не нужно. Я вас всех просил об одной малости: не забывать только родной очаг. А это, видишь, оказывается, так трудно...

— Но папа,— испуганный выражением его глаз, начал оправдываться Эльдар,— я ведь тебе объясняю: сейчас жизнь такая. Люди уже давно не живут своим тесным мирком, а думают в масштабах государства...

— Да это что, государство, что ли, заставляет вас забывать родное гнездо?! — Султан в ярости ударил себя кулаками по коленям.— Что, государство лишило тебя отпуска? Почему вот он,— старик показал на безмолвно наблюдающего всю эту сцену Байдука,— может приезжать в отпуск домой, а ты не можешь? Ему через всю

Россию ехать легко, а тебе здесь, в нескольких часах от дома,— трудно?! Или это государство отменило обязанности сыновей перед родителями?! — старик встал, хотел сказать еще что-то, но, пересилив себя, махнул рукой.— А впрочем, живите, как хотите! А ты женись на ком угодно! — скривив от обиды лицо, сказал он Байдуку.— Пойду, меня там ребята ждут, работать надо.

В комнате наступила тишина. Братья старались не смотреть друг на друга.

— Как скверно все получилось,— печально пробормотал Байдук.

— Э, ты брось! — небрежно отмахнулся Эльдар и снял с гвоздя галстук.— Никто не просил его затевать этот разговор.

— Отец прав, мы виноваты перед ним...

— Ну, хорошо, пусть виноваты. Но ведь всякому терпению есть предел. Как с ним ни встретишься — и долбит, и долбит одно и то же!.. Ладно,— резко оборвал себя старший.— Хватит об этом, и так настроение паршивое.

Байдук бросил взгляд на благополучного Эльдара и тяжело вздохнул, думая об отце, чье сердце было ранено горькой обидой.

— Ну, ты чего?! — потрянул его за плечо брат.— Чего скуксился, давай лучше о свадьбе поговорим! Ты это всерьез насчет Нажабат, а?

— Даже не знаю. Вот видишь, отец...

— А что — отец? — перебил его Эльдар.— Отец, что ли, с ней жить будет? Давай женись, и думать тут нечего! Девушка что надо!

Но Байдук колебался. Девушка очаровала его, но вот отец... Отец не одобряет этот выбор, он считает, что Нажабат легкомысленна, ветрена.

— Может быть, все-таки подождем, а? Присмотримся!

— Ну, валяй,— махнул рукой Эльдар. Вдруг его осенило: — А хочешь, я ее к себе возьму, в город? Ее родителям скажем, что она под моим присмотром будет готовиться в институт. А ты, пока в отпуске, погуляешь с ней... на воле-то, вот тогда и решишь. Идет?

— А она захочет?

— Она?! Да она спит и видит выскочить замуж! Ты парень видный, с деньгами — что еще надо девушке!

Байдук исподлобья посмотрел на брата, не знал — верить ли его словам. Эльдар — циник конечно, но ведь

женское сердце он, наверное, знает. Во всяком случае, намного лучше, чем он, Байдук...

Конечно, если здраво рассуждать, старый Султан был не прав, желая видеть детей под своим крылом, в родном селении. Жизнь вместила в себя столько нового, манящего, что молодым людям стало тесно в привычных пределах аула, их манило все дальше за горизонт — что там, за родной околицей? Что там, за отрогами родных гор? Они уезжали в институты, они получали специальности, о которых никогда прежде и не слышали в горах, и разлетались из родного гнезда все дальше и дальше...

Разве можно упрекать их в этом? И разве есть смысл упрекать жизнь за то, что она устроила все так, как есть, а не как-то иначе?..

Но разве не прав был старик, страдая от того, что сыновья не слышат, не хотят понять боли его сердца? Ведь где бы ты ни был, куда бы тебя ни забрасывала жизнь, ты всегда должен в крови носить память о гнезде, которое дало тебе крылья и откуда начался твой большой полет.

Не случайно существует поговорка, что дорога жизни начинается у твоих собственных ног...

8

На следующий день комиссия по оценке размеров бедствия закончила работу, и Эльдар собрался уезжать. Калимат, которая теперь относилась к старику как к редчайшей драгоценности, хотела было остаться. Но, узнав, что муж собирается снова навеститься в аул, когда у Байдука кончится отпуск, и уж тогда заберет отца с собой, тоже решила сложить вещи. Прощаясь, она кидала на всех многозначительные взгляды из-под своих густо накрашенных ресниц: ничего, она еще покажет в городе, как надо по-настоящему заботиться о старом папе.

...Байдук по утрам вместе с Керимом и Абдулом помогал отцу делать рамы для колхозной фермы. К обеду в мастерской появлялся Дауд, любовно гладил свеженькие заготовки для рам, тихонько, всем своим видом показывая, что не намерен мешать людям, занятым столь важным делом, приваливался где-нибудь к стенке и молча закуривал. Но терпения его хватало ненадолго.

— Э-э... слушай, Султан,— тревожно начинал он.— А не велики ли будут эти рамы? — он принимался вымерять пальцами, беззвучно шевеля при этом губами.

— Большие — не маленькие,— насмешливо бросал Султан.— Большие укоротить можно, а вот маленькие уже не растянешь!

— Это, конечно, верно, верно,— покорно соглашался Дауд, боясь спорить с мастером, и опять приваливался к стене.

Ребята, помощники Султана, не упускали случая позубоскалить над незадачливым заказчиком.

— Дауд-даци,— торжественно обращался к нему Керим, помогая Султану связывать раму,— чем так просто стоять, рассказал бы лучше нам что-нибудь!

— О, это я с удовольствием,— оживлялся Дауд, которого тяготило собственное молчание.— Знаешь, я сколько всяких историй помню! Вот, например...

— Расскажи, пожалуйста,— успевал ехидно вставить Керим,— как кунак дяди Султана отбрил тебя, а?

— Да ну! — отмахивался Дауд.— Подумаешь, тоже мне, шутка...

— Расскажи, пожалуйста, Дауд,— попросил вдруг и Байдук.

— Да ну, нечего там и рассказывать-то,— продолжал упрямыться Дауд.— Да и не было ничего, напраслина все это...

— Отчего же напраслина,— улыбаясь в усы, бросил от верстака Султан.— Моя соседка Зухра вон своими ушами все слышала. Расскажи, расскажи, как ты собирался разыграть человека, да сам и попался на удочку.

Эту историю не знал в ауле один разве Байдук, но ребята в таком нетерпеливом ожидании смотрели на Дауда, что тот сдался.

— Ну было, было дело,— нехотя начал он.— Стоял я, значит, у себя на галерее. Стою курю после завтрака.— Дауд тщательно подбирал слова — чувствовалось, что он старается обойти в рассказе невыгодные для себя места.— Прислонился, значит, к столбу и курю. А его, Султана то есть, в тот день дома не было. Не помню... ну, словом, уходил ты куда-то. А тут приходит этот самый твой знакомый из соседнего аула: «Не видал моего кунака?» Ну, я вообще пошутить люблю, сами знаете. В лес, говорю, пошел твой кунак, дрова у бедного старика кончились. В шутку, конечно, говорю. А тот вдруг че-

го-то взъерепенился. Посмотрел на меня этак презрительно: досуг, мол, тебе, бездельнику, шутки шутить, и говорит: «Э, видно, Султан в лес-то не за дровами, а за хорошей рогатиной пошел!» Ну и вся история. Сказал эти слова и отправился восвояси...

— Э, нет! — сквозь дружный смех парней прервал его Султан. — Начал, так давай уж доканчивай! «Пошел восвояси!» А чего ж ты тогда после этого неделю на годекане не появлялся, а?

Дауд затоптал окурок.

— Дурацкая шутка, не понимаю, что в ней смешного!

— Ну рассказывай, рассказывай, — улыбаясь в усы, настаивал Султан.

— Ну... Я ему говорю: «Зачем Султану рогатина-то?» А он: «Говорил мне как-то Султан, что есть у него сосед, у которого шея голову совсем не держит. Вот, видно, он и позаботился — пошел за рогатиной, чтобы тебе, пустомеле, было чем голову подпереть». Ну, и все.

— А ты от столба-то отвалился тогда или нет? — поплевав в ладони, старик взял в руки топор.

— Ладно, сосед, — не отвечая на его вопрос, Дауд пошел к выходу. — Не буду вам мешать. Давай кончай поскорее, да обмоем это дело.

— Обмоем, обмоем, — будто про себя бросил старик. — Вот ведь человек, — обратился он к парням, — ровно пустой орех. И с виду вроде бы ничего, и потрясешь — гремит. А расколешь — пусто внутри...

Он отложил топор в сторону и, с трудом распрямив спину, сел на доски.

— Что-то, ребятки, после болезни у меня поясницу часто ломить стало. Вы уж давайте поработайте немножко одни, а я пока покурю...

Байдук настороженно посмотрел на отца.

— Оставил бы все, отец, да отдыхал как следует. Разве ты не заслужил себе отдых на старости лет?

— Э, сынок, — усмехнулся Султан. — Зачем он мне, отдых? Если бы я без дела сидел, я бы уже давно, наверно, помер. Да и как тогда на свете-то жить, если у тебя дела никакого нет, а? — и, давая сыну понять, что разговор он считает законченным, старик взял в руки обренок букового бруса. Оглядел его со всех сторон, снова бросил в кучу и покачал головой. — Грех, конечно, о человеке за глаза говорить, но таких плутов, как Дауд, я в своей жизни редко встречал. Дай ему волю, так он весь мир к себе во двор перетащит.

Видно было, что старику сильно нездоровится: лицо его посерело, лоб покрылся капельками пота. Он встал, сделал несколько неуверенных шагов к выходу, но его вдруг так качнуло, что Байдук, отбросив в сторону рубанок, подхватил отца под руку.

— Оставь меня,—сердито бросил Султан уже во дворе.— Я вот здесь на лавочке посижу.

Байдук растерянно молчал.

— Так что же ты все-таки надумал, сын? — неожиданно спросил Султан, болезненно щурясь от яркого солнца.

— О чем ты, папа? — не понял Байдук.

— Насчет женитьбы-то? — Султан вдруг широко открыл страдальческие глаза и пристально посмотрел сыну в лицо.

Байдук отвел глаза в сторону. Что он может ответить отцу, да еще в такую неподходящую минуту?

— Я не настаиваю, чтобы ты женился на Марин. Но и эту балаболку, Нажабат, я своей невесткой видеть не хочу... Ты взвесь все, сравни их еще раз.

Байдук только тяжело вздохнул. Что сравнивать, когда при одном лишь имени Нажабат вся она — с ее большими черными глазами, тонкой талией, легкой походкой — стоит перед глазами как сладостная мечта. Конечно, Марин тоже не дурнушка, конечно, она совсем не легкомысленна... Но Нажабат!.. То ли читал он, то ли слышал где-то, что чем красивее человек внешне, тем беднее он внутренне. Правда ли это? Пусть правда, но при чем тут Нажабат?! Пусть она глупа, пусть ветрена, пусть у нее даже парень был! Но разве есть на свете еще одна, к которой так рвалось бы сердце?..

Старик встал, чтобы не мешать раздумьям сына, пошел в глубь двора, в прохладу шелестящих листвой груш. Пусть помучается, пусть подумает. Он уже не юноша, сын — зрелый мужчина, пусть сам поймет: Нажабат — это праздник, который опьянит и пройдет. А Марин — пусть Эльдар говорит, что она резка (да, он, Султан, знает, что эта девочка может быть и резкой, и неукротимой), но только она одна может стать настоящей подругой Байдуку, с которой ему не страшно будет идти по жизни...

И, словно подтверждая его слова, во дворе с кувшином молока появилась в своем скромном платье Марин, кивнула Байдуку и уже хотела было подняться наверх, но Султан вышел из тени деревьев.

— Здравствуй, дочка, с чем это ты к нам пожаловала? — ласково остановил он девушку.

— Мама послала вам молочка, дядя Султан.

— Спасибо, доченька, дай аллах и тебе и ей сто лет жизни, — поблагодарил он, думая о том, что сейчас — самый удобный случай оставить сына с девушкой наедине. — Дай-ка твой гостинец, я его сам отнесу в дом, пере-
лью.

Быстрыми шагами, словно и не одолевала его только что хворь, старик поднялся по лестнице. На голос из мастерской выглянули парни, но, заметив Байдука и Марин, затаились, с горячим любопытством ожидая, что будет дальше.

Некоторое время оба стояли молча: Марин смотрела куда-то в сторону, а Байдук, только что вспоминая Нажабат, никак не мог найти подходящих, ни к чему не обязывающих слов. Он начал было разговор о сгоревшем лесе, о ее работе в колхозе, но получилось фальшиво, натянуто, и, почувствовав это, он безнадежно умолк.

Марин усмехнулась и сказала строго:

— Надо бы дяде Султану лечь в больницу. Что-то он в последнее время часто хандрит. Сядет на тахту вечером и играет на своей свирели. Да так тоскливо... Раньше с ним никогда такого не было. Желтый какой-то стал, отекает. Я уверена, что он не вылечился до конца.

Байдук попытался перевести все в шутку.

— На старости лет мы с тобой тоже будем хандрить...

Марин вскинула брови и бросила резко:

— Нонсенс, капитан!

— Что-о? — удивился Байдук неожиданному в ее устах слову и недоброй резкости ее тона.

— Проще говоря, чепуха! Разве можно этим шутить? Я еще раз повторяю — дядя Султан болен, и серьезно... Эх, не знаете вы, что такое расти без отца, иначе бы вы с него пушинки сдували! Смотрите, спохватитесь, да поздно будет!

Байдук вдруг почувствовал себя жалким и беспомощным мальчишкой. Он понимал, почему резка эта девушка, по-особому понимал ее правоту, ведь Марин сама росла без отца. Но что он мог ответить ей? Он смотрел на нее исподлобья и машинально мямлил в руке тронутые осенью ветви груши, под которой они стояли. «Правду говорил Эльдар, что она плохо воспитана», — вдруг пронеслось у него в голове. И тотчас же снова подумал, что не может не оценить той настойчивости, какую проявила

по отношению к отцу эта посторонняя в общем-то девушка. «Она знает об отце больше, чем мы, сыновья,— позор нам... Но какая в ней сила, какая энергия, какой смелый, прямо-таки режущий взгляд! Не девушка, а шайтан какой-то!»

— Даже если ты и права,— сказал он наконец, не выдерживая ее взгляда,— что я могу поделать, чем я могу ему помочь?

— Ну неужели непонятно! — всплеснула руками девушка.— Показать его профессорам или кому-нибудь еще, я не знаю,— разве ты не можешь?! — она тоже нагнула грушевую ветку и сорвала несколько листьев. И уже не так резко продолжила: — Говорят, у древних греков было в обычае обожествление умерших. А по-моему, надо обожествлять живых родителей... Ты извини, я, наверно, что-то не так сказала, может, даже обидела тебя. Но, поверь, все это только ради дяди Султана. Я очень уважаю его. А потом, я же чаще бываю рядом с ним, чем вы. Так что прости...

— Что ты, что ты! — торопливо успокоил ее Байдук.— Наоборот, большое тебе спасибо за искреннее слово!

Марин тяжело вздохнула и посмотрела на Байдука, словно ожидала от него еще чего-то. Байдук неуверенно улыбнулся ей.

— Ну, я пойду,— снова вздохнув, она выпустила из руки измятые грушевые листья и, не оглядываясь, быстро пошла прочь.

Из двери мастерской за каждым их движением с жадным любопытством наблюдали две пары горящих от возбуждения глаз. Еще бы: присутствовать при любовном разговоре! Парни были уверены, что между Байдуком и Марин состоялось именно любовное объяснение. Слов из своего укрытия они не могли слышать, но по серьезному, невеселому лицу Байдука Абдул и Керим поняли, что капитану не повезло.

— Эге,— поделился с другом своими соображениями Керим.— А Байдук-то с носом остался, а?

— Ты думаешь? — спросил Абдул.

— Похоже, он просил выйти за него замуж, а она отказалась. Видишь, какой понурый пошел? Ну уж, если такого парня ствергла, кого же ей тогда надо?!

Они вместе повозмущались поведением Марин, посочувствовали капитану, однако так и не вышли из своего укрытия, чтобы не поставить Байдука в неловкое положение.

С пустым кувшином бодро спустился сверху Султан, спросил на ходу:

— А где же Марин?

— Ушла,— пробормотал Байдук.— Домой, наверно, пошла.

— А ты чего такой скучный? — хлопнул сына по плечу старик и пристально посмотрел ему в глаза.

— Да так, отец. Не обращай внимания.

— Правильно, думай, думай. Женитьба — дело серьезное, сынок. Женитьба, что торговля на базаре: у каждого свой интерес, и никому неохота внакладе быть,— все так же бодро старик пошел к мастерской.— Оно и верно, сынок! И ничего тут зазорного нет: человек один раз должен жениться, чтобы на всю жизнь. А то что сейчас — сходятся, расходятся — это не женитьба, это так, тьфу!

«То-то и оно,— думал потом Байдук, остервенело строя доски.— То-то и оно, что один раз и на всю жизнь. Потому-то и не хочется мне, отец, жениться на твоей Марин...» Но и решиться огорчить старика, объявить ему, что остановил свой выбор на Нажабат, он тоже не смог ни в тот, ни на следующий день.

А отпуск его между тем незаметно подошел к концу...

Однако в отличие от капитана не теряла зря времени Нажабат. Болтливый Керим все же не выдержал и разрезвонил по всему аулу, что сам видел, как Марин отказала Байдуку. Едва этот слух дошел до Нажабат, как все ее надежды завладеть статным капитаном воспламенились с новой силой. Теперь она то и дело старалась зайти к Султану в дом, просто попасться Байдуку на глаза на улице, с утра до вечера ходила в лучших своих платьях и любезничала с нерешительным сыном Султана в открытую. Казалось, большие глаза ее не знают ни минуты покоя.

И она добились-таки своего. Накануне своего отъезда Байдук попросил приехавшего за отцом старшего брата взять Нажабат к себе, в город, как они когда-то договаривались. Эльдар со смехом потрепал брата по плечу, сказал, что одобряет его выбор и что сделает все в лучшем виде. Решено было, что Эльдар переговорит с родителями Нажабат, но будет держать все это в тайне — зачем нужна огласка раньше времени, и так уже о девушке бог знает что говорят. Эльдар и родители Нажабат решили так: уедет Байдук, уедет Эльдар с отцом, а потом уже вслед за ними и она. И никто ни о чем не догадается. А то стоит прослышать лишь одному, как

тут же узнает вся Эмильта. Как говорится, на одном краю аула шепнешь, а на другом громким эхом отдается... Байдук же подумал еще и о том, что так будет лучше и для Марин: если она всерьез думала о нем, то все поймет сама без лишних слов. Отца в свои планы братья решили пока не посвящать.

Старый Султан наконец закончил рамы и отправил их на ферму. Помощникам его, как и было обещано, колхоз заплатил за работу, и все были довольны, за исключением Дауда.

Выждав момент, когда сыновья пошли на почту звонить Калимат, незадачливый заказчик ворвался во двор к Султану с явным намерением закатить старому обманщику нешуточный скандал.

— Где мои рамы? — брызгая слюной, вопил он.

— Рамы? — спокойно удивился старик, не отрываясь от дорожного хурджина, в который укладывал вещи. — Разве у меня были твои рамы?

— Рамы, да, рамы! — повторил Дауд. — Мои рамы, которые ты отдал колхозу! — казалось, он готов был разорвать старика на части. Ух, если бы не страх перед сыновьями старого плута!..

— Ты зачем ко мне пришел? — все так же спокойно спросил Султан, завязывая хурджин. — Зачем ты пришел ко мне, если рамы у меня отобрал колхоз, реквизи- ровал, понял?

— Как это так — реквизи- ровал! — пуще прежнего возмутился Дауд. — Материал мой, заказчик я, а кто-то реквизирует! По какому праву?!

— Ладно, ты не кипятись, — пряча усмешку, остано- вил его Султан. — Я тут с тобой чуть сам под суд не уго- дил!

— Ты? Под суд?! — усомнился Дауд.

— Пришел Шапи, посмотрел на брусья и почему-то решил, что они с колхозной фермы. Уж я не стал гово- рить, что это твой лес: а вдруг, думаю, к тебе прице- пится...

— Ну и правильно! Молодец! — одобрил Дауд, но тут же спохватился: — Только лес-то все равно был не кол- хозный!

— Уж не знаю, что тебе на это и сказать, — снова улыбнулся Султан. — Короче говоря, простил он мне:

только, мол, уважая твои седины. А колхозное добро велел сдать, вернуть все на ферму...

— Вах! Я же тебе говорю — лес не колхозный! Честное слово, не колхозный, — упрямылся Дауд, радуясь в душе, что гроза обошла его стороной.

— Между нами говоря, — уже не скрывал насмешки Султан, — лес-то все же был колхозный. — Он заговорщицки поманил к себе Дауда и зашептал ему на ухо: — Там была секретная метка, почему Шапи сразу и узнал свой материал! Ты только молчи об этом, а то они в правлении акт составили. В случае чего, чик-чик, и в прокуратуру. Понял?

Куда и девался весь гнев Дауда! Он растерялся, побледнел от страха, словом, совсем скис.

— Да ты не волнуйся! — подбодрил его старик. — Я вот вернусь из города — смастерю тебе отличные рамы. Только, ради аллаха, не делай из меня больше сообщника, а? Видишь, как пришлось мне из-за тебя краснеть на старости лет.

Старик потирал руки, довольный тем, как ловко все устроил. И скандала не было, и к помощи Шапи прибегать не нужно. Султан даже не ожидал, что Дауд так быстро сдастся. Но, видно, был за ним какой-то грешок покрупнее, иначе чего бы ему так панически бояться прокуратуры из-за каких-то досок?

Прослышав, что Султан уезжает, вечером зашел председатель Шапи и сказал старому мастеру, что оплатит ему не только работу, но и материал.

— Не надо, не надо! — замахал руками старик.

— Как не надо? — удивился председатель. — Ты же свой тес тратил, свои брусья...

Старик хитро глянул в сторону соседнего двора.

— Ничего не надо. Это мой личный подарок джамаату, всему колхозу. Понял, сынок?

Проводив Шапи, Султан постоял на террасе, долго смотрел в сторону своего леса, будто прощался с ним. Как хорошо было бы вернуться к весне совсем здоровым и самому взяться как следует за раны, причиненные пожаром. Засадить бы склоны сосной, березой, дубом. Оляха тоже хорошо может пойти на пожарище. Глядишь, и снова зазеленел бы изувеченный склон.

— Эх-хе-хе, — вздохнул про себя Султан. — Как мало отпущено человеку жизни, и как мало он в этой жизни успевает сделать...

Поначалу он не хотел ехать в город, слышать даже

об этом не хотел. Но когда Эльдар, уговаривая, сказал, что Султана покажут самым лучшим в республике врачам, что его вылечат и тогда он, крепкий, словно молодой джигит, снова вернется в родную Эмильту, старик поддался на уговоры сыновей. Но все равно ему было тоскливо. Даже сейчас, когда он еще никуда не уехал, он живо представил себе, как будет скучать по лесу, по любимому делу, по своей мастерской. В мыслях он сам себе казался деревом, которое на старости лет решили вдруг пересадить на новое место. Невыносимо ему будет в городе без людей, с которыми прожил целую жизнь, без гор, без родного аула, но, может быть, он не успеет там зачахнуть, как то дерево, а? Ведь не навсегда же он туда едет, не для того же, в самом-то деле, чтобы жить у Эльдара с его выщипанной Калимат? Поживет совсем немного, подлечится — и назад.

Вышла в свой двор Марин, увидела Султана, приблизилась к ограде.

— Когда едете, дядя Султан?

Старик горько махнул рукой:

— А! Прямо сейчас. Эльдар с Байдуком пошли в город звонить. Вот придут — и поедем.

— А мы уже пришли, отец! — весело закричал от калитки Эльдар. — Ты готов?

— Счастливого пути, дядя Султан. Напиши, что там и как... не забывай нас! — в глазах Марин стояли слезы. На Байдука она так и не взглянула, боясь выдать себя.

— Спасибо, доченька, — растрогался старик. — Ты иногда заглядывай в мой дом, ладно? Ключ на прежнем месте.

Это была маленькая хитрость старика: не впервой он оставлял дом под присмотром Марин, и каждый раз все в нем блистало таким порядком и чистотой, что любо-дорого было входить в него после долгого отсутствия...

— Ну что, папа! — решительно сказал Эльдар, вынося чемодан и хурджин. — Поехали?

Султану не часто приходилось выбираться в город. И каждый раз его удивляло, как безудержно он разрастается, как далеко отошли его границы, как много автомобилей бегают на улицах, стреляя переработанным бензином. Разве сравнить здешний воздух со свежестью Эмильты!.. Но красота — она и здесь есть.

Теперь, живя у Эльдара, он частенько во время прогулки сворачивал на улицу, которая приводила его в новый, благоустроенный микрорайон. Султан останавливался то перед одним, то перед другим красивым домом, удивленно цокал языком. Говорил какому-нибудь случайному прохожему: «Подумать только! Каких-то десять лет назад здесь виноградники были!» Прохожий, удивленно пожимая плечами, проходил не останавливаясь, а старик все цокал: «И куда он только растет!»

Прогулки эти продолжались до того дня, пока однажды Эльдар не привел в дом молодого курчавого гостя. Приход этого, ничем вроде бы и не примечательного парня прямо-таки взбудоражил Калимат. Она накрывала на стол, что-то жарила, пекла, хотя всего уже и так было вдоволь. Потом подоспели еще какие-то гости, тоже, чувствовалось, не простые люди, но и они почтительно здоровались с кудрявоголовым. Сели за стол: мужчины, женщины — все вместе. От этого, оттого, что надо было не ударить лицом в грязь — знать, когда пустить в дело вилку, когда нож, старик чувствовал себя не в своей тарелке. Он хотел было покинуть это застолье, несколько не похожее на веселое застолье у них в Эмильте, но Эльдар удержал его.

— Познакомься, папа,— сказал он, поворачиваясь к сидевшему рядом с ним кудрявому человеку.— Это твой будущий врач. Да не простой врач — настоящий профессор, Якуб Багадуров. Можешь быть уверен: если он за тебя возьмется, в тебе ни одного микроба не останется!

— Дай-то аллах, сынок, дай-то аллах! — старик недоверчиво еще раз оглядел парня. Что-то не похож он был на настоящего профессора. Хороший врач — он, наверно, вроде того погибшего ученого, отца Тамары — такой... мудрый, поживший, испытавший очень многое на своем пути и сумевший взойти к вершинам мастерства... Неужели ты и взаправду врач? Не похож что-то...

— Ну, папа! — бросил сын таким тоном, что нельзя было не понять: ему стыдно за отца, выдающего такую первобытную простоту при столь уважаемом человеке, его друге.

— А давно ты врачуешь, сынок? — спросил старик, не обращая внимания на знаки, которые подавал ему Эльдар.

— Лет десять уже, отец,— добродушно откликнулся Якуб и улыбнулся старику.

Султан тоже улыбнулся.

— Да, десять лет — это срок, для того чтобы стать мастером, — важно кивнул он головой. — Дай тебе аллах здоровья на благо таких старых развалин, как я, — он снова улыбнулся, но улыбка получилась какой-то виноватой. — Знаешь, сынок, правильно говорят: старость — не радость. Как прихватит — ну, другой раз думаешь, все. Больше уж тебе, старику, ничего на свете не захочется, доконает тебя, проклятая...

— О! Ты еще повоюешь! — успокоил его Якуб.

Гости за столом вдруг оживились, заговорили все разом — Калимат подала горячее. Султан нехотя отвернулся от Якуба, окинул взлядом застолье, нахмурился.

— Калимат! — сказал он укоризненно. — Ты бы дочку-то отдельно покормила. Чего ей, девочке, сидеть в одной компании со взрослыми?

Калимат поморщилась, но ничего не ответила: сама ведь захотела, чтобы старик жил у них, и увела Асият на кухню. Эльдар насупился, но, однако, тоже смолчал.

— Ну, как там у вас, отец? В ауле-то? — вернулся к разговору Якуб. — Как живете?

— Как живем? — переспросил Султан, тронув усы. — Хорошо живем, Якуб-джан. Хорошо теперь живем, в достатке. Все есть — только вот сыновей теперь рядом не стало... Одного вот только-только проводил, в отпуск приезжал. Другого вообще два года не видел, геолог он у меня. А Эльдар, — старик махнул рукой, — Эльдар хоть и здесь, рядом вроде бы, а тоже навещает раз в год по обещанию.

— Ну, отец, это везде теперь так, — защитил молодых Якуб. — Время теперь такое, двадцатый век!

— А у тебя-то у самого, — поинтересовался, хитро прищурясь, Султан, — отец, мать живы?

— Живы, дядя Султан. Тоже в ауле живут.

— Вот видишь, и ты, поди, тоже вроде моего Эльдара, не выкроишь время проводить их. Так или не так?

— Да нет, я частенько наведываюсь в свой аул, — рассмеялся Якуб. — А потом, у меня там три сестры живут и брат, так что есть кому поухаживать за стариками.

— Вот! — обрадовался Султан и, схватив Эльдара за руку, не дал донести ему вилку до рта. — Ты слышишь, Эльдар?.. А ты, Якуб, молодец! Никогда не забывай родителей.

— Не все у нас получается так, как нам хотелось бы, — неохотно буркнул Эльдар. — Однако давай снача-

ла поедим,— добавил он, намекая на то, что Султан не дает угощаться ни ему, ни его гостю.

— Да, конечно, — тихо буркнул старик, хотя его так и подмывало спросить Якуба о чем-нибудь еще.

Но Якуб заговорил сам:

— Скоро у Эльдара вообще времени не останется, отец. — Старик встревоженно посмотрел на доктора. — Его, видишь ли, пригласили в институт — лекции читать.

— А как же его работа? — вырвалось у Султана.

— Вот это и есть самая настоящая научная работа, — усмехнувшись, объяснил Эльдар.

— Лекции, доклады, — насмешливо сказал старик. — Если бы за доклады платили, то самую большую зарплату в Дагестане получал бы, наверно, наш председатель колхоза Шапи.

— Э-э, нет, дядя Султан, — не поддержал шутки Якуб. — Тут другое: должен же кто-то передавать молодежи знания; опыт, верно? А у вашего Эльдара и опыт большой, и научный багаж солидный. Многие просто мечтают о такой работе...

Конечно, Султану было лестно слышать, как уважаемый всеми человек хвалит его сына. Но внешне старый горец был настолько непроницаем, что Якуб так и не понял — понравились Султану его слова или нет.

— Ученых-то у нас много, — неожиданно вздохнул старик.

— А кандидатов наук гор-раздо больше! — пошутил Якуб.

— Я, конечно, в ваших делах мало смыслю. Видимо, кажусь кому-то темным деревенским стариком. Что же, это, наверно, правда, — задумчиво произнес Султан. — Но я скажу, как думаю: по-моему, Эльдар еще не ученый. Что-то я не слышал, чтобы он открыл что-нибудь новое. Я видел однажды ученого — он погиб за свою науку у нас в горах. Вот это был точно ученый!

— Если каждый ученый сделает хоть одно открытие, — бросил раздраженный прямотой отца Эльдар, — то грядущим поколениям уже нечем будет заниматься на земле: все будет открыто.

— Я смотрю, у вас в науке, как в лесу: растет стройное, крепкое дерево, а в его тени жиреют кустарники. Пользы от них никакой, а тянут соки оттуда же, откуда и большое дерево, и живут себе припеваючи.

— А ведь старик прав! — оживился Якуб. — О присутствующих я не говорю, не будем портить друг другу настроение. Но вот у нас, в республике, сейчас много ученых. Армия! А от каждого ли из них есть хоть какая-нибудь польза? Да ничего подобного! Сколько у нас таких кандидатов, которые защищают диссертации лишь для того, чтобы найти себе тепленькое местечко в каком-нибудь ведомстве. А ведь они тоже считаются учеными! Будь моя воля, я бы специальным указом запретил им так называться, чтобы не поганили святое звание! Правильно Султан-даци говорит: человек подтверждал право называться ученым, идя на самопожертвование и даже на смерть...

Султан слушал Якуба заворуженно.

— Какие величайшие умы прокладывали новые пути в медицине!.. Их не признавали, травили, объявляли чуть ли не преступниками. А кто? Все те же «коллеги», обладатели научных титулов, которые в своей жизни не сумели ничего ни открыть, ни принести людям ощутимой пользы...

Доктор назвал имена ученых, но старик их не запомнил.

— А куда же наше государство смотрит, почему не защитит настоящих ученых? — возмутился Султан.

Гости рассмеялись его наивности.

— Он говорит про тех, — объяснил Эльдар, — кто жил давно, еще до революции.

— Аа... — протянул Султан. — Ему стало неудобно, что вот так, перед всеми, он попал впросак, и поспешил перевести разговор на другое. — Ладно, пусть мой сын читает лекции, раз он считается ученым. Но я спрошу вот что: может быть, образование и говорит об уме человека, но почему тогда у таких ученых, как мой сын, разум не ведет к человечности, к доброте?

— Ну что ты заладил одно и то же, отец, — недовольно бросил Эльдар.

— Да, — исподлобья посмотрев на сына, согласился упрямый старик. — Я все о том же — о любви к родителям.

— Не зря ведь мудрецы говорили, — предупреждая ссору, вклинился мудрый Якуб, — родители — источник добра и жизни твоей.

Старик с благодарностью посмотрел на курчавого собеседника, который нравился ему все больше.

— Золотые твои слова, сынок. Видать, ты и ум-

ный, и добрый человек, дай аллах тебе много лет жизни!

— В моей профессии нельзя быть злым, отец,— попробовал отшутиться смущенный врач. — Стараюсь быть добрым, да не всегда получается...

— С твоей-то золотой душой?! Непременно получится,— заверил Султан.

Разговор этот, так некстати затеянный отцом, казался и Эльдару, и Калимат оскорбительным для них — хозяев дома. Несколько раз уже они показывали гостям, с извиняющейся улыбкой пожимая плечами, что ничего тут не могут поделать, что они просят немного потерпеть, поскольку отец есть отец, а родителей не выбирают. Гости понимающе улыбались в ответ, но чувствовалось, что им тоже изрядно надоела эта нравоучительная беседа. Вдруг Якуб постучал ножом по бокалу.

— Внимание! Минуточку тишины! — он поднял рюмку с коньяком. — Я хочу выпить за тебя, отец! За твою жизнь и твоё здоровье! Насколько я понял по рассказам Эльдара, у тебя что-то с почками,— Якуб ободряюще положил руку на плечо старого человека. — Ты выздоровеешь, я тебе обязательно помогу.

— Спасибо на добром слове, сынок,— ответил Султан, незаметно отодвигая рюмку в сторону. — В молодости я тоже любил посидеть в компании, а другой раз даже и выпить, но, увы, все в прошлом.

Эльдар и Калимат ерзали на стульях, боясь, как бы отец опять не завел какого-нибудь нудного разговора. Сын давно бы уже уложил его спать в другой комнате, но как старика остановишь? Эльдар снова внимательно следил за лицами гостей — не шокировал ли их чем-нибудь старик, не компрометировал ли его самого. Да, не надо было сажать его за общий стол, нужно было что-нибудь придумать... Его удивлял и Якуб, который словно не понимал, что чем больше он разговаривает со стариком, тем словоохотливее тот становился — сказывалось одиночество.

А беседа отца с молодым профессором все продолжалась, и казалось, ей не будет конца. Якуб любил медицину страстно и мог говорить о ней до бесконечности, взволнованно объясняя красоту своей самой гуманной на свете науки. Но, конечно, для Султана много в его рассуждениях было темным лесом...

Эльдар тоскливо наполнил пустые рюмки, поймал сочувствующий взгляд Калимат. В эту минуту он поза-

видовал жене: ей было проще — взяла и вышла на кухню, якобы проверить, кушает ли Асият; а вот он обязан сидеть во главе стола... Эльдар снова вдруг услышал голос отца.

— Каждому надо заниматься тем делом, в котором он мастер, в котором он чувствует себя хозяином, а не рабом,— одобрительно сказал он, вставая из-за стола.— Извини, сынок, надоел я тебе, наверно. Да мне и спать пора.

— Я уже постелила тебе, папа,— заторопилась Калимат, опасаясь, как бы старик снова не застрял у стола.— В нашей комнате.

— Ну что ж, Султан-даци, — встал и Якуб. — Значит, до завтра? Утром Эльдар приведет тебя ко мне, сделаем анализы, все как следует проверим. Только придется немножко полежать в больнице. Как, ты согласен?

— Да куда ж теперь денешься,— махнул рукой Султан.— Спасибо тебе, сынок, за заботу о старике.

На следующий день, как и было обговорено, Султана, по распоряжению Якуба, положили в больницу. И потянулись невыносимые для старика часы безделья и ожидания. Правда, вскоре проведать его зашла Нажабат — едва приехала из аула и сразу узнала, что ее будущий свекор в больнице. Старик было обрадовался ей, но быстро понял, что зря: о том, что делается в колхозе, Нажабат не знала, ей это совсем не интересно. Зато была в курсе всех аульских сплетен: кто в кого влюблен, кто на ком собирается жениться, кто, наоборот, разводиться, можно подумать, вся ее жизнь в этом. Послушав Нажабат минут пять, старик выпроводил ее под тем предлогом, что вот-вот должен начаться обход лечащего врача. «И Байдук собирается жениться на этой балаболке!» — снова ужаснулся он.

Старик не замечал, что Нажабат старательно скрывает от него свое плохое настроение. Он не видел, что, как только девушка умолкала, печальным становилось ее лицо. Пожил бы подольше сам в доме своего Эльдара, многое открылось бы. Не относился бы так к родному сыну!

Худшие предположения Якуба подтвердились: и анализы, и обследования свидетельствовали о том, что

у старика хронический нефрит. Никаких лекарств Якуб пока не прописал, а назначил строгую диету. Да такую строгую, что на первых порах Султану почти не давали есть. Когда Эльдар пришел проводить его, старик мыкался в тоске по палате.

— Эти твои врачи решили меня тут голодом умирить! — набросился он на сына.

— Но это же лечение такое, папа, — попытался успокоить его Эльдар. — Врачи ведь знают, что делают.

— Какое лечение! Издевательство одно, насмешка! Ты посмотри только, что мне на день дают, — жаловался он, показывая на тумбочку, где лежало несколько кусочков сахара, какие-то порошки, стояла чашка с водой и плавающим в ней кусочком лимона. — Додумались тоже, на больных экономить! Ну ладно, казенной еды жалко, так разрешили хотя бы за свои деньги купить что-нибудь в магазине!

— Якуб говорит, что пока так надо. Ты же веришь ему, папа!

Старик безнадежно махнул рукой, лег на кровать и устало закрыл глаза.

Когда в следующий раз к нему пришла Нажабат, старик упросил ее принести, втайне от сына и Калимат, одежду: неудобно, мол, ему выходить на прогулку во двор в больничной пижаме. Нажабат, пустая голова, принесла. И этим же вечером, едва в палате погасили свет, Султан переоделся.

— Нет, хватит с меня, — бормотал он, натягивая сапоги, — так можно и ноги раньше времени откинуть.

— Эй, что ты там все шепчешь, старик? — спросил его потревоженный сосед. — Спать надо, а не разговаривать.

— Ничего, ничего, ты спи. Это я молитву читаю, — успокоил его Султан. Потом подумал, подумал и решился. — Слышь, сосед, — тот недовольно повернулся к нему. — Скажи завтра доктору Якубу, пусть не обижается, а? Не могу я тут больше!

— Да ты что, удрать, что ли, надумал? — сосед приподнялся, пытаясь разглядеть в темноте палаты уже одетого старика. — Люди мечтают сюда попасть, а ты — бежать.

Султан ничего не ответил и, лишь дойдя до двери, прошептал:

— Ну, давай тут поправляйся. Плохое это дело —

болеть, по себе знаю, — и, поглядев в оба конца коридора, бесшумно закрыл дверь...

Днем ему было бы проще простого найти дорогу к дому сына — не зря же он целыми днями совершал прогулки по городу. Но темным осенним вечером...

Поздним вечером город выглядел совсем не так, как днем. Куда-то уходили цепочки огней, улицы, которые он, казалось, видел впервые в жизни, перекрещивались с такими же незнакомыми улицами, залитыми светом ламп. С большим трудом, после долгих расспросов, добрался он наконец до дома, где жил Эльдар. Облегченно вздохнув, старик позвонил в дверь.

— Кто там? — подошла к двери Калимат.

— Это я, — весело ответил старик, которого радовал сейчас даже голос его нелюбимой невестки.

Калимат долго лязгала ключом, гремела цепочкой: она никак не ожидала появления свекра, да и вообще пока никого не ждала — Эльдар сегодня утром уехал в командировку, а Нажабат допоздна будет в библиотеке.

Старику подумалось, что он стоит под дверью уже целую вечность. По привычке он сердито покашлял в кулак. Дверь наконец-то открылась. Взгляд Султана недоверчиво скользнул по Калимат, и, напрягшись под этим взглядом, она поправила у горла широко распахнутый ворот халата.

— Это я, — еще раз сказал он, усмехаясь при мысли, каким сюрпризом будет для всех его неожиданное появление.

Судорожно тиская на груди халат, Калимат растерянно, как ему показалось, пошла впереди него в комнату.

— Ну вот и кончилось мое лечение... — весело сказал старик и осекся на полуслове, заметив сидящего незнакомца.

Тот расположился за столом вольготно, как хозяин, и преспокойно курил. Султан поздоровался, вопросительно глянул на гостя, потом на Калимат. Сноха, растерянная, стояла подле стены. Какой-то необъяснимый стыд поднимался в душе Султана, будто он сделал что-то нехорошее, будто его застали с поличным за каким-то непристойным делом. Он еще раз вопросительно взглянул на Калимат. Но та уже взяла себя в руки.

— Познакомься, отец. Это товарищ Эльдара по институту, Ибрагим. Он профессор...

— Очень приятно, — хмуро буркнул старик. — А где же Эльдар?

— Эльдар?.. — на мгновение замялась она. — Эльдар скоро придет. Как же тебе удалось уйти из больницы? Тебя выписали? Нет? — она лихорадочно задавала один вопрос за другим, а душу ее продолжала терзать тревога: с Эльдаром у нее разговор короткий, а вот старика она боялась. — Почему ты ушел, что-нибудь случилось?

— Ничего не случилось, — угрюмо ответил старик. — Просто мне надоело лежать там... Так, стало быть, еще один ученый... Ученый, значит, — сказал Султан как бы про себя и снова обратился к невестке: — А где Нажабат, Асият где? Они тоже «скоро придут»?

— Ася с классом пошла в театр, а Нажабат куда-то убежала. По делам, наверно, — откликнулась Калимат, суетливо накрывая на стол.

— Ты не беспокойся, — остановил ее Султан, — есть я не хочу. Мне бы только лечь да уснуть, а то я собираюсь завтра пораньше уехать.

— Как уехать? — недоуменно начала было Калимат, но тут встал со своего места гость, посмотрел на часы.

— Что-то, дорогая Калимат, долго Эльдар не приходит. Мне, пожалуй, его не дожидаться, — он решительно пошел к двери. — Спокойной ночи, отец.

— Спокойной, спокойной, — неприязненно пробормотал Султан, провожая гостя недобрым взглядом. — Что-то больно уж молодые профессора пошли, — ехидно заметил он невестке, когда та вернулась, проводив гостя. — И красавчики!

— Я его плохо знаю, — равнодушно откликнулась окончательно взявшая себя в руки Калимат. — Это Эльдаров приятель.

Кряхтя и ворочаясь, старик улегся в «своей» комнате и долго не мог уснуть. Первое, что ему бросилось в глаза, когда он, разбитый, встал рано утром — это отсутствие Эльдара. Внучка и Нажабат безмятежно спали в другой комнате, Калимат уже крутилась у плиты, а Эльдара так и не было.

— Может быть, ты все же скажешь, где Эльдар, — стараясь не глядеть на невестку, спросил старик.

— Вот видишь, как у него все нескладно получается! Поздно ночью, когда ты уже спал, он позвонил из Грозного, сказал, что срочно выехал туда в командировку.

— Да что у вас тут творится! — взорвался старик.

Душа его кипела от ярости: сначала он застаёт Калимат наедине с каким-то красавчиком профессором, видите ли; потом узнает, что Нажабат, чтобы ее пустую душу джинны¹ вместе с ней забрали, гуляет где-то допоздна без присмотра! Хороша невеста!.. А теперь еще одна новость: то ли Эльдар действительно куда-то уехал, то ли просто-напросто не живет дома. И в самом деле, есть от чего прийти в ярость! И тут, некстати, показалась заспанная Нажабат.

— Явилась! — еле сдерживая себя, приветствовал ее старик. — Где это ты, интересно, бродишь по вечерам, а?

Нажабат только надменно вскинула свои черные брови.

— Я что, теперь уже не имею права выйти из дома? А если мне надо пойти в библиотеку и там заниматься?

— В библиотеку ходят днем, а не ночью, — раздраженно засопел старик. — Ночью приличные девушки одни не ходят по улице!

— Хорошо, — повернулась Нажабат, — в следующий раз учту твоё замечание! — и скрылась в ванной.

— Тьфу! — плюнул старик и пошел в прихожую, где висела его одежда и валялись пустые хурджины.

...Нажабат плескалась в ванной и жалела о том, что была так непозволительно груба со стариком. Конечно, если как следует разобраться, он тоже хорош — не любит ее, Нажабат, и даже не скрывает этого... А с другой стороны, снова вспыхнула ее душа обидой, она что, жена, что ли, Байдуку, что Султан контролирует ее? Лучше бы за своей Калимат смотрел. Интересно, что старик запоем, если узнает о ее связи с этим профессором?

В последнее время Нажабат с удивлением стала замечать, что почти и не вспоминает о Байдуке, о том, почему живет у его брата. Мысли ее занимал сам хозяин дома, Эльдар. Она не может сказать, когда это началось... То ли тогда, когда впервые присутствовала при его ссоре с Калимат, то ли тогда, когда — Эльдар был на совещании — Калимат, словно невзначай, купила ей билет в кино на вечерний сеанс: фильм-де хороший, а сама все на часы посматривала. «И что еще

¹ Д ж и н н ы — злые духи.

этой ненасытной надо! — с ненавистью думала девушка о Калимат. — Муж красавец, ученый человек, скоро доктором будет, большой пост занимает, на черной «Волге» ездит. А с какими людьми дружбу водит! Ну что надо женщине?! Эх, если бы Эльдар принадлежал мне. Уж я бы...»

В первый момент она испугалась этой мысли, но потом все чаще и чаще возвращалась к ней, наблюдая ссоры хозяев дома, слушая все те упреки, которыми жена осыпала мужа. Нажабат понимала, как тяжело сейчас Эльдару, какую несправедливую обиду наносит ему Калимат. Только по-настоящему любящая девушка, такая, как она, Нажабат, может помочь сейчас Эльдару. Да, да, именно она, Нажабат, может помочь Эльдару, поддержать его в трудную минуту, сберечь его душу от ран!..

Она своим женским чутьем понимала, что Калимат все равно уйдет от Эльдара. Это же яснее ясного! Так разве же она, Нажабат, совершит что-то преступное, если утешит человека в беде, поможет ему, мужчине, о котором так долго мечтала?! А разве сам Эльдар не имеет права на счастье? Не имеет права любить ее?

Мысли эти так горячили лицо, что сейчас ей приходилось снова и снова плескать на щеки пригоршни ледяной воды. «Старик тогда совсем меня возненавидит,— подумала она вдруг. — Вот выйду из ванной, извинюсь и скажу: не буду, мол, больше, дядя Султан, ходить вечерами заниматься...»

С этим намерением она торопливо вышла в прихожую. Ни пустых хурджинов, ни самого старика там не было.

— Калимат! — сразу все поняла она. — Старик-то, похоже, уехал...

— Как уехал? — испугалась Калимат.

Она успела догнать свекра во дворе.

— Куда же ты, отец? Хоть бы позавтракал,— попыталась она удержать Султана.

— Спасибо, — хмуро отмахнулся старик. — По горло сыт! — никакая сила сейчас не вернула бы его назад, в дом сына. — Счастливо оставаться! — бросил он сквозь зубы и широко зашагал по улице.

А Калимат так и осталась на месте с разведенными в недоумении руками.

В тяжелом своем раздумье Султан шел по городу, не замечая ни прохожих, ни витрин магазинов, ни шумно

несущихся куда-то автомобилей. Душа старика была отравлена сомнениями. Чем дальше он уходил от дома сына, тем все больнее терзали его думы. «Не зря, значит, в ауле болтали про Калимат! Эх, Эльдар, Эльдар! Только ты за порог — она какого-то профессора в дом! Валлах, какой позор! — страдая, думал Султан. — В наше время за такое...» Он дошел до перекрестка и, не подумав даже взглянуть на светофор, решительно шагнул на проезжую часть. Заскрипели тормоза, и не обращая никакого внимания на кричащего шофера, Султан упрямо продолжал путь.

«Эх, Эльдар, Эльдар, — снова тяжело вздохнул старик. Ему, человеку, воспитанному в суровых обычаях горцев, нестерпимо больно было не то что понимать, что творится в доме сына, даже думать обо всем этом. И ничего тут не поделаешь, ничего не изменишь: другое, как они говорят, время пришло. — Что же это такое, сынок? Разве так должен жить мужчина? Ты говоришь: время иное, культура. Да разве в том должна быть ваша культура, чтобы жена любезничала с другим мужчиной?..»

Старик кряхтел, в негодовании плевал себе под ноги. Потом вдруг останавливался — его начинали одолевать сомнения. «А может, и вправду тут нет ничего особенного? Пришел этот Ибрагим к Эльдару, его нет, а тут и я явился...» Но стоило ему вспомнить, как долго Калимат отпирала дверь, как запахивала у горла халат, всякие сомнения отступали. «По делу, говоришь? — рассуждал он сам с собой. — Тогда почему же никого, кроме нее, дома не оказалось? А если в ауле правду про нее говорят?.. Что тогда делать, как пережить этот позор?!»

Сомнения, догадки, злость вновь и вновь терзали его душу, грызли сердце. Наконец в полной растерянности он остановился, перестав вдруг понимать, где он. Огляделся. Этот район города был ему совсем не знаком. В растерянности он поднял руку перед первой же машиной и попросил отвезти его на автостанцию.

Ему не везло весь день. Билетов на автобус не было, и никто не знал, когда пойдет следующий...

Однако к обеду, на счастье, подвернулся земляк, у которого родственник был водителем автобуса, он сжался над стариком и посадил его рядом с собой.

Горы уже припорошил первый снежок; леса в распадах сбросили листву, совсем уже приготовясь к уда-

рам зимы; травы пожухли, лежали на склонах ржавыми плешивыми шкурами.

К вечеру он был в райцентре, пересел на оказавшийся здесь по счастливой случайности колхозный грузовик и, уже в сумерках, попал в свою родную Эмильту.

Султан сунул руку под камень лестницы — ключа на месте не оказалось. Он поднялся наверх, подергал дверь — заперта.

Душа его была опустошена. Он посидел немного на ступеньках, потом встал, — ему стало холодно, отряхнулся и пошел к соседке.

— Дядя Султан! — всплеснула руками Марин, увидев его усталое, измученное лицо. — Откуда ты взялся? Когда приехал?

— Недавно, — попытался он улыбнуться.

— Вот уж не ждали, — не зная, то ли радоваться его приезду, то ли печалиться, снова всплеснула руками Марин. — Вот уж не ждали-то!

И тут старик наконец почувствовал, что он дома. Напряжение отпустило его, он как-то сразу весь обмяк, опустился на трехногий табурет и долго вытирал повлажневшие глаза. Да, здесь он был дома... Он глядел на оживленное, ясное лицо Марин и думал о том, что в обществе этой девушки ему почему-то становится так легко, будто и не точила его никогда хворь, будто не терзала его с самого утра тревога за сына...

— От Байдука письмо не получала? — трогая усы, вдруг спросил он, дождавшись, когда мать девушки выйдет во двор.

— А зачем он мне писать будет? — сердито бросила Марин. — Пусть ей пишет!

— Кому это ей? — Султан сделал вид, будто не понимает.

— Ты что, дядя Султан! Посмеяться надо мной решил, что ли? — вспыхнула девушка. — Своей невесте, Нажабат, кому же еще! Все в ауле только и говорят о том, что они наречены!

— О аллах! — снова лукаво усмехнулся старик. Он чувствовал себя бодрым, уверенным, мудрым, как прежде. Верно говорят, что воздух родных мест и мертвого оживить может. — И чего только не наболтают эти люди! Как будто нет больше дел, кроме как сплетнями заниматься! Во-первых, она ему не невеста, иначе бы я-то уж об этом знал. Во-вторых, Эльдар взял ее в город только для того, чтобы она могла подготовиться в ин-

ститут. А в-третьих, кому нужна чванливая, ничего на свете не замечающая, кроме самой себя, эта побрякушка, а?

Девушка бросила на старика быстрый взгляд, по-прежнему недоверчивый, но уже не такой сердитый. Разговор, столь важный для них обоих, прервала вернувшаяся Зухра.

— Ну, ладно, засиделся я что-то. А ведь за ключом пришел,— засмеялся он вдруг.— Вот видите, что город с человеком сделал — забыл, зачем пожаловал.

— Что, не понравилось в городе? — спросила Зухра. — А люди туда рвутся, как будто там все медом обмазано!

— Город хорош горожанам, — снова рассмеялся старик. — А по мне нет места лучше родного гнезда. Спокойной ночи!

Он ушел, а слова его еще долго звучали в ушах Марин, вселяя в сердце угасшую было надежду.

10

На следующий день в Эмильту пришла зима. Всю ночь шел снег, выбелил склоны гор, сугробами лег в лощинах, занес горные тропы. Султан, хмурясь, смотрел утрами, как переливаются, играют драгоценными огнями снежинки на слабом косом солнце, как стоит, погрузившись в зимнее безмолвие, дальний лес. В эти минуты ему казалось, что морозец сковал своей тугой прозрачностью не только лес, горы, но и весь аул. Реже стали прохожие на улице, собаки и те старались зря не брехать. Одни неугомонные воробьи прыгали на плоских крышах домов, оглашая утро бодрым чириканьем. Облака, уставшие слезливой осенью, поднялись ввысь и, казалось, отдыхали теперь, вбирая в себя синеву неба.

Старик по-прежнему жил один. Сначала он ждал, что приедет Эльдар, отругает его за побег, но тот лишь позвонил на почту, справился, приехал ли отец, и замолк: ни письма, ни весточки. Слал письма Байдук — исправно, как по графику, два раза в месяц. Эта аккуратность почему-то раздражала старика... Несколько раз с Дальнего Востока приходили денежные переводы, хотя старик строго-настрого запретил делать это — он и в самом деле ни в чем не нуждался. Однажды от младшего сына получила письмо и Марин, оно тоже

было будто по обязанности написано,— девушка не постеснялась прочесть это письмо Султану, нечего там было скрывать...

Эмильтинцы, зимой часто бывавшие в городе, сначала заходили к Султану в дом, передавали поклоны от сына и его семьи, потом стали избегать его: все громче и громче шли слухи о связи Калимат с каким-то профессором, о семейных скандалах.

Вскоре пришли вести о том, что Калимат ушла от Эльдара к тому самому профессору... До старика эти слухи не доходили: люди из сострадания старались скрыть от него новую беду, знали — он так слаб, что вряд ли переживет горестное известие.

Под Новый год как снег на голову нагрянул Байдук, прилетевший в родные края по каким-то служебным делам. От него-то первого отец и узнал обо всем.

— Вот такие скверные дела, отец, — мрачно подвел итог младший сын.

— Да-а, — тускло отозвался старик, зябко кутаясь в овчинную шубу. — Чего ей не хватало, этой выщипанной? Я давно замечал...

— Ей нужны были деньги, курорты, машина — так Эльдар говорит, — угрюмо пояснил Байдук. — Спала и видела красивую жизнь. А Эльдар.... он имел большие возможности, но не все, вот и хватался то за лекции, то в какие-то никому не нужные командировки гонял. Ну, она и нашла этого...

Султану ясно вспомнился тот день, когда он сбежал из больницы, растерянная Калимат, куривший незнакомец. «Да, все так и есть, как Байдук говорит», — подумал старик убито.

— Страшно, когда женщина теряет стыд и совесть, когда она забывает о долге перед семьей, забывает, что она мать... — Султана знобило.

— А ведь сначала вроде бы любили друг друга, — растерянно сказал Байдук.

— Вах! Любили! — махнул рукой старик. — Разве такие... способны любить? — он устроился поудобнее, поджимая под себя ноги. — Асият, конечно, она с собой не взяла? Нет? Знаешь что, сынок, давай, раз уж ты здесь, привези-ка внучку ко мне, в аул, пока не поздно. Зачем ребенку страдать.

— Но ведь ты болеешь, — удивился сын. — Зачем тебе лишние хлопоты? Может, лучше мне ее взять?

— Не говори чепухи! — строго оборвал его отец.

Лишние хлопоты! Сам живет в общежитии, один, без жены, и нате вам, повезет туда еще и ребенка!

Байдук о чем-то задумался, прошелся, скрипя сапогами, из угла в угол. Встал под лампой, покачался на носках.

— Напрасно ты так думаешь, у меня теперь хорошие условия. Вот только на службе целый день... А если я женюсь, а, пап? Два дня у меня есть в запасе, и если ты не откажешься помочь мне... — он запнулся. — Если ты не против, конечно...

— На ком это ты женишься? На своей Нажабат, что ли? Так она к экзаменам готовится... — сердито съязвил Султан.

— Нет, папа! — перебил его Байдук. — Я много думал об этом. И если ты не против, я бы женился на Марин.

— На Марин? — недоверчиво переспросил отец. Он не знал, что заставило сына переменить решение, с легким ли сердцем он идет на этот шаг, но слова Байдука его искренне обрадовали. — Молодец, сынок, молодец, пусть будет по-твоему! Я сегодня же пойду к ее матери, и если они согласятся... — тут что-то встревожило старика. — А как же теперь с той? Со «студенткой»?

— А что с той? — удивился Байдук. — Словом я себя с ней не связывал...

— Ну, слава аллаху! — старик даже встал с тахты. — Разобрался-таки наконец. Зачем тебе эта фальшивая монета, когда есть на свете чистое золото!

Дело теперь было за малым: переговорить с матерью Марин, а заодно и узнать, не против ли сама избранница, в чем Байдук не совсем был уверен; она и раньше, как ему казалось порой, не питала к нему особых чувств, а вся эта история с Нажабат могла лишь оттолкнуть ее.

Он был и прав и неправ в своих сомнениях. Робкое чувство, что жило в сердце Марин к сыну дяди Султана, вспыхнуло вдруг бешеным пламенем, когда она узнала, что Нажабат уехала в город как невеста Байдука. С неведомой ей дотоле болью она думала о нем, о Нажабат и не могла понять, почему так несправедливо устроена жизнь, почему так горька любовь. Она никогда не произносила этого слова вслух, никогда не говорила о своих переживаниях даже с матерью. Ей казалось, что, если поговорить с кем-то о том необыкновенном чувстве, что захватило ее всю, без остатка, оно потускнеет, померкнет. И она носила это радостно-тревожное

чувство у самого сердца, за семью замками — и тогда, когда уже совсем было поверила, что ей никогда не быть с Байдуком, и тогда, когда старик, неизвестно зачем, принялся раздувать в ней искры надежды...

Но, видимо, надежда эта все же была сильнее ее самой, ее обид — она отказывала всем, кто просил ее руки. Кое-кто в ауле даже осуждал Марин: парни сватались, как на подбор, хорошие, достойные любой невесты. Но разве сердцу прикажешь? Это для разума и тот хорош, и этот пригож, и тот достоин, и этот уважаем. А для ее сердца на свете есть только один, Байдук!

Вечером следующего дня, в ту пору, когда люди, закончив дневные дела, собираются у очага, Султан, скрывая волнение, направился в дом соседки. Марин возилась у плиты, а Зухра разливала по горшкам молоко. Сосед покашлял в кулак у порога, привлекая к себе внимание.

— Готов ли у тебя ужин, хозяйка? — весело спросил он. — А то, как видишь, гость уже за стол садится! — и, пройдя в дом, уселся на почетное место подле очага.

— Если гость голоден, — весело откликнулась насколько не удивленная его приходом хозяйка, — найдет-ся ему перекусить что-нибудь и до ужина.

Старик, который сегодня с утра был в прекрасном настроении, балагурил с женщинами о том о сем, ожидая, когда Марин выйдет из комнаты: по обычаю, не принято, чтобы руки девушки просили в ее присутствии. Но Марин все так же хлопотала у плиты и никуда не собиралась отлучаться.

— Ох, вот беда-то, — притворно заохал старик. — Марин, доченька, если ты не очень занята, сбегай, пожалуйста, к нам. Совсем старый стал — забыл сигареты на столе. Такие, знаешь, Байдук мне привез... с собакой на коробке.

Едва девушка выбежала за дверь, старик, улыбаясь ей вслед, полез в карман и вытащил... сигареты. И пока он возился, распечатывая пачку, Зухра все поняла.

— Я к тебе, дорогая соседка, — начал Султан, тщательно взвешивая каждое слово и оттого как-то необычайно торжественно и степенно, — вот по какому поводу. Вопрос тут такой: положено было бы, по обычаю, послать двух-трех родственников... Но, — он посмотрел вдруг ей в самые глаза, — мы друг друга так хорошо

знаем, что аллах простит нас за это небольшое нарушение адата. Как ты думаешь? — Зухра молча кивнула головой, и старик продолжил: — Что, если мы соединим судьбы Марин и Байдука?

Зухра в волнении вытерла руки передником, присела от неожиданности.

— Да ведь я-то что, Султан? Надо у нее спросить. Согласна ли она, а я только рада буду...

Марин, слышавшая последние слова матери, нарочно задержалась на террасе, загремела там чем-то, предупреждая старших, что возвращается. Увидела в руках старого соседа дымящуюся сигарету, хмыкнула понимающе и, положив перед ним принесенную пачку, наклонилась к матери, зашептала ей что-то на ухо, то и дело бросая на Султана смешливые взгляды: секретничайте, мол, секретничайте, я-то уже все знаю!

Через секунду ее голос был слышен на улице; Султан, очарованный как всегда ее резвой молодостью, почесал указательным пальцем бороду и весело заметил:

— Сдается мне, соседка, что дело наше уж решенное, а?

— Ох, сосед, — шутливо погрозила ему Зухра. — Ну ничего-то от тебя не укроется! Ладно, будь по-твоему! — она посерьезнела. — Мы знаем друг друга так давно, что, я думаю, не надо тебе объяснять: Марин — единственная моя радость, и только ради нее я живу на земле. Хочу, чтобы и в твоей семье она была любима и нашла счастье и достаток. Присылай сватов, сосед!

Главное сделано, и Зухра уже настроилась было на легкий, приличествующий такому случаю разговор со взаимными подкалываниями и подшучиваниями, готова была на радостях вытащить на стол едва ли не все содержимое своей кладовой. Но старику не сиделось на месте — его так и подмывало скорее бежать домой, делиться радостью с сыном.

Однако зря он отказывался от угощения — Байдука в доме не было. Вовсе не уверенный в успехе сватовства, тот, чтобы скоротать мучительное ожидание, отправился на годекан — известно, на миру и смерть красна...

Когда Байдук вернулся домой, отец, забившись по своей привычке в угол, сидел на тахте, поджав под себя ноги, и наигрывал на свирели огненную мелодию лезгинки. Сын посмотрел вопросительно, но Султан, как ни в чем не бывало, продолжал играть, все убыстряя и убыстряя темп. По этой веселой мелодии, по тому, как

дрожали у отца от едва сдерживаемого смеха кончики усов, Байдук понял, что все хорошо, соседка дала согласие.

Отец на мгновение прервал игру.

— Ужин на печке, — бросил он сыну и снова приложил свирель к губам.

— Не хочется что-то, — сказал Байдук. Не зная, чем заняться, он присел на край тахты, а отец все играл и играл, и казалось, конца не будет этой бесконечно повторяющейся мелодии. Наконец Султан отложил свирель в сторону.

— Что же ты ни о чем не спросишь?

— А зачем спрашивать? — стараясь скрыть волнение, отозвался сын. — Я и так догадываюсь, каков ответ.

Веселое настроение не покидало Султана.

— А я бы на ее месте не давал согласия так быстро!

— Интересно почему? — встрепенулся задетый за живое Байдук.

— Я бы на ее месте сначала предложил тебе хорошенько подумать. А то ты еще бродишь, как молодое вино.

— Какое уж там молодое! — махнул рукой сын.

— Это верно, годков ты прожил уже много. А вот из ребячьего возраста что-то никак не выберешься. То к одной кинешься, то к другой...

— Эта другая, отец, — не выдержал Байдук, — выходит замуж за нашего Эльдара.

— Че-го? — переспросил Султан и вдруг зашелся от смеха. — Замуж? Вот ее-то Эльдару как раз и не хватало! Хороша будет парочка — нашел слепой глухую!

— Да нет, я серьезно говорю, отец! Когда я приехал, Эльдар стал выпытывать у меня, давал ли я слово. А когда узнал, что нет, объяснил мне все: она сама, оказывается, предложила ему жениться — дескать, она его любит и будет ему верной женой. Да и он ее любит. Говорит: она совсем не такая, какою вы ее знаете.

— Ну и дела! — пришел в изумление старик. — Да ведь он же чуть не вдвое старше ее!

— Это сейчас в моде, папа.

— «В моде»! — передразнил отец. — А что же ты мне ничего сразу-то не сказал?

— Как-то, знаешь, неудобно было, да и Эльдар просил не говорить пока. Тем более, говорит, что отец не

— Час от часу не легче! Вот чудо-то вышло из моих «ресел», — задумался старик. Вся эта история была ему так не по душе, что он готов был отречься от Эльдара, и в то же время каким-то уголком сердца жалел его: ничего не сказав, без отцовского благословения... Неужели ж он совсем конченный человек? А еще говорит: «ученый». Ученый-то ученый, да ума и на кончик мизинца не наберется! — Неужели и вправду пришел срок отречься от него? — пробормотал Султан, снова взяв в руки свирель.

Байдук не расслышал отцовских слов — мысли его были заняты предстоящей свадьбой.

А свадьба удалась на славу. В вечерних сумерках, в соответствии с обычаями гор, невесту ввели в дом жениха. Впереди свадебной процессии семенила старуха с плоской, полной горячих углей, — так мать невесты посылает дочери тепло своей души. Придет срок, невеста разожжет от этих углей очаг, и с этой минуты дом жениха станет и ее домом, теплым и добрым к ней... А когда Марин переступила заветный порог, навстречу ей вышел отец жениха со стаканом янтарного пчелиного меда. Старый Султан зачерпнул полную ложку и протянул Марин.

— Пусть твоя жизнь в доме моего сына будет такой же сладкой, дочка, как этот мед, — торжественно сказал он. — Пусть ничто не омрачит вашего счастья, и пусть ваш совместный жизненный путь будет долгим и радостным.

Тут подруга невесты откинула с ее лица шелковый платок — разрешила Султану попотчевать Марин. Едва та, по обычаю, пригубила мед, как раздалось громовое «ура!» Кто-то не выдержал и, взобравшись на крышу, пальнул в небо из обоих стволов охотничьего ружья — так с давних времен принято извещать аул о том, что невеста переступила порог жениховой сакли и что свадьба начинается.

В одном только пришлось отступить от обычаев: вместо положенных трех дней решено было сыграть свадьбу за один: времени у жениха было в обрез... Весь аул — от мальчишек до седовласых стариков — пригласил Султан на свадебный пир.

А еще через день Байдук с женой собрались в дальнюю дорогу. Зухра стояла у председательского «газика»,

в который усадили молодых, и то и дело подносила к глазам кончик шали. На прощанье она прижала к груди повзрослевшую за эти два дня дочь, обняла и Байдука.

— Береги ее, сынок, — только и смогла сказать Зухра сквозь слезы.

— Будьте счастливы, дети мои! Не забывайте родительское гнездо, — повторял Султан и долго тряс руки молодым. — Ну и нас, стариков, конечно, — и отворачивался, чтобы скрыть предательски повлажневшие вдруг глаза.

...Тихо стало в доме после отъезда Байдука и Марин, после свадебного веселья. Пусто. Султан пробовал взяться за работу, но сердце не лежало ни к какому делу. Он заходил в мастерскую, зажигал свет, садился на доски. Здесь пахло опилками, свежеструганой сосной. Старик обводил задумчивыми глазами мастерскую, брал с полки фигурку Тамары, долго смотрел на нее. Раз даже почудилось, что она чуть-чуть по-детски улыбается ему, открыто, как она улыбалась в далекой юности. Султан встряхнул головой, чтобы отогнать наваждение, и вышел из мастерской. Душа просила какой-то работы, но какой? Он поднялся наверх, оделся потеплее, закинул за плечо ружье. В лес надо сходить, вот что. Давно уже там не был. А ноги сами вынесли его на нижнюю тропу.

Совсем недавно Султан узнал, что, пока он жил в городе, колхоз посадил на горельнике молодые деревца. Пришли машины с саженцами, ученые-лесоводы провели митинг, и за воскресенье на одном из обгоревших склонов появилась целая рощица.

Султан с отрадой вдыхал запах прелого листа. Все эти дни стояло тепло, и, как это бывает в начале зимы, снег сошел, обнажив бурую траву, палый лист, ржавые перья папоротника. Даже в такую пору, когда деревца стоят голые и ветер не шелестит листвой, для старого Султана не было ничего лучше, как усесться где-нибудь на теплом пригорке. Он любил вот так, в одиночестве, наблюдать жизнь в лесу.

Вот выскочил из-под куста рыжегрудый перепел. Откуда он здесь взялся? Почему не улетел? Перепел не замечал старика. Сливаясь с пожухлой прошлогодней листвой, он, вытянув шею, смотрел куда-то в сторону. Вскоре до старика донесся тяжелый хруст. Султан по-

правил папаху, и перепел тотчас бесследно исчез в кустарнике.

Вдали, в самом начале посадки, паслись три коровы. Они шумно ломились через слабенькие насаждения, выскивая, видимо, остатки травы. Старик поднялся и пошел поближе.

— За каким лешим принесло вас именно сюда, — замахнулся он. Коровы косили на него глазом, шумно выдыхали воздух через мокрые ноздри и снова тянулись к траве. — Для вас, что ли, дурех таких, сажали! — закричал старик.

Кое-как отогнав коров, он присел на корточки. Одни саженцы были напрочь раздавлены тяжелыми копытами, другие еще можно было оживить.

— Найти бы вашего хозяина да ткнуть его носом! — никак не мог успокоиться Султан.

— Ты кого это костеришь, сосед? — раздался за спиной знакомый голос.

Старик с трудом разогнулся. На склоне стоял с недовольной миной Дауд.

— Твои, поди, коровы? — спросил Султан неодобрительно.

— Мои, — с вызовом ответил сосед. — А что, теперь даже и в лесу пасти нельзя?

— Разве ты не видишь, что они натворили, коровы твои?!

— Опять я тебе не хорош! — завизжал Дауд. — В прошлом году у жены топор отобрал. Осенью из моего теса рамы колхозу сделал. А теперь вот, видите ли, коровы мои не нравятся!

Но старик был невозмутим. Дождавшись, когда Дауд сделает паузу, чтобы передохнуть, он спокойно заметил:

— Ты бы жил без плутовства, как другие люди живут, и никто бы тебе поперек дороги не вставал...

— «Ты бы, ты бы!» — передразнил Дауд. — На себя лучше посмотри! Что ты везде свой нос суешь? Сидел бы себе у очага да шептал бы молитвы до самого смертного часа!

— Ты меня не учи, что мне делать! — вспылил старик. — А то как бы мне не пришлось молиться за спасение твоей души. Скажи лучше, почему ты все время стараешься урвать кусок пожирней, а? Чем ты лучше других у нас в Эмильте?

— Не был бы ты старик... — с угрозой сказал 103

вконец обозленный Дауд. — Я, видите ли, хочу кусок пожирней урвать, а его Эльдар, проходимец...

— А ну давай проваливай отсюда, — взъярился Султан, поднимая ружье. — Давай, давай, пока я из тебя шумовку не сделал!

Дауд побледнел.

— Ты что, старый, сдурел совсем? — взвизгнул он, пятясь назад. — Вот увидишь, придется тебе отвечать! — он не выдержал и кинулся бежать в сторону старого леса.

Когда и сосед, и его коровы скрылись из виду, Султан обессиленно опустился на пригорок, вытер взмокший лоб папай. А не истину ли изрек этот мерзавец? Вот до чего он дожил — каждая мразь может упрекнуть его сыном! И верно: не ради ли жирного куска забыл Эльдар отца родного? Разве его карьера по службе, его «наука», в которой он так ничего и не открыл, не ради жирного куска?

И так сердцу нет покоя, а тут еще и этот болван посыпал раны солью... Старик даже застонал от отчаяния и боли.

11

Он никому ни словом не обмолвился об этом своем разговоре с Даудом и даже не помышлял о мщении, хотя сердце его жгла обида. Спасение себе он находил только в мастерской. На его счастье, он был все же не одинок: Абдул, тот самый молчаливый Абдул, который когда-то подпирал стенку в правлении, которого он, можно сказать, насильно привел к себе в мастерскую, снова стал ходить к нему, перенимая хитрости его мастерства.

Керим давно уже уехал в город на подготовительные курсы, а этот молчун Абдул, радуя старика и терзая сердце родителей, сказал, что хочет стать колхозным столяром. В душе он, конечно, мечтал стать не просто столяром, а мастером-художником, как и дядя Султан. Абдул, как зачарованный, следил за работой старика. А с каким удовольствием, с какой охотой он делал все, что поручал ему строгий наставник!

Он и по улицам-то теперь ходил не так, как прежде. Как интересно ему было смотреть на балконы, на террасы, которые вырезал эмильтинцам дядя Сул-

тан. Он готов был часами стоять у какой-нибудь балясинки, проводить по ней рукой, запоминая все извивы и зарезы. И вот что больше всего поражало парня: во всем ауле не было двух похожих балконов или перил на террасах! Особенно же изумляла его последняя работа учителя — ворота у дома доктора Шах-Абаса. Это была арка, причем арка необычная: словно рога горного тура сходились ее концы, изукрашенные бегущим сверху вниз орнаментом.

Султан был горд: наконец-то у него появился последователь, о котором он мечтал, его ученик! И он, ничего не скрывая, рассказал Абдулу о приемах мастерства, о норове каждой породы дерева. «Да, да! Дерево похоже на живое существо», — внушал он парню, объясняя, как лучше открыть красоту материала.

— Вот, например, — показывал он, — наша горная сосна. Видишь, как переливается после фуганка? Точно перламутр какой-нибудь. А ведь никогда и не подумаешь, что у нее, у корявой, внутри такая красота! Дерево нужно уметь понять, как и человека. Пока не поймешь, никакого ладу не будет. Вот так-то, сынок!

Видно было, что и говорить Султану теперь трудно. Он задыхался, тяжело переживал удушье, то и дело смахивал со лба горошины пота.

— Вот ведь незадача! — говорил он, замечая сочувственный взгляд Абдула. — Чем ближе к пределу, тем быстрее исчезают силы. Даже год назад я был еще хоть куда, а теперь... В мыслях и то бы сделал, и за это бы взялся, а силы уж не те, да и глаз что-то подводит...

Он поручал Абдулу работу, а сам садился на доски, отдыхал, подавал советы. Но едва старику становилось лучше, как он властно отстранял помощника и становился к верстаку сам.

— Главное, — взбадривался он тогда, — чтобы в сердце до последнего дня не умирала любовь к жизни. Когда она живет в душе, смерть боится даже подходить к тебе! Верно, верно говорю, сынок, не смотри на меня с таким сомнением. Надо быть жадным к жизни, к работе, все хотеть, все попробовать. А если у тебя не будет дела, которым жила бы твоя душа, ты пропадешь, верно говорю, пропадешь! Будешь думать: то не хочу, это не хочу, будешь заставлять себя жить из-под палки, тогда и работы не будет, и

сердце коптить начнет. А в сердце человека должен гореть яркий огонь, прямо-таки полыхать, чтобы все трудности отступали перед тобой в страхе! Понял? Они пусть тебя боятся, а не ты их! — Старик внимательно посмотрел на зачарованно слушавшего его Абдула. — Да не гляди ты на меня так. Я, к сожалению, не всегда жил как говорю... Но я подумал: будет у меня сын, и я научу его быть таким, каким стремился стать сам. Научу большому, потому что я не мог получить образования, а он его получит. Большая надежда была у меня на старшего, на Эльдара. Я делал все, что в моих силах, а не только читал наставления. Я хлопотал о его учебе, помогал ему, когда он жил в городе, помогал, как я думал, идти к той большой цели, которую он поставил перед собой, идти, как я и мечтал, честно, без усталости, не боясь трудностей. Я думал, что у него горячее сердце, но ошибся! Он легко забыл все высокие понятия ради собственного благополучия. А я думал: он будет образованный, будет лучше меня... Видишь, значит, не всем наука идет на пользу! Сильных она делает сильнее, а тех, кто слаб душой, трусливыми и изворотливыми.

Абдул с жадностью слушал старика. Конечно, он не все понимал, не на все хватало его маленького житейского опыта, но он прекрасно умел оценить то доверие, которое оказывал ему этот старый мудрец: ведь он, Абдул, быть может, был единственным человеком, перед которым Султан мог открыть свое сердце. Другой бы счел старика выжившим из ума чудаком — так чернить своего сына в глазах чужого человека! Но Абдул видел, с каким трудом рвутся эти наболевшие слова из самой души наставника...

Как-то в мастерскую в разгар урока зашел отец Абдула, школьный учитель Запир. Хмуро поздоровавшись со стариком, посмотрел на сына.

— Значит, ты опять здесь? — угрюмо сказал он парню. Тот смущенно стряхивал стружку со штанов.

— Случилось что-нибудь, Запир? — спокойно спросил Султан.

— И ты еще спрашиваешь! — укоризненно бросил Запир. Он снова обернулся к сыну и строго приказал: — Марш домой! Там у меня с тобой будет мужской разговор.

106 — Если ты насчет того, чтобы я поехал поступать

в институт, то это зря! — решительно ответил парень. — Сказал, что никуда не поеду, значит, не поеду!

Султан удивленно взглянул на своего помощника.

— Абдул, сынок! Разве можно так разговаривать с отцом?

— А что он заладил: институт, институт! Не нужен мне его институт! — со слезами на глазах бросил Абдул и выбежал из мастерской.

— Вот видишь, — с укором сказал Запир, — это все твое влияние, Султан-даци, — и добавил с горечью: — Был такой тихий, послушный мальчик, а теперь вот — видишь... Просто не узнаю сына.

— Может быть, тебе бы надо постараться его понять, Запир? Может, мальчик в чем-то и не так неправ, как тебе кажется?..

— Его понять? А меня не надо понимать? Я — отец, толкую ему: без специальности, без образования теперь нельзя, пропадешь. А он об институте и слышать не хочет!

— Это хорошо, — ухмыльнулся в усы старик и кашлянул по привычке в кулак.

— Что хорошо?! — вспыхнул Запир. — Что он останется неучем?

— Да нет, я не о том, — улыбнулся старик горячности учителя. — Я говорю, хорошо, что бунтовать парень начал. А то, бывает, нам всем кажется, что раз тихий, покорный — значит, примерный. А чем эта покорность потом оборачивается в жизни, разве ты сам не знаешь? Может, ты не видел среди своих бывших учеников ни одного со сломанной судьбой? Или не видел, как твои ученики, стыдливо опустив глаза, проходят мимо безобразий?

— Ах, господи! Да это все понятно, не надо мне этого объяснять! Я прошу тебя об одном: он тебя слушает, скажи ему, ради аллаха, чтобы он поехал учиться. Я тебя умоляю, Султан!

— Сказать-то я скажу, — старик задумчиво почесал бороду. — Но как быть, если душа его лежит совсем к другому?

— К этим доскам, что ли, она у него лежит?! — Запир пренебрежительно пнул ногой кучку теса.

— А хотя бы и к ним, — посерьезнел старик. — У него есть хватка и желание есть. Хороший мастер из парня получится, это я тебе могу точно сказать.

— А! — безнадежно махнул рукой Запир, что, мол, разговаривать-то с чудаком...

Султан исподлобья посмотрел на него.

— Между прочим, почтенный Запир, балкон твоего дома, что достался тебе от отца по наследству, делал самый обыкновенный столяр. А люди и теперь любуются им! — удивляясь чему-то, старик покрутил головой. — Странное дело! Человек ест хлеб, пьет молоко, носит одежду. И в то же время считает, что тех, кто делает все эти необходимые ему вещи, можно отчего-то презирать, считать ниже себя.

— Философ ты, Султан, — насупился Запир. — А у меня сын...

— Вот видишь, какой у нас с тобой разговор, — невесело заметил Султан. — Как нечего стало отвечать, ты мне сразу кличку приклеил.

— Да что ты, — забеспокоился учитель, испугавшись, как бы и в самом деле не обидеть старика, — философ — это хорошее слово, не ругательное.

— Ну ладно, коли так, — буркнул старик. Разговор оставил в душе тягостный осадок. Правда, Султан был уверен, что в любом случае столярное дело принесет пользу его ученику. Пусть отец мальчика, наконец, знает, что сын его — не прежний послушный молчун, с которым можно делать все, что пожелаешь.

Однако после этого визита Абдул надолго пропал. Старик с грустью думал о том, что не успел довести начатое до конца — воля отца оказалась сильнее... Обидно было и то, что не с кем стало теперь разговаривать; Султан скучал о парне, как о родном сыне.

Он ни с кем не делился новым своим горем, но как-то из разговора с Зухрой, сватьей, узнал, что Абдул болен. Старик воспрянул духом, совсем было собрался пойти проведать ученика, но вдруг и сам почувствовал себя так скверно, что слег и уже не мог самостоятельно вставать с постели. Сильнее, чем до поездки в город, ныла поясница, боль крутила суставы, не спадал жар. Обеспокоенная всем этим Зухра, видя, что Шах-Абас заходит к нему не только утром, но и вечером, побежала на почту и, не долго думая, дала всем трем сыновьям старика телеграммы, что отец безнадежен.

Султан, видно, и сам понимал, что на этот раз дело его совсем плохо. И однажды попросил Зухру при-

вести к нему председателя Шапи. Испуганная сватья опрометью кинулась выполнять поручение.

— Вот что, Шапи, — сказал старик, когда тот склонился у его изголовья, — не хочу я уходить с грехом на душе...

— Ну-ну, — успокаивающе пожал ему руку Шапи, — рано тебе прощаться. Ты еще джигит хоть куда!

— Подожди, — остановил его старик, задыхаясь. — Не перебивай.

Шапи печально кивнул головой в знак того, что понял.

— Не хочу я, чтобы такой пакостный человечиска, как Дауд, плевал вслед... когда меня понесут на кладбище, — голос Султана то и дело прерывался, грудь опускалась с тяжелым всхлипом. — Те рамы, что я тебе оссню отдал, для фермы... они из его материала. Он брусья принес... Платить ему ничего не нужно, но сделай, прошу тебя, так, чтобы ему через колхоз выписали лесу... У него ведь детишки. А они чем виноваты, что у них такой непутевый отец...

Султан помолчал, укладывая голову поудобнее на подушке.

— И потом, если тебе не трудно... Позаботься о моем надгробии, ладно? А то сыновья мои далеко, когда-то они еще узнают, когда приедут... Деньги у меня есть, об этом ты не беспокойся...

— Что ты говоришь, Султан, — глотая подкатившийся к горлу комок, пробормотал Шапи. — О чем речь, какие похороны, какое надгробие? Да если, храни тебя аллах, и случится худшее, колхоз тебе памятник поставит! Только зачем об этом говорить, а?

— Нет, сделай, пожалуйста, как я прошу, — подняв свою натруженную руку, остановил его Султан. — Мне чужого добра не надо. И еще одно... Давай прямо сейчас напишем завещание...

Шапи пожал плечами, но делать было нечего, и он подчинился. Султан говорил чуть сбивчиво, но все же не пропустил ни одной мелочи, ни одной подробности; чувствовалось, что он уже давно все обдумал. Шапи добросовестно записывал его сбивчивую речь. Закончив, он вопросительно посмотрел на Султана, что, мол, еще? Но, видно, завещание опять у него последние силы — старик забылся глубоким сном.

Проснулся Султан только под вечер. Он лежал в

своим старым домом совсем один, наедине со своей болью, со своими нелегкими думами. Он сразу вспомнил, чем занимался днем, и подумал, что вызвал Шапи вовремя. Еще он думал о том, что, видно, для всякого человека, как для него сейчас, наступает такой миг, когда он должен до конца быть откровенным перед самим собой и когда весь мир начинает видеться ему совсем не так, как прочим смертным. Да, совсем другим становится человек перед лицом вечного покоя!

Султан вдруг живо вообразил собственные похороны. Хоронить его, конечно, будут так, как хоронили горцев и сто, и двести, и пятьсот лет назад... Вот по аулу разнеслась весть о смерти. В дом покойного идут и идут люди оказать последнее уважение человеку, попрощаться с ним. Друзья и родичи заботятся о поминках — перед последней своей дорогой горец должен в последний раз угостить соплеменников... Из мечети принесут огромные котлы, в которых будет вариться мясо, в колхозной пекарне напекут на весь аул чурек. Потом в его доме соберутся все аульские мужчины, женщины и дети. Мужчины в скорбном молчании сядут за длинные трапезные столы и, поминая ушедшего из жизни доброго человека, преломят хлебы, пожелав душе его вечного покоя.

А женщины в это время будут оплакивать его. Чем уважаемее человек, тем громче, сильнее, неистовее вопли... «Интересно, как будут плакать по мне? — усмехнувшись, подумал старик. — Вот взглянуть бы хоть одним глазком, хоть краешком уха послушать».

Молодые парни достанут из кладбищенской хижинки кирки, ломы, лопаты и начнут долбить яму, глубокую, в рост человека. И там, в этой яме, сделают нишу — место вечного его упокоения.

Потом мужчины, все так же строго соблюдая обычай предков, опустят его в землю, а в изголовье воздвигнут надгробный камень, аульский мастер высечет на этом камне мудрые слова: «Путник, остановись! Поклонись доброму предку, ибо он тоже был среди нас и любил людей». А внизу — год рождения и год смерти... Целую неделю потом земляки будут собираться в его доме и вспоминать его добрым словом... «Интересно, успеют ли на похороны дети, увидят ли мое лицо в последний раз?.. Ты что это, старый хрыч! —

спохватился вдруг Султан. — Ишь, размечтался! Кто зовет смерть, тот уже покойник. И что это на тебя нашло! — ругал он себя за минутную слабость. Но тело по-прежнему было словно чужим, больным и слабым. И, откинувшись на подушке, Султан беспомощно опустил веки.

С каждым днем ему становилось все хуже и хуже. Одно утешало — по телеграмме прилетели Байдук и Марин, привезли с собой внучку Асият. Сквозь пелену, застилавшую глаза, старик долго смотрел на детей, потом попросил:

— Вынесите меня на террасу.

Приподнялся с помощью Байдука, обвел тоскующим взглядом свой лес, прекрасные, как и прежде, горы, снова взглянул на родные лица и, собрав последние силы, прошептал:

— Не забывайте родное гнездо, дети...

Хоронили его всем аулом, с почестями, каких удостоивают только настоящих, больших людей. В тот день, когда на могиле Султана устанавливали надгробие, высеченное эмильтинским каменотесом по заказу Байдука, приехал Эльдар. Он был не один, с Нажабат. Сразу же от порога она начала громко стонать, причитать с душераздирающими воплями и, рыдая, кинулась в объятия женщин, которые находились в комнате.

Асият, вытянувшаяся за это время, похудевшая, рванулась к отцу, прижалась к нему и ни за что не хотела разжать рук.

— Папа, папочка, — всхлипывала она. — Я хочу домой, к маме, к тебе хочу...

У Эльдара ком встал в горле, когда увидел он, как изменилась Асият, увидел неумелый пробор в ее волосах. «Сама причесывается, не дается Марин... Вот что делает время... Большая стала, скоро девушка уже...» Беспомощными глазами поискал Нажабат. Но чем молодая жена могла помочь ему? Потерянная, бледная, она сама сейчас была как маленькая девочка, сама готова была вновь разреветься и уткнуться ему в грудь...

— Ну не плачь, не плачь, — бормотал Эльдар, ощущая, как вздрагивают под его руками плечики Асият, 111

и сердце его сжималось от любви и жалости к дочери. — Я же приехал, — бездумно шептал он ей на ухо, — и все у нас будет хорошо, все будет хорошо...

Он так и не решился сейчас объяснить дочери, что даже если и возьмет ее с собой, Асият будет жить без матери, что у нее теперь мачеха, которая, кажется, годится ей в подружки...

Эльдар, словно стараясь быть незаметным, уходил на могилу отца и подолгу сидел там, думая какую-то безысходную думу, глядя на покрытые снегом родные горы. Как их суровая простота напоминала ему отца! Он даже и представить себе не мог, что таким тяжелым камнем ляжет на сердце эта смерть. К нему подходили выразить соболезнования, утешить — ведь он же старший сын, старший теперь в роду, а сердце по-прежнему сжимала та же черная тоска. Он благодарен был всем этим людям — они понимали его горе, и в то же время он знал: если бы не то уважение, которое питали к отцу люди, неизвестно, как встретили бы его здесь...

— Вот и все, — сказал Байдук, когда кончилась траурная неделя. — Был отец — и нет его. Как просто — жил, делал добро людям, и вот его нет.

— Люди запомнят его, Байдук, — тихо сказала Марин. — Наверно, во всем ауле нет дома, где бы не осталась память о нем. Сколько красивых балконов, рам, дверей он сделал! Люди любили его и будут еще не раз вспоминать и говорить о нем... Он будет жить в людской памяти.

— Да, мастер он был прекрасный, — непривычно робко, все еще стесняясь своей новой родни, поддакнула Нажабат. — Суровый был старик, строгий. Ох, как я боялась его! Но только теперь, когда он ушел от нас, понимаешь, какой это был удивительный человек... — Она смело подняла свои лучистые глаза, словно пытаясь рассказать, что случилось с ней в последние месяцы, объяснить, как всей душой полюбила она несчастного — да-да несчастного! — Эльдара; она словно умоляла сейчас всех понять ее, понять и простить...

Смерть отца что-то перевернула и в Эльдаре, и сейчас, в ауле, он, глядя на себя суровыми глазами Султана, был беспощаден к самому себе, к своей жизни. Его жизнь! Все, к чему он стремился, перед этим отцовским взглядом не имело никакой цены. Его служеб-

ное кресло? Что ему оно, если служба эта сушит душу, если она ни уму, ни сердцу?.. Друзья? Давно бы уж мог понять, что нет у него настоящих друзей — так, приятели: за столом посидеть, «достать» того-сего... Теперь у него есть Нажабат... Ну что ж, проживем, увидим. А что, если отцову смерть ускорила вся эта история с его новой женитьбой?.. Ах, как поздно мы все понимаем, тогда только, когда уже ничего нельзя изменить! И как он еще смел пренебрежительно думать об отце, считать в душе, что старик прозябает, живет низкими интересами... Отец незаметно, спокойно творил добро, не требуя за это никакой благодарности, а что сделал людям он, его сын?! Итог был страшен...

Днем, когда вещи в дорогу были уложены, зашел Шапи.

— Пока вы все здесь, хочу огласить завещание, — он вытащил из кармана сложенный вчетверо листок бумаги. — Султан-даци диктовал мне его незадолго перед смертью. Вот, видите, здесь есть и подпись нотариуса и печать — все как полагается.

Шапи читал медленно, торжественно, самое важное повторяя дважды:

«Дом свой завещаю сыновьям. Все мои сбережения, в сумме четырнадцать тысяч пятьсот двадцать рублей, разделить на три части, поровну. Одну часть завещаю Байдуку, вторую часть — внучке моей от старшего сына Асият, третью — на ремонт дороги от райцентра до нашего аула, чтобы сыновья мои не забывали дорогу в родную Эмильту и сами ухаживали бы за своими грушами. Фигурку девушки, вырезанную из горной сосны, пусть хранит мой сын Байдук. Станок же, все свои инструменты и материал я завещаю Абдулу, сыну школьного учителя Запира, пусть овладевает он радующим людей мастерством столяра, пусть украшает родной аул...»

Торжественное молчание опустилось на дом старого мастера, и ни у кого из детей его, оставленной им для жизни поросли, не находилось в сердце такого слова, которое имело бы право это молчание нарушить. О чем-то простом и великом думали дети старого Султана в эти мгновения... Лицо Эльдара исказилось вдруг тяжелой мукой, и Нажабат, не в силах сдержать свой порыв, неслышно подошла к нему и нежно опустила руки на его обмякшие плечи.

Эльдар благодарно коснулся ее руки, но не повернулся к жене, все таким же остановившимся взглядом смотрел в окно. Морщины на его лице стали резче, будто их процарапали резцом, скулы окаменели.

«Клянусь тебе, отец, — шептал он чуть слышно, — моя груша — не засохнет! Я буду достоин тебя и твоей памяти. Клянусь тебе! Клянусь...»

Оглянись в пути

Повесть

1

Давно уже Рамазан не чувствовал такой раскрепощенной легкости во всем теле. Он шел к себе в правление, радуясь и солнечному утреннему небу, и привычному виду родных гор, и людям, которых встречал в этот ранний час. Здороваясь, охотно останавливаясь поговорить, перекинуться шуткой, он весело думал о том, что сделает сегодня что-то важное для своего колхоза, для жизни всего аула — просто был уверен, что сделает что-то особенное и сделает непременно.

Рамазан любил думать вот так, по дороге: ему виделось будущее родного края, и он считал себя тоже ответственным за судьбу своего народа. Поэтому нередко на правлении он выступал с каким-нибудь неожиданным предложением.

Мысли его всегда вызывали одобрение. Правда, кое-кто считает, что он подмял правление под себя, но сам Рамазан думает об этом иначе: просто он за долгие годы председательства научился понимать людей, научился работать с ними...

Он поздоровался с собравшимися во дворе правления и, заметив сидящего на корточках шофера, остановился около него.

— Ну как, Гимбат, привез ты слабых овец из отары, а? Как там в горах наши чабаны?

Гимбат нехотя встал и, переминаясь с ноги на ногу, уставился в землю.

— Ну, что молчишь? — поднял брови председатель. — Язык проглотил, что ли?

— Понимаешь, председатель... Я поехал по той дороге, по которой ты сказал...

— Ну, ну! — торопил его Рамазан.

— Ну вот. Поехал, ни овец, ни чабанов там не было...

Гимбат хотел еще что-то сказать, но стоявший рядом хромой сторож Даниял его опередил:

— Овец не нашел и решил прокатить с ветерком всех аульских ослов!

Раздался хохот. Рамазан недовольно обернулся.

— В чем дело, Гимбат? — холодно спросил он. — Почему, куда тебя ни пошли, из всего ты устраиваешь балаган, а? — Рамазан, чувствуя, скажи он сейчас одно неверное слово — и смеяться будут уже над ним, повысил голос: — Ну, что ты молчишь?! Отвечай!

За долгие годы Рамазан привык, что распоряжения его выполняются безоговорочно. Поэтому, встречая даже мало-мальское сопротивление, он мгновенно взрывался. Возможно, дело тут было еще и в том, что годы не щадили председателя колхоза, а он не щадил свои нервы, но в последнее время он нередко бывал жестким, отчитывал людей беспощадно, не очень-то выбирая выражения.

— Ты взрослый, уже женатый человек, — распалялся Рамазан, — если тебя вообще можно назвать человеком. О чем ты только думаешь, когда выходишь на работу? Или, может, тебе нечем думать? Тогда я помогу... — председатель осекся, понимая, что хватил через край, и уже мягче, как бы оправдываясь за свою вспышку, добавил: — То он, понимаешь, старому Алдуху житья не дает, то теперь с какими-то ишаками связался, вместо того чтобы привезти больных овец...

Рамазан не мог не улыбнуться про себя, когда вспомнил, как этот рохля Гимбат провел старого Алдуха.

А дело было так. Утром по дороге в правление председатель увидел этого сухонького старика, когда тот неподвижно стоял подле Гимбатова грузовика с каким-то проводом в руках.

— Ты что здесь делаешь, Алдух-даци? — удивился Рамазан.

— Вот видишь, шел к тебе, председатель, по делу, да Гимбат задержал на минуту — попросил помочь ему.

— А где же он сам-то? — поинтересовался председатель, видя, что в машине никого нет.

— Там, — махнул рукой старик, не выпуская провода, тянувшегося в кабину. — Под машиной ковыряется.

Рамазан нагнулся. Под машиной, конечно, никого не было.

— Брось этот провод! — решительно сказал он Ал.

духу. — Брось и давай рассказывай, какое у тебя ко мне дело.

Старик посмотрел испуганно.

— Нет, нет, что ты, председатель! — залепетал Алдух. — Не хочу на старости лет брать грех на душу!

— Брось, я тебе говорю! — прикрикнул Рамазан, разозленный этой насмешкой над доверчивым стариком.

— Нет, нет, что ты, председатель! — залепетал Алдух. — Не хочу на старости лет брать грех на душу!

— О аллах! — не выдержал председатель и вырвал провод из узловатой старческой руки. — Твоего Гимбата здесь давно и в помине нет!

Алдух боязливо косился на машину, удивляясь, почему она не падает. Потом почесал седенькую бородку и посмотрел на Рамазана выцветшими доверчивыми глазами.

— А Гимбат сказал, что упадет...

Сейчас Рамазан все-таки не удержался и улыбнулся, вспомнив этот случай.

— Ну не нашел я овец, не нашел! — начал оправдываться Гимбат, заметив эту улыбку и расценив ее по-своему. — А чтобы порожняком машину не гонять, собрал ишаков, которые там паслись, и привез в аул. Все равно ведь хозяевам пришлось бы идти за ними, верно?

Председатель, погасив улыбку, смерил его колючим взглядом и повернулся к Даниялу.

— Зайди в контору, ты мне нужен, — и, не задерживаясь больше, пошел в правление.

Гимбат, радостный оттого, что туча пронеслась, крикнул ему вслед:

— А плату за амортизацию можно с ишаков взыскать! То есть не с ишаков, а с их хозяев!

«Вот ведь паршивец! — подумал Рамазан. — Обрадовался, что все обошлось — и сразу за свои дурацкие шуточки! А ведь попробуй пошли его специально за этими ишаками — сто причин найдет, чтобы не поехать».

В прокуренной комнате, высокопарно именовавшейся «кабинетом председателя», сидели агроном, зоотехник, бригадиры: здесь также слонялось несколько человек, у которых нашлось к нему дело.

— Вы знаете, что наш скромнейший Назар, пастух 117

личного скота, пристрелил вчера матерого волка? — огорошил всех с порога Рамазан.

— Назар? — переспросил агроном, который уже было надел шляпу и собирался уходить. — Подслеповатый и глухой старикан?! Да ни за что не поверю!

— Вот видишь, — усмехнулся Рамазан, — ты не веришь, а факт, как говорится, налицо. Лучше надо о людях думать, дорогой товарищ, — потрепал он агронома по плечу, подходя к столу.

Рамазан сел на свое рабочее место, повертел в руках коробок спичек, с интересом наблюдая за присутствующими, пока они, перебивая друг друга, горячо обсуждали случай с волком.

— Да, иногда жизнь нам делает сюрпризы, — весело сказал Рамазан. Потом попросил тишины и уже негромко добавил: — Я думаю, возражений не будет, если мы премируем нашего Назара телятником, а?

С крыльца донесся скрип половиц.

— Не помешаю? — спросил еле поспевающий за собственной тросточкой старичок. Это был один из самых уважаемых в ауле людей по имени Закир.

— Нет-нет, заходи, Закир-даци, — приветствовал его Рамазан и вновь обратился к присутствующим: — Так как же решим, товарищи?

— Наверное, надо... — несмело бросил агроном, которому очень хотелось угадать, не шутит ли председатель. — Наградить человека надо, но телятником... Не слишком ли?

— О чем спорите, любезные? — любопытствовал Закир, присаживаясь на краешек стула, который подал ему один из бригадиров.

— Никакого спора нет, — усмехнулся Рамазан. — Вот решаем, надо ли премировать пастуха.

— Надо, обязательно надо! — уверенно потряс бородкой Закир. — Для его-то лет, с его здоровьем... Да он, можно сказать, поступил как настоящий герой!

— Ну ладно, — властно бросил Рамазан, — решили, стало быть? В таком случае все свободны. Принимать никого сейчас не буду — есть срочное дело.

Все вышли на улицу. Хотел под шумок исчезнуть и Даниял, но Рамазан вовремя заметил это.

— Останься, Даниял! Ты мне нужен.

— Как скажешь, председатель... — он покорно привалился к косяку.

118 — Ну-с, — сказал Рамазан, открывая окно, чтобы

хоть немного проветрить комнату, — я слушаю тебя, Закир-даци.

— Я не спешу, не спешу, — повозил по полу ногами старик. — Ты кончай свои дела, а я потом, я подожду...

— Ну ладно, — согласно кивнул председатель и откинулся в кресле. — Ответь теперь мне ты, дорогой Даниял! Ты что охраняешь? Колхозный гараж или?..

— Гараж, конечно, уважаемый председатель, — угодливо забормотал тот.

— Ты сторож или кто? — сурово спросил Рамазан. — Куда делись новые запчасти? Или у тебя их украли, пока ты на ферму бегал? Шестой десяток разменял, а сам все как сопливый мальчишка!

— Зачем обижаешь, председатель, — надулся Даниял. — За что?..

Вот тут уж Рамазан не выдержал, стукнул кулаком по столу и, все более распаляясь, возмущенно крикнул:

— За что?! И ты еще уточнять будешь! Он каждую ночь бросает гараж и бежит на ферму к своей Хаписат, а меня спрашивает «за что»! Я ведь тебя не юбку стеречь поставил!

— Для старого человека женская ласка — самое лучшее лекарство, — с жалким самодовольством сказал вдруг Даниял.

— Так, может, лучше будет, если тебя тоже на ферму определить, а? — насмешливо спросил председатель. Даниял растерянно мял в руках свою вытершуюся папаху, а Рамазан гремел над ухом. — Так как?! Пойдешь коров за сиськи дергать? Там ведь женщин много!

— Э-э... Рамазан, — попробовал было остановить председателя молчавший до сих пор Закир.

— Подожди, — отмахнулся председатель. — На любовь, видите ли, его потянуло, старую кочерыжку! Чтобы и духу твоего больше на ферме не было, понял? И учти... — Рамазан грозно потряс у него под носом пальцем.

— Понял, председатель, понял, — пятась к двери, бормотал Даниял.

— Шагай, — повелительно бросил ему вслед председатель, — и без твоих амуров дел хватает...

Он обернулся к Закиру и увидел на его лице чувство смущенной неловкости. «Переживает, что круто го-

ворю с человеком. А ведь он, Даниял, пожалуй, года на два постарше меня. Ну, да ничего, зато гараж цел будет!»

— Вах, вах, — задумчиво произнес старец, когда дверь за Даниялом захлопнулась. — Не знаю, прав ли ты, но гнев твой подобен падающей с гор лавине.

Закир говорил так тихо, что слова его казались еле слышным шелестом. Старик, рассматривая узоры своей трости, будто удивляясь тонкости собственной работы, добавил: — У одного чудака украли уздечку. Так что ты думаешь — он кинулся лупить осла, словно бедное животное было виновато в пропаже! Точно так же и ты, Рамазан.

Старик явно осуждал председателя.

Рамазан исподлобья, как всегда, когда на него накатывало раздражение, покосился на своего собеседника, хотел было оборвать его, но удержался: все-таки перед ним сидел один из самых уважаемых в ауле людей. Рамазан только жадно глотнул воздух, успокаивая себя.

— Ты прости меня, старого, — Закир посмотрел на него мудрым, все понимающим взглядом, — может, я, конечно, не в свое дело лезу... Но ведь не думаешь же ты, что Даниял сам украл эти несчастные запчасти.

— Нет, не думаю, — нехотя ответил Рамазан.

Закир снова изучающе посмотрел на председателя. Тот не выдержал его взгляда, прикурил сигарету и долго наблюдал, как подбирается к самым пальцам огонек догорающей спички.

— Но ведь пост свой он все равно бросает, — уже совсем спокойным голосом сказал Рамазан. — Что же ты хочешь, Закир, чтобы я потакал каждому? Чтобы только и думал о том, не обижу ли кого-нибудь? Сам знаешь, так никакого дела не сделаешь...

— Зачем же потакать, — добродушно удивился старик. — Иной раз и наказать надо. Только по заслугам, за дело.

— Не велика птица, этот Даниял, — устало махнул рукой Рамазан, — переживет. Да еще, глядишь, начнет как следует сторожить, а то совсем распустился.

Закир давно знал Рамазана. И вырос тот как руководитель, можно сказать, на его глазах. Но в последнее время старик все чаще тревожился: уж больно легко Рамазан дает теперь волю своим чувствам.

120 Может, это оттого, что он устал за многие годы рабо-

ты на месте председателя колхоза? Все-таки такое большое хозяйство, сколько народу: у одного то, у другого другое, каждого пойми, каждому помоги да еще и душу успокой... Или, может, в семье что-нибудь неладно? Может, он поругался с кем-нибудь в районе? Но зачем же срываться?

— Ничего-то ты не понял, — грустно вздохнул старик и встал.

— Чего это я не понял? — вскинул брови Рамазан.

— Дело не в том, что ты наказал Данияла. Дело в том, как ты это сделал. Ты разве не замечаешь сам, что в последнее время все чаще впадаешь в гнев, а? И в сердцах можешь наговорить человеку все, что угодно — на твоих словах в эти минуты нет узды, они бьют, как плеть. И ты хлещешь налево, направо, забывая о том, что тяжесть поклажи чувствует не тот, кто погоняет, а тот, кто несет.

Рамазан хотел было ответить резко, но увидел слезящиеся старческие глаза, доброе, изборожденное морщинами лицо Закира и подумал, что, конечно же, грех обижать человека, пришедшего помочь тебе. В душу вернулось всегдашнее чувство теплоты к этому старцу, не раз выручавшему его мудрым советом.

— Да ты садись, садись, Закир-даци, — только теперь Рамазан заметил, что старик топчется возле стола, устало опираясь на свой резной посошок. — Садись! Прости меня, если был невнимательным.

— Ты тоже не обижайся на меня, старика, — улыбнулся Закир. — Я ведь шел-то к тебе совсем с другим, с хорошим делом шел, а тут у тебя... Ну и испортилось настроение, — он вытер глаза чистым лоскутком, который всегда носил в кармане, и снова сел на краешек стула. — Есть у меня одна мысль... Давно она греет меня — и сказать про нее боюсь, и промолчать — аллах не простит. Скажешь — высмеют, не скажешь — того и гляди, с собой унесешь.

Старик хитровато усмехнулся и снова принялся разглядывать узоры на посошке.

— Ну давай, давай, Закир, не томи, — не выдержал Рамазан. — Сам знаешь — кто-кто, а уж я-то над тобой смеяться и не подумаю.

Закир опять хитро посмотрел на председателя, посучил ногами, переставил посошок к себе поближе, оперся на него подбородком: видно было — нервничал старик.

— Ну смотри, обещал не смеяться, — еще раз напомнил Закир. — Разговор вот какой. Как ты считаешь, выгодно нам в горах держать коров или нет, а?

Рамазан за долгие годы тоже успел узнать старика: тот задавал вопросы совсем не для того, чтобы ему отвечали, хотя и любил, чтобы ему поддакивали, кивали головой, ахали от удивления, словом, проявляли к его речи самый горячий интерес. И потому председатель, изобразив на лице напряженное внимание, неопределенно махнул рукой: давай, мол, дальше.

Закира это вполне удовлетворило.

— Так вот. Предки наши только овец разводили, верно? Где тут у нас, на склонах, прокормить коров, да еще если это большое стадо? И вот я все хожу и думаю: а что они, предки, хуже нас, что ли, знали, что можно от нашей земли взять, а чего нельзя? Ты уж прости меня, старика, но я так скажу: почему бы нам не передать всех своих коров вниз, на равнину, а все свои пастбища пустить под овцеводство, а? Думаю, тебе понятна моя мысль?

Рамазан кивнул. Он сунул догоревшую сигарету в пепельницу и забарабанил пальцами по столу. Ну и задал задачу старый! Он соображал, как бы ответить так, чтобы не обидеть доброго человека. По существу — Закир, конечно, прав. Но разве это от них зависит — какой скот разводить...

А старик в напряженном ожидании ждал ответа. «Раз пальцы его танцуют, — думал он про себя, — значит, понравилась ему моя мысль...»

— Да-а, — протянул наконец Рамазан, приглаживая волосы. — Трудную, трудную задал мне задачу, прямо скажу.

— А без труда и рыбку не вытащишь, — оживился старик, — и сыт не будешь. Конечно, тут нужна кое-какая смелость. Но, дорогой, разве зря в народе говорится: трусливые мысли всегда бесплодны. Тебе наверняка скажут: мол, вы же держите коров! А ты скажи: что вчера было хорошо, сегодня может оказаться негодным! Понял? Нерешительность надо свою перешагнуть — и все!

Рамазан засмеялся:

— Вот видишь! Говоришь ведь, что вчерашнее нам уж не годится, а сам куда меня толкаешь?

Закир гордо выпрямился, посмотрел на председателя, не понимая, шутит тот или говорит всерьез. Но

увидев, что с лица Рамазана не сходит улыбка, улыбнулся и сам.

— У вчерашнего дня тоже надо уметь брать все хорошее и разумное. Вот смотри сюда, — он откинулся и принялся своим посошком чертить что-то на полу. — Я не мастер всякие там подсчеты производить, но давай прикинем. Сегодня ты пасешь стадо у ручья, завтра — у кривого ореха, послезавтра — у белых камней. Так? Глядишь, на четвертый-пятый день трава у ручья снова подросла. Правильно? Правильно! И подросла она настолько, чтобы можно было снова пригнать туда овец. Овец, заметь, не коров! И выходит, что мы на одном и том же пастбище можем гонять отару все лето! Ты ведь лучше меня знаешь — наши овцы неприхотливы, а доход могут дать большой. Скажу тебе по секрету, я даже советовался кое о чем с нашим экономистом, с Айшой, и она мне сказала, что овец у нас в горах разводить выгоднее. Так чего же мы ждем?..

— Ну хорошо, — прибег к последнему доводу Рамазан. — Пусть и ты прав, и Айша. Но вот отдали мы всех коров на равнину, а с чем же сами остались? Где тогда возьмем для себя молоко, масло, творог, а?

— Э-э, Рамазан, — старик даже привстал со стула, — зачем же так? Давай оставим себе коров ровно столько, сколько надо, чтобы у нас в ауле было и молоко, и масло, и творог, а вместо остальных — пустим овец. Ну как, хорошо придумано?

Рамазан подошел к окну и долго смотрел на вершины гор. Чем больше он размышлял, тем больше нравилась ему эта идея, от которой он сначала хотел отмахнуться. Да, конечно, ему придется выйти с этим предложением в район, а может, даже решать его на уровне республиканского руководства. Но разве не очевидна польза дела, предложенного стариком? И доложить все это в вышестоящих инстанциях как почин, идущий снизу. Его, председателя, идея — это одно. Но когда инициатива исходит от коллектива, от самих тружеников... Да, тут есть над чем подумать!

Закир терпеливо ждал ответа. Очень волновался: ведь если Рамазан сделает так, как он, Закир, говорит, то можно будет самому себе сказать: «Ты, старик, не зря топчешь землю!» Он знал: пусть иногда Рамазан бывает неизвестно отчего крут, груб в какой-то мере, но он настоящий хозяин. Конечно, дело нелегкое: надо ведь не просто пятьдесят коров оставить, а сто от-

дать, надо перестраивать все хозяйство, сложившееся за долгие годы. Но в его душе жила надежда...

Наконец Рамазан снова повернулся к старику:

— Пойдет ли на это наше районное начальство, а? Как ты думаешь?

— А ты-то на что? — искренне удивился Закир. И, словно желая передать свою уверенность в деле, добавил: — Сам знаешь, дорога в тысячи шагов начинается с одного, первого шага. Ты собери правление, обсуди свое, попроси Айшу подсчитать и прикинуть. Да и у тебя самого опыта и знаний на десятерых председателей хватит! А доброму делу, говорят, даже боги помогают.

Довольный тем, как все получилось, Закир встал. Встал и Рамазан, проводил старика до двери.

— Я, конечно, подумаю, все взвешу, посоветуюсь кое с кем, — он крепко пожал Закиру руку. — А за мысль тебе, старая гвардия, большое спасибо!

Глаза старика засветились чистым, по-детски откровенным счастьем.

Едва за ним закрылась дверь, Рамазан в каком-то радостном возбуждении кинулся к столу делать предварительные подсчеты. Ему уже сейчас было видно, какой выгодной и колхозу, и государству окажется предложенная стариком специализация. Ему приятно было вспомнить Закира, его мудрую доброту, сквозившую в каждом жесте, в каждом движении, ту ребячью радость, что вспыхнула в нем...

— Силен дед! — крутил головой Рамазан.

У них с Закиром давно уже установились отношения искренней симпатии: то ли оттого, что Рамазану, рано потерявшему родителей, дорог был его отцовский совет, то ли оттого, что Рамазан был когда-то дружен с Иманали, старшим сыном старика. Вместе с ним уходил на фронт, и обоих их провожал Закир до райцентра... И вот Рамазан вернулся, а Иманали остался там, на поле брани, и никто до сих пор не знает, где он похоронен.

Была у старика заветная мечта: поставить на могиле сына вытесанное собственными руками надгробие. Долго, с любовью делал его. Родные отговаривали: «Как ты найдешь сына, когда в безымянных могилах лежат тысячи парней?..» Но он все же собрался в дорогу, хорошо хоть отговорили везти с собой памятник. У Закира была простая мысль: последнее письмо

от Иманали пришло откуда-то из Прибалтики; он поедет, отыщет то место, где сын сложил голову... «А не найду,— в минуты отчаяния думал старик,— так хоть землю ту посмотрю, где мой дорогой мальчик сражался и пал как герой».

«Да где ж там найдешь», — вздохнув, подумал сейчас Рамазан, в памяти которого вдруг встали и те далекие проводы на фронт, и совсем юный Иманали.

2

Весенний день в горах начинается сразу. Дружно вздымается к светлеющему небу дым над разноцветными крышами, птичий гомон сливается с голосами женщин, выгоняющих скотину, блеют овцы — это мальчишки гонят их кривыми улочками в сторону отары. Потом стадо уходит в горы, и шум мало-помалу стихает. И тут, будто дождавшись своего часа, из-за черного излома гор выплывает солнце. Радостно глядит оно в долину и, кажется, на минутку-другую цепляется за макушку хребта только для того, чтобы полюбоваться аулом. А потом сразу уплывает ввысь, отдавая свою живительную силу лугам и виноградникам, ласково касаясь и без того смуглых лиц горцев.

Озираясь, Наби подкрался к ограде заветного дома, в нетерпении обшарил глазами весь садик. Наконец нашел, кого искал: под яблоней, на скамейке, сидела с книгой дочка председателя. Наби тихонько свистнул. Девушка вздрогнула и быстро обернулась.

— Твои дома, Манарша? — вполголоса спросил парень.

— Заходи! — поманила она рукой. — Мама в магазин пошла, а отец в правлении, сегодня собирался на ферму ехать.

Наби не стал дожидаться повторного приглашения, подтянулся и сильным толчком перенесся через ограду.

— Ну и дурачок,— смеясь следила за ним Манарша, — калитка ведь рядом, зачем ограду ломаешь?

— Вот до чего ты меня довела,— неловко пошутил на ходу парень,— даже ворота перестал замечать.

— Ну да,— подхватила девушка, — через заборы лазишь, а считается, что занимаешься. Может, ты без экзаменов школу кончишь?

— О, а ты, конечно, со вчерашнего вечера так с книжкой и сидишь,— мгновенно откликнулся Наби. —

Я думаю, твоих знаний нам на двоих хватит. Что хоть читаешь-то? — девушка пыталась спрятать книгу за спину, но Наби завладел ею. — Ну и ну! Вместо физики, стало быть, лирику с самого утра изучаешь.

Манарша недовольно вырвала у него книжечку.

— Стараюсь шагать в ногу со временем, дорогой Наби, — отрезала она. — Физики и лирики — помнишь такую полемику в центральной прессе? А мы ведь с тобой современные люди, не так ли?

— Современные! — усаживаясь рядом с девушкой, охотно согласился Наби. — Не все, правда, это понимают... Вот хотя бы твой отец! Он вчера чуть не загрыз меня за какую-то несчастную железяку... У них там во дворе, рядом с гаражом, стоит старый трактор. А мы же в школьном кружке двигатель собираем. Ну я и подумал, а почему бы не снять с этой развалины магнето — ведь все равно трактор списанный. Стал снимать, а тут — откуда ни возьмись — хромой Даниял, да как закричит: они воруют, мол, а мне за них Рамазан шкуру спускает! — парень так удачно передразнил сторожа, что Манарша не смогла удержаться от смеха. — Ну подожди, хромой филин, я тебе еще не то сотворю! — погрозил Наби и понурился. — А тут вдобавок ко всему твой отец пришел, навалились они на меня вдвоем с Даниялом, и оказывается, что я бродяга и вор... Поняла, с кем дело имеешь?

— Давно поняла, — снова рассмеялась Манарша. — Помнишь, как ты колхозную лошадь украл и уехал на Верхний хутор?

Наби казалось, что он может вечно смотреть на такое милое лицо девушки, ловить веселые искорки в ее глазах, ее нежное дыхание.

— Лошадь — это совсем другое, — буркнул он. — Ее же убить хотели.

— Не убить, а выбраковать, она же совсем старая была!

— Значит, отслужила свое — и на свалку, так, что ли? В благодарность за многолетнюю службу, да? Правильно сделал, что угнал ее в горы — пусть умирает собственной смертью.

Манарша ласково посмотрела на него и отложила книгу в сторону.

— Ух ты, какой лошадиный адвокат! — она провела рукой по его плечу.

Вконец смущенный Наби поднял книгу и наугад раскрыл ее.

Ужель цвели б сады и птицы пели,
Когда бы я твоих не видел глаз,
Ужели б звезды в небесах горели
И солнца свет над миром не погас?
Коль не было тебя, то неужели
Я быть бы мог счастливым, как сейчас?¹

— Читай про себя, я это уже читала,— перебила его Манарша, раскрывая учебник физики.

Наби пробежал стихи еще раз и в изумлении взглянул вокруг. Все было по-прежнему: и горы, и бездонное голубое небо, и солнце, но в то же время все было не так, как прежде. Какие удивительные строки! Будто это он написал, или будто они сами исторглись из его сердца. Он искоса взглянул на Манаршу, склонившуюся над учебником, на ее длинные черные ресницы. Губы сами шептали:

«Гордо ввысь взметнулись горы, грустно замерли ущелья... Там по склонам ходят овцы, виноградники желтеют... Если взглянешь на рассвете, кажется, они застыли, только воздух невесомый тетивой звенит туго, да ручей поет на камнях, словно девушка смеется...»

— Что это ты там шепчешь, а? — вмешалась вдруг Манарша.— Случайно, не стихи ли сочиняешь? Смотри! — лукаво поддразнила она парня. — Говорят, странный народ поэты.

Но юноша будто не слышал ее.

— Ты знаешь,— Наби вдруг повернул к ней свое озаренное вдохновением и нежностью лицо,— почему днем звезды исчезают с неба? Потому что они лучи у солнца украли. Оттого-то они с восходом стараются скрыться с его глаз, чтобы не стыдно было... Манарша,— сказал он вдруг дрогнувшим голосом. — Манарша...

Она посмотрела на него с испуганным любопытством.

— Если бы ты на уроке астрономии так отвечал,— торопливо выпалила девушка первое, что пришло в голову,— тебе обязательно вкатили бы двойку!

Она смущенно улыбнулась.

¹ Здесь и далее стихи Р. Гамзатова в переводе Н. Гребнева. i27

— Подожди, Манарша,— став необычайно серьезным, остановил ее Наби.— Подожди...

Однако решимость его быстро иссякла. Они молча слушали дыхание друг друга, не обращая внимания на то, что в саду разливалось весеннее пение птиц. Наконец Манарша, тоже посерьезневшая, исподлобья посмотрела на него.

— Ну что же ты замолк? — спросила она. — Или ждешь подсказки из мудрой книги?

Он посмотрел на девушку, на ее блестящие глаза и тяжело вздохнул.

— Вот скоро окончим школу,— сказал он, поднимая с земли какой-то прутик,— получим аттестат и разлетимся в разные стороны.

— Такова жизнь,— сказала она с сожалением.— Каждому своя дорога. Не знаю, как ты,— Манарша глаз не сводила с парня, но он по-прежнему делал вид, что занят прутиком,— а я уже решила, в какой институт буду поступать.

Наби молчал, и она решительно уткнулась в книгу, снова и снова упрямо читая одну и ту же строку.

— Счастливая ты, Манарша,— вдруг сказал он, не поворачивая головы.— Тебе легко рассуждать об институте. Да и думать ни о чем не надо, кроме как об учебе... Поедешь в большой город, начнется веселая студенческая жизнь, появятся новые знакомые,— он остановился, словно подбирал нужное слово.— А вот скажи по правде: будешь ли ты помнить наш аул, эти кривые улочки, нашу школу, класс, где... где мы вместе учились?..

И он снова умолк, грустный, ссутулившийся.

— Я?! — удивленно переспросила Манарша, делая вид, что с трудом отрывается от книги. Помолчала, потом добавила: — Ты так странно спрашиваешь. А что, разве для тебя двери института закрыты?

Наби глубоко вздохнул, помялся и, покраснев, грубо ответил:

— Интересно, как я могу поехать учиться? Мать ведь совсем старенькая.

Манарша удивленно вскинула брови.

— Ты вроде как меня в чем-то обвиняешь,— не то спросила, не то упрекнула она.

— Что ты, Манарша! — вырвалось у него вдруг.— Пусть лучше я умру на месте, чем обида хоть крылышком коснется твоего сердца.

Он встал со скамейки и в смущении отошел, делая вид, будто заметил на яблоне что-то необычное.

— Если бы не несчастный случай с моим отцом... А так... Разве у меня хватит совести брать деньги у старой матери? Да ведь я ей сам уже помогать должен!

— Ты... ты прости меня, Наби,— она подошла к нему, хотела взять его за руку, но раздумала.— Я ведь не хотела тебя обидеть.

— Не обращай внимания,— глухо выдавил он. — Я почти не помню своего отца, и мне от этого почему-то очень больно. Ему, наверно, это уже все равно. А мне, живущему, его так порой не хватает, — и с силой ударил по стволу яблони.

Он взял учебник, уселся рядом с Манаршой, начал было читать, но мысли его снова и снова возвращались к отцу. Юноша пытался представить его таким, каким знал по рассказам матери: сильным, смелым. Что в тот день могло случиться с ним в горах?.. Он вздохнул и отложил учебник в сторону.

— Манарша! Ты мне так и не ответила. Ты будешь скучать по нашему аулу?

Она дернула плечиком и улыбнулась.

— Мы еще аттестаты не получили, между прочим! Зачем заглядывать так далеко? Пока надо думать об экзаменах.

Наби откинулся назад, оперся о ствол яблони и, заложив руки за голову, вполголоса, будто для себя одного, прочел:

Слово скажи, погляди на меня,
Знак мне подашь — я взойду на вершину.
Скажешь — я брошусь в пучину огня,
Брошусь в морскую пучину.

Юноша весь обратился в слух — ждал, что скажет Манарша, но она, неблагодарная, делала вид, что читает. Тогда он решил продолжить игру.

Я обойду половину земли.
Имя прославлю твое, дорогая.
Сделаю все. Прикажи, повели
Да поцелуй, провожая.

Манарша смутилась, она почувствовала, как кровь прихлынула к щекам, и тщетно прикладывала к ним прохладные руки.

— Эх, если бы я был поэтом,— с тоской вздохнул Наби,— я бы тоже кому-нибудь стихи посвятил.

— Интересно,— вдруг неожиданно для самой себя выпалила девушка,— и кто же была бы эта счастливица?

— Манарша! — решительно выпрямился Наби. — Скажи, почему мы должны стесняться своей дружбы? Почему?! Почему мы скрываем свои чувства и прячемся даже от самих себя?

Манарша быстро оправилась от смущения, которое охватило ее вначале. Она была поражена решимостью Наби. Предусмотрительно отойдя на несколько шагов, спросила своим мелодичным голосом:

— Почему ты говоришь: «мы», «мы прячемся», «мы стесняемся»?

Наби словно на всем скаку сбросили с лошади. Растерянно посмотрев на Манаршу, он даже в обиде был не в силах оторваться от ее блестящих глаз, от зардевшихся щек, от родинки над верхней губой, что делала ее такой милой... «Даже самый талантливый художник не смог бы нарисовать девушку прекраснее», — думал Наби. Он готов был вот так, не отрывая глаз, простоять всю жизнь, и всю жизнь ему не наскучило бы любоваться ею. Сердце бешено колотилось, готовое вырваться наружу и упасть к ее ногам.

Наби никогда не думал, что любовь вот так, внезапно-негаданно, захватит его всего без остатка. Он вообще думал, что это чувство существует больше в книжках, а в жизни, если и посещает простых смертных, то каких-нибудь необыкновенных красавцев. А что он? Самая заурядная внешность: большой нос с горбинкой, густые черные брови. И губы — толстые, за что и прозвали его ребята «негрито».

Но когда неодолимая сила снова и снова тянула его к Манарше, он, бессильный против этого, все еще не верил, что пришла любовь. Даже самому себе не мог признаться в том, о чем уже давно говорило ему сердце, скрывал свои чувства и больше всего на свете боялся, что кто-нибудь догадается о них... Но разве шило в мешке утаишь?

И, конечно, самой первой поняла все Манарша. Нравился ли он ей? Она и сама не знала. Ее девичьей стыдливости и врожденного такта хватало на то, чтобы понапрасну не беречь сердце парня.

130 А Наби терзала мука: как она относится к нему,

как посмотрит на его желание быть всегда рядом с ней?.. Что за коварные существа — эти девушки; им, видите ли, приятно узнавать, какие чувства они вызывают сами, но не одобряют, чтобы кто-то проникал в их собственные души. Он не знал, как рассказать о своем чувстве, чтобы не обидеть ее — не было в нем дара покорять девичьи сердца! Знал только одно: не может прожить без нее и дня, и стоит лишь увидеть ее, как в нем пробуждаются какие-то огромные, дотоле не известные ему силы, делающие его способным совершить любое чудо, преодолеть любое самое трудное препятствие.

— Если бы ты только знала, Манарша... — печально начал он снова.

Молодые люди не заметили, как у калитки появилась мать девушки — Райханат. Она хотела было поздороваться с Наби и войти в дом, но что-то в разговоре детей насторожило ее, она замедлила шаг и невольно услышала нежные, рвущиеся из сердца слова, адресованные дочери.

— Если бы ты знала, Манарша, — повторил Наби. — Если бы ты только умела читать клинопись в человеческих сердцах...

— Какая клинопись! — воскликнула Манарша. — Что я еще должна знать?!

Стараясь казаться равнодушной, она со сладко замирающей душой думала о том, что будет, если он вдруг скажет, что любит ее. А ведь он может сказать, у него хватит соображения сказать такую... глупость. Да, но чем ответит она?.. Ах, как ноет все внутри!.. Она вся была скована страхом и радостным ожиданием...

Но «соображения», а вернее, решимости у Наби не хватило.

— Если бы ты хотела, — махнул он уныло рукой, — ты бы уже давно все поняла. Но, видно, в твоём сердце на первом месте учебники, — Наби вдруг испытующе взглянул ей в лицо. — А может, у тебя кто-то другой на уме?

— Ну и дурила же ты! — вспыхнула Манарша. — Ну и что, если кто-то другой? Тебе-то что до этого? О ком хочу, о том и думаю. Резко встав, девушка пошла в дом.

— Манарша! — робко окликнул ее парень, но она, не обернувшись, хлопнула дверью.

Райханат поняла, что пора выходить из укрытия, иначе могут увидеть и подумать, что она подслушивала.

— Здравствуй, Наби! — громко сказала женщина. — Что же ты не зайдешь в дом? Манарша, наверно, там занимается.

— Да... да я, — замялся парень, — мне вот эта книга пужна, тетя Райханат, — солгал он, зачем-то показывая ей томик стихов. — Мы ведь к экзаменам готовимся, экзамены-то на носу, — лепетал он, думая о том, как бы побыстрее улизнуть.

— А разве вы и по этой книге экзамен сдаете? — лукаво удивилась Райханат.

— Да, — солгал парень и, спохватившись, тут же забормотал: — Да, конечно, сдаем... Знаете, какой трудный экзамен!

— Значит, не хочешь к нам зайти? — уже серьезно спросила Райханат и направилась к дому. Наби обалдело смотрел ей вслед, потом, опомнившись, опрометью кинулся к забору и так же, как и утром, перескочил через него, тщетно пытаясь понять, подшучивает над ним мать девушки или же все получилось случайно...

Райханат поднималась на террасу, когда в дверях показалась Манарша. Она не ожидала встречи с матерью, поэтому громко крикнула в сад:

— Эй, Наби! Возьми свою физику!

Но, увидев мать, осеклась и стыдливо потупилась.

— Наби ушел, доченька, — переводя дыхание и утирая пот, проронила мать. — Сказал, что идет готовиться к самому трудному экзамену.

Манарша поймала улыбку матери и уже терялась в догадках: неужели она слышала их разговор? А Райханат как ни в чем не бывало все с той же лукавой улыбкой вздохнула:

— Ах, доченька, доченька!

— Эй, Райханат! — донесся вдруг с улицы крик Рамазана. — Принеси-ка мне куртку, забыл утром захватить.

Женщина оглянулась: муж стоял возле калитки, держа в поводу своего солового коня. Она торопливо вошла в дом и тут же вынесла куртку на теплой подкладке.

— А что у вас делал этот шалопай? — сердито спросил Рамазан, кивнув в сторону скрывшегося Наби. —

— О ком ты? — сделала непонимающий вид Райханат.

Манарша на какое-то мгновение оцепенела.

— Об этом бездельнике, о сыне нашей соседки Чаккар! О ком же еще? — Рамазан взял куртку из рук жены. — Он что, этот... как его там? Наби? Он что, этот Наби, у нас, что ли, был?!

— Да, папа, — вмешалась дочь, едва переводя дыхание. — Он приходил за книгами.

— Пусть ищет себе книги в другом месте, — строго предупредил Рамазан. И, заметив, как мать и дочь улыбнулись друг другу, взорвался: — Поняли, что я говорю? Здесь не библиотека для всяких... всяких...

Не найдя нужного слова, он дернул уздечку. Соловый послушно потянулся за хозяином.

— К обеду не ждите! — крикнул Рамазан уже издали. — Я на верхнюю кошару поехал!

3

К чабанам на верхнее пастбище Рамазан собирался с самого утра. И с самого утра ждал его верный друг с белым пятном на лбу — его соловый, на котором он не один раз проехал все горные тропинки в округе.

Рамазан вел коня в поводу до самой околицы и только там забрался в седло.

Это были едва ли не самые счастливые минуты в его жизни, когда он вот так, верхом, ехал по горной тропе, любовался зелеными склонами, думал о тысячелетиях, которые понадобились природе, чтобы выгрызть в скалах такие бездонные ущелья. В эти минуты душа его, отрешась от обид, от домашних и колхозных забот, парила в каком-то ином мире; кровь, жадно вбирающая в себя пьянящий воздух, настоящий на ароматах альпийских трав, бодрящей струей омывала его с ног до головы, и даже сердце, изрядно поработавшее, пережившее войну, становилось молодым. Что может быть прекраснее: думать о жизни и наслаждаться тишиной, когда особенно слышно, как звенит чистый горный воздух! Здесь даже пение птиц не сравнишь с их пением в долине — таким звенящим и переливчатым делает его в горах, на высоте, эхо.

Рамазан сладостно прикрыл глаза. И от мерного покачивания седла, от этого тепла и щедрого света, что врывался под сомкнутые веки, ему вдруг почудилось,

что он снова, как много-много лет назад, лежит в младенческой люльке, — он даже тихонько засмеялся от прихлынувшего счастья. Как живые, встали перед глазами отец, добрая мать. Рамазан вздохнул. Все заботы, заботы. Некогда даже оглянуться назад. А годы идут и идут!

Давно ли, кажется, вернулся с войны, пришел — грудь в орденах. Учиться послали в сельскохозяйственный институт. Тогда и познакомился он со своей Райханат — она тоже училась, только в педагогическом. Приехал домой, начал работать зоотехником. Колхоз был — вспомнить страшно. «Вперед» назывался, как и сейчас, только многие тогда предлагали переименовать его в колхоз «Назад». За восемь послевоенных лет девять председателей сменилось. Девять! Рамазан десятый. Предложил райком его кандидатуру — и избрали. Колхозникам, видно, уже все равно было, кого выбирать — есть председатель, и ладно.

Много воды утекло с тех пор... Сколько всего выпало за это время на долю председателя! А он знай себе тащит да тащит родной колхоз вперед. Потихоньку, полегоньку, а тащит... Порою приходилось и круто брать — привыкли уже колхозники к тому, что всем все равно, а тут задумал человек то переделать, другое перестроить... Но это все в прошлом, все когда-то было. Сейчас те же самые люди, с которыми он вынужден был когда-то бороться, которые сопротивлялись всем новшествам, гордятся и колхозом, и им, Рамазаном.

— Салам алейкум, председатель! — донесся вдруг до него хриплый голос. — Счастливого тебе пути!

Рамазан встряхнулся, мгновенно выйдя из мира воспоминаний. Ризван, чабан верхней отары, уже тянул к нему твердую, как камень, загорелую ладонь.

— А я иду вниз — смотрю, кто-то едет, — продолжал Ризван.

— Ваалейкум салам! — Рамазан спрыгнул с коня. — И тебе счастливого пути. Какая нужда среди бела дня погнала тебя в аул?

— Да вот жена весточку подала, — объяснял Ризван, снимая с плеча хурджину, чтобы передохнуть. — Сын, видишь ли, жениться решил. Ну она и просит прийти, решить кое-какие дела. Хозяин я все-таки или нет?

Ризван засмеялся и, усаживаясь на траву, достал

Рамазан, пустив коня, уселся рядом.

— Свадьба — это хорошо,— сказал он весело. — Колхоз, я думаю, поможет тебе как лучшему чабану,— он вытащил сигареты. — Угощайся, Ризван!

Но Ризван отказался.

— Прости, председатель, привык к самосаду. А от этих сигарет меня только кашель душит.

Закурили, помолчали немного.

— Вот, к вам еду,— сказал председатель. — Что там у вас новенького-то?

Ризван бросил на председателя настороженный взгляд.

— А что там может быть нового? — Он опять настороженно посмотрел на председателя, словно для себя уясняя что-то. — У нас там каждый день одно и то же: выгони да пригони. Вот и все новости.

— Так-таки и никаких новостей? — улыбнулся Рамазан.

Чабан снова внимательно посмотрел на него, погасил окурок о землю и сказал недоверчиво:

— Я думал, ты так спрашиваешь, думал, ты уже знаешь...

— Что знаю? — забеспокоился Рамазан.

— Ну, что кошара-то у нас развалилась.

— Какая кошара?! — оторопел председатель.

— А что в прошлом году для овцематок построили...

— Как же...— задохнулся председатель,— как же это случилось? Когда?

— Э-э... знаешь, — начал мямлить Ризван,— спроси лучше у бригадира нашего, Сураката. Пусть лучше он тебе сам расскажет. А то знаешь какой он у нас? Обзывает каким-нибудь сплетником или еще хуже — доносчиком, и ходи тогда всю жизнь с клеймом...

Ризван снял свою лохматую папаху, вытер ею вспотевший лоб и привычным движением нахлобучил на колено. На миг Рамазану почудилось, будто старик не хочет говорить лишь оттого, что его совсем не волнует кошара, не волнует, что будет теперь с матками. Просто присел человек понежиться на солнышке — вот и все.

— Слушай, Ризван,— грозно сказал председатель,— я хочу от тебя услышать, в чем там дело. Ты понял меня? — он привычно повысил голос. — Я тебя давно знаю. Ты не болтун, не сплетник, не доносчик. Говори сейчас же!

Чабан молча встряхивал свою папаху и снимал с нее какие-то невидимые соринки.

— Я ему сто раз говорил,— невнятно начал Ризван,— не делай так — это самая настоящая махинация! А он меня не слушал. Да ты его сам знаешь, Сураката, он такой упрямый, такой баран! Особенно когда наградой запахнет — его ничем не остановить...

— Подожди! — прикрикнул председатель. — Ничего не понимаю. Что он сделал-то?

— Он перед стрижкой приказал отделить маток от ягнят, поставить их в соседний загон, за перегородку.

— Это еще зачем? — не понял Рамазан.

— Зачем? — переспросил чабан и хитро подмигнул. — А вот зачем. Ягнята начнут блеять, звать матерей. Овцы услышат их, станут метаться...

— И что же?.. — опять не понял Рамазан.

— Набегаются, вспотеют. Тут их и стриги — шерсть-то прибавит в весе! Тут тебе и показатели, и почет, и слава. Нашего Сураката хлебом не корми — открой ему только дорогу к почету!

— Ах, негодяй!

Рамазан злобно ударил плетью по голенищу. Чабан испуганно отодвинулся подальше.

— Я ему говорил: не делай так, это же настоящая махинация! — торопливо оправдывался он. — А он меня не слушал. Матки бегали, бегали и до того добегались, что от духоты многие — самые, конечно, слабые — пали. Ну, он, Суракат, подумал, подумал и решил все на природу свалить. Вчера ведь такой ветер поднялся. У вас был?.. А у нас ну просто срывал все... Вот он сволок павших овец в одно место и на них крышу-то и завалил. Подпилил столбцы — и все как рухнет. Ветром, мол, снесло.

Ризван еще не кончил свой рассказ, а разъяренный председатель уже совал ногу в стремя.

— Куда ты? — испуганно спросил чабан.

Но Рамазан даже не обернулся в его сторону.

— Эх, дернула меня нелегкая все рассказать этому бешеному, — сокрушался чабан, поднимая хурджины. — Пускай бы сам Суракат плел небылицы...

Подъехав к ферме, Рамазан свалился с коня, забросил уздечку на гриву и, не обращая внимания на кинувшихся было к нему пастушьих овчарок, на приветствующих его чабанов, широким шагом направился прямо к кошаре. Крыша ее лежала на земле, из-под нее

уже потягивало тяжким душком. Рамазан, до скрежета стиснув зубы, стоял у кошары, готовый взорваться, и время от времени со свистом опускал свою плеть на голенище сапога.

— Рамазан Курбанович! — услышал он приветственный возглас. К нему со сладкой улыбочкой на широком лице торопился бригадир Суракат. — С приездом вас, Рамазан Курбанович!

— Это что такое? — спросил председатель зловеще, показывая плетью на обрушенную крышу.

— Стихия, Рамазан Курбанович, — заюлил Суракат. — Стихия!

— Ах, стихия! — не в силах больше сдерживать себя, проревел Рамазан и вдруг со всей силой взмахнул плетью в руках плетью... Ослепленный болью, Суракат закрыл лицо руками. — Стихия? Я тебе покажу стихию, я тебе покажу, как вредительством заниматься, шакал!

Рамазан снова замахнулся плетью, но вдруг почувствовал, что не может пошевелить рукой — кто-то крепко схватил ее. Председатель резко оглянулся: сзади стоял старший чабан Юнус. Обрадованный поддержкой, Суракат, втянув голову в плечи, кинулся за ограду.

— Отпусти! — скрипнул зубами Рамазан, но плеть бросил.

Мгновенно увидев размеры беды, он подошел к сбившимся поодаль чабанам.

— Как же это все произошло? — с горечью спросил он, нервно прикуривая сигарету.

— Как, говоришь?.. — прищурив глаза, повторил Юнус. — Разреши-ка и мне закурить начальницкую, — он потянулся за сигаретой. — Давно твоих не курил, председатель.

Рамазан, жадно затягиваясь, молча протянул пачку.

— А плетью-то ты зря, председатель... Или ты теперь всех лупить будешь, а?

Рамазан устало провел ладонью по лицу. Слова Юнуса, как ни странно, немного охладили его. И толкнул же шайтан под руку! Суракат этот, конечно, мерзкий тип. Но даже если бы его вина была и в десять раз больше, он, председатель, сначала должен разобраться во всем как следует. Какой ни есть этот Суракат, но все-таки человек...

— Ну, и чего ты добился? — невесело посмотрел на Рамазана Юнус. — Во-первых, за самосуд тебе самому отвечать придется. А во-вторых, ты что, не знаешь Сураката? С него, пакостника, как с гуся вода, а овец погубленных теперь не вернешь...

Суракат, который в своем укрытии внимательно прислушивался к разговору, вышел, держась за щеку и охая.

— Вы все видели, как он меня плетью ударил, все! Я это дело так не оставлю! — гнусавил он, не сводя злобного взгляда с Рамазана. — Ты у меня попляшешь еще, председатель! Не думай, что на тебя управы не найдется!

— Ладно, помолчи, — оборвал его Юнус. — Ты ведь знаешь, из-за чего получил, так что давай-ка поспокойнее разберемся.

— В чем бы там ни была моя вина, а он ответит, как партийный, — не хотел сдаваться Суракат. — Да, да, ответит! В районе его за такие штучки тоже по головке не погладят!

Если бы кто-нибудь знал, какое удовольствие сейчас доставляла ему роль жертвы. Плеть! Что там плеть, о ней бы уже и завтра можно не вспоминать. Зато какое наслаждение для него — пусть этот чванливый бурдюк Рамазан, привыкший к всеобщему уважению и почету, повернется перед ним, пусть поклоняется, а он еще посмотрит — прощать его или погодить. Логика его была проста. Он, Суракат, совершил преступление. Пусть. Но ведь и председатель тоже поступил не лучше, вон сколько свидетелей! Стало быть, они квиты. Разве посмеет он теперь хоть где-нибудь упомянуть о том, что Суракат погубил овец? Да Рамазан теперь будет по струнке ходить, лишь бы все шито-крыто было, лишь бы не дошло до райкома, а то и выше... Да ради такого удовольствия можно получить и не один удар!

— Мы тебе, дорогой председатель, не рабы! — хорохорился Суракат. — И не позволим оскорблять себя, верно, ребята?

Но странное дело — чабаны, которые вначале готовы были осуждать Рамазана, не поддержали пострадавшего. Они слушали, как Юнус рассказывает председателю обо всем, что произошло, и, не обращая внимания на вопли бригадира, поддакивали старшему чабану.

138 Рамазан же только время от времени исподлобья по-

глядывал на Сураката. Юнус чуть ли не слово в слово повторил рассказ Ризвана. Правда, выяснилась и новая подробность: чабаны отговаривали бригадира от делить овец, но он и слушать не хотел. А крышу ломал сам, когда все ушли с отарами на выпас...

— Ну какой же ты бессовестный человек, Суракат,— с досадой бросил Рамазан, едва Юнус окончил свой рассказ.

Теперь всю свою злобу Суракат обрушил на Юнуса. Он что-то кричал, доказывал, просил поддержки... Разве он, Суракат, не для всей бригады старался? Ух, если бы только его воля — стер бы в порошок и председателя, и этого болтуна Юнуса! Злоба клочотала в бригадире, а молчание председателя он истолковывал как боязнь его, Суракатова, возмездия.

— Мы еще посмотрим, кто из нас бессовестный! — трясая кулаками, снова закричал Суракат. — Мы еще поговорим, где положено!

— Да уймись ты!.. — бросил ему в сердцах Юнус.

— Был бы он мужчиной, — не обращая внимания на Юнуса, издевательски закричал бригадир, — он бы эту плеть не против честных тружеников пускал, он бы заставил ее плясать на спине того, кто вокруг его дочки увивается! Будь он, конечно, мужчиной...

Рамазана словно самого хлестнули плетью. Он вздрогнул, сжимая кулаки. Юнус понял, что сейчас может произойти что-то непоправимое, подскочил к Суракату.

— Уйди с глаз, добром тебя прошу! — крикнул чабан. — Иначе ты и от меня схлопочешь!.. Дождешься!..

Рамазан тяжело дышал. Ух, с каким наслаждением он сейчас бросился бы на этого подленького человечка и, не думая о том, что будет после, схватил бы его прямо за горло... Однако ноги его вдруг словно налились свинцом, сердце пронзила острая, как нож, невыносимая боль. Ослабевшая рука потянулась к вороту, слышно было, как затрещал он. Рамазану не хватало воздуха...

— Не обращай внимания на глупые слова дурного человека, председатель, — участливо подошел к нему Юнус и не на шутку испугался, видя, как даже сквозь загар побледнело лицо председателя.

А Рамазану было так плохо, что ему показалось, будто здесь, на альпийском лугу, осталось только его большое и ставшее вдруг совсем беспомощным тело, а

душа покинула его и теперь витает где-то далеко-далеко над горами.

— Пойдем отсюда, председатель, пойдем, — мягко уговаривал Юнус, из-за спины грозя Суракату кулаком.

Тот, казалось, наслаждался муками председателя. Потом живо повернулся и как победитель пошел по тропе, ведущей к аулу.

Где-то вдали залаяли пастушьи собаки. Фыркнул соловый и ткнулся мордой в плечо. Этот мягкий удар отозвался новым уколом кричащей боли. Сейчас у Рамазана было только одно желание — поскорее добрать-ся до дому и лечь.

4

Рамазан долго не мог заснуть. За окном тянулась нескончаемая ночь, сеялся мелкий, нудный дождь, пропитывавший все вокруг мозглой слякотью. Рамазан зябко подергивал плечами — ему казалось, что и сам он, до селезенки, набряк от этой влаги, стал бесформенным, безвольным, беспомощным... Повернулся на другой бок, но сон не шел: на несколько минут забывался в тягостной полудреме, наплывавшей, словно лохматое дождевое облако, а потом снова и снова перебирал в памяти все подробности злосчастной поездки на верхнюю кошару.

Недаром как-то дядя Закир посоветовал ему держать свой порок в узде. «Ты похож на порох, — объяснил старик. — Он тоже вспыхивает на мгновение, и все. Вспышка пройдет, а рассудок твой не даст тебе потом покоя...» Прав старик! Вот теперь, когда прошел день, он, Рамазан, может трезво обо всем подумать, все взвесить, рассудить обо всем спокойно, по справедливости? Может! Теперь-то он понимает, что был не прав, что надо было не унижать человека плетью, да еще и в присутствии других, а вывести Сураката на чистую воду и поставить его перед судом всех колхозников. Но сделанного не воротить, позорный вчерашний день не вернешь обратно. Что было, то было... Он пытался обелить себя, с трудом подыскивая оправдания своему поступку, но тщетно.

Утомленный мозг просил отдыха, но стоило Рамазану прикрыть глаза, как он проваливался в какой-то иной мир, становился участником ледящих душу со-

бытий, происходивших словно бы наяву... Вот какие-то сырые мрачные стены, уходящие ввысь закопченные своды, зарешеченные маленькие окна. Вот какие-то колонны из кроваво-красного кирпича, а вот и сам он, Рамазан, валяется у осклизлой от влаги стены, со связанными за спиной руками. Он слышит чье-то омерзительное сопение, потом, начавшись где-то вдали, доносится до него, грохоча эхом, страшный смех.

— Ха-ха-ха! — гремит под сводами. — Ну что, допрыгался, председатель? Пришел и мой черед — я тебя сгною в этой темнице!

Неужели это Суракат? Рамазан тщится рассмотреть в темноте, кто здесь, рядом с ним, но, о ужас! Он видит перед собой страшное чудовище. Рамазан кричит своему мучителю: «кто ты?», но сам не слышит собственного голоса. Он не может понять — кто это? Люди или звери? Почему никто не отвечает?!

Он напрягает все силы, чтобы встать, но тяжелые холодные цепи, впившиеся в тело, не дают ему даже подняться. Тогда он рвет их изо всей силы и... просыпается...

Рамазан потянулся к изголовью, включил ночник и с буйно бьющимся сердцем оглядел комнату. Все так же шуршал за окном нескончаемый дождь, едва шевелилась от ночного сквозняка занавеска. Рамазан вытер пот со лба и сунул под язык таблетку валидола, предусмотрительно купленного Райханат. Он лежал не шевелясь с широко раскрытыми глазами. Но стоило ему забыть, как сон возвращался вновь.

Снова был он в той же сырой темнице, но уже не лежал у стены, а стоял, шатаясь, перед человеком, лица которого никак не мог разглядеть. То он был похож на Сураката, то вдруг напоминал чем-то хромого Данияла, то кто-то еще приближал к нему свои выцветшие, наполненные слезой, как у старого Закира, глаза.

— Мне поручено сурово наказать тебя, гражданин Курбанов, — холодно и властно сказал человек с неуловимым лицом. — Мы ценим твою работу, тебя самого, но никак не можем одобрить твоих методов руководства. Они ужасны. За них-то ты и будешь наказан, — Рамазан вновь попытался узнать лицо сурового обвинителя. — Возомнил себя таким непогрешимым правителем, — продолжал обвинитель, обретая все большую власть над Рамазаном. — На людей, работающих

ради общего блага, ты почему-то стал смотреть как на своих подданных, хочешь сделать из них безропотных существ... Разве ты забыл, председатель, что только корни держат дерево, только они питают его? Чем крепче корни, тем выше ствол, тем мощнее, размахистее ветви...

— Да кто ты такой, что обвиняешь меня так безжалостно? — Рамазан хотел закричать, но голос его умирал где-то у самых губ. — Неужели ты не видишь никаких оправдывающих меня обстоятельств? Что же я, по-твоему, должен обласкать этого... Сураката?

— Ты считаешь, что истина и справедливость находятся в твоей плети? — живо перебил его обвинитель. — А зачем же тогда существуют совесть, закон?

— Совесть, говоришь? А есть ли совесть у Сураката? В нем она, кажется, никогда не просыпалась, — с сарказмом возразил Рамазан. — Чтобы отучить волка лазить в овчарню, надо не убеждать его, а отделать так, чтобы ему в другой раз неповадно было.

— Пусть так. Однако ты думаешь, что люди все это будут терпеть и дальше? Твой характер и твой кулак можно сравнить с черной грозовой тучей, которая несет в себе губительный град... Почему ты считаешь, что вправе давать волю своему гневу? Неужели ты думаешь, что вспышки твоей злобы заменят разум и закон?

— Не злоба! Не злоба, а гнев благородный повелевал мной в эти минуты. — Рамазан пытается оправдаться и вдруг видит, что на месте обвинителя сидит старый Закир и одной рукой поглаживает свою седенькую бороду, а в другой — повелевающе держит свой резной посох.

— Вот видишь, черная пелена окутывает твой разум. Как я опасаюсь за тебя, Рамазан, сынок...

— Да ведь все, что я делаю, я же не для себя делаю, а для всех, для всего колхоза, дядя Закир!

— Говорят, голодную скотину манит в хлев запах сена. Неужели ты думаешь, что человек даст себя уподобить этой скотине, что он будет рад богатству, которое ты ему предлагаешь, согласившись подставить спину под твою плеть?!

Вдруг на месте Закира оказался хитро улыбающийся Даниял.

— Ты, председатель, совсем жизнь перестал понимать. Прислушайся на минуту к моему сердцу. Оно те-

бе скажет, что хоть и не молодое уже, а тоже любит уважение и ласку, плохо переносит грубость. Ты, председатель, видно, совсем забыл, как ночью в небе зажигаются звезды, как сладко шелестит под луной листва, а потому и не улавливаешь миг, когда в душах рождаются великие и благородные мечты. Оттого-то ты и топчешь эти мечты.

— Что тебе-то от меня нужно? — не выдержал Рамазан. — Ведь мы же все живые люди, все не ангелы. Неужели же нельзя понять и меня? Ведь какие нервы нужно иметь...

— Я хочу, чтобы ты был не только председателем, но еще и человеком, понял теперь? Где твоя доброта? Когда ты успел растерять ее на своем жизненном пути?

Глубокий вздох Рамазана, эхом прокатившийся под сводами темницы, был ему ответом...

Рамазан осторожно повернулся на своей кровати и открыл глаза. Дождь давно перестал. За окном уже всю светилось утреннее небо. Тело было налито свинцовой тяжестью, сердце готово было выпрыгнуть из груди, а в горле была такая сухость, будто он уже неделю не видел воды.

Рамазан, чувствуя себя вялым, невыспавшимся, нехотя оделся и вышел во двор. На душе было муторно, беспокойно. Волоча ноги, он подошел к скамейке под яблоней и сел, обхватив голову руками. «Как с похмелья», — усмехнулся невесело. В памяти вдруг всплыли слова этой грязной свиньи Сураката, сказанные им вчера о Манарше. До сих пор он считал дочь еще ребенком. Какая там любовь, какие чувства?! Она же девочка еще, школьница. И на тебе — грязная сплетня уже прилипла к невинному созданию. «Как странно мы устроены, — думал Рамазан. — Давно знаю, что у Сураката язык поганый, что все его слова — навет, подлая выдумка, а не думать об этом не могу. Какая-то доля правды может оказаться в словах Сураката: дыма без огня не бывает. Но если это так, если это так...» — тут даже мысли свои прервал Рамазан, потому что нет для чести горца оскорбления страшнее...

Райханат в тревоге за мужа выглянула во двор и по угрюмому виду Рамазана поняла, что он чем-то обеспокоен.

— Рамазан, дорогой, — опустилась она на корточки, глядя ему прямо в лицо, — что тебя гнетет с самого утра?

Он попытался улыбнуться жене, но от этой вымученной улыбки ей стало еще тревожнее.

— Я вижу, у тебя тяжело на душе,— нежно сказала она.— Почему же ты не хочешь поделиться со мной? Может быть, я смогу помочь тебе?..

Рамазан, кряхтя как старик, начал искать по карманам сигареты.

— Да нет, ничего не случилось,— неохотно сказал он наконец.— Странный сон приснился ночью... — он вздохнул, всем своим видом давая понять, что отвечать не хочет, и вдруг не выдержал: — И откуда только такие поганцы берутся!

— Ты о чем? — удивилась Райханат.

— Понимаешь, этому подлецу Суракату легкой славы захотелось! А мозгов его куриных не хватило, чтобы подумать сначала...

Он осекся так же внезапно, как и начал.

— Ну вот, — с мягкой укоризной сказала Райханат.— Вспыхнуть вспыхнул, а гореть раздумал. Расскажи хоть толком-то, в чем дело.

Рамазан, будто очнувшись ото сна, вдруг с горечью посмотрел на жену и на минуту смутился, увидев на ее лице нежное участие. И тогда, часто затягиваясь сигаретой, он рассказал ей все, что произошло вчера на верхней кошаре.

— Ах, какой мерзавец! — всплеснула руками Райханат.— Но и ты тоже хорош!

Рамазан подумал было, что жена ругать его собралась. Но в ее голосе было столько любви, такая неподдельная тревога за него, за его авторитет, завоеванный за долгие годы работы, за семейный покой наконец, что он не смог рассердиться.

— Ох, милый,— Райханат села рядом и обняла мужа,— ты, наверно, и сам уже не замечаешь, как ты изменился за последнее время. Вспомни, сколько человек ты обидел! А ведь это совсем не то, что на меня накричать или на Манаршу. У каждого из них есть и сердце, и своя гордость...

— Это все понятно... — печально согласился Рамазан.— Но вот скажи ты мне: разве я плохой руководитель? кто им помогает, если они нуждаются в чем-либо? кто о них заботится больше, чем я?

— Рамазан, дорогой, да разве только это нужно людям? Вспомни, как умел ты задушевно поговорить с каждым, как обходителен ты бывал...

Райханат задумчиво смотрела вдаль, словно пыталась там разглядеть безвозвратно ушедшее. Не раз она хотела сказать мужу о том, что лежало у нее на сердце, да все почему-то откладывала, удерживала себя — зачем, мол, лишний раз донимать его упреками, и так достается человеку... Она сейчас искала оправдания его поступкам — и, увы, не находила. Старые люди говорят: с одного и того же языка может течь и сладкий мед, и горький яд. Она замечала, что в последние годы яду в словах мужа было больше...

— Старею, наверно, мать,— вздохнул он.

— Теперь, поди, потащат тебя в район, да? — невесело спросила Райханат.

— Кто боится отвечать за себя, тот по-настоящему и не живет,— размышляя над чем-то, отозвался муж. — Я не боюсь. А за колхозное добро, за общее благополучие дрался и буду драться с каждым, кто хотя бы попытается обмануть джамаат. Только вот поди докажи теперь, что он жулик! — вздохнул Рамазан, имея в виду Сураката.

— Уж больно ты упрям,— с сожалением поглядела на его седую голову Райханат.— Будь поосторожней, заклинаю тебя...

Рамазан встал, прошелся по саду. Вчерашний случай по-прежнему не давал ему покоя, жег душу.

— Ведь он же, пес, без дела шатался. А я его чабаном взял, потом старшим чабаном сделал,— снова воспламенился он. — Пригрел, на ноги поставил, и вот на тебе — вся его благодарность.

— Ты опять о Суракате? Да не терзай себя понапрасну,— успокаивала его Райханат.— Смотреть больно, как ты мучаешься... Пойдем позавтракаем.

Она повлекла его к дому, но он вдруг опять остановился, вспомнив что-то.

— Райханат,— положив ей руки на плечи, сказал Рамазан,— что общего у нашей Манарши с этим... с этим оборванцем Наби? Скажи мне. Ты мать, ты наверняка знаешь.

Райханат насторожилась, пытаясь угадать, что кроется за этим неожиданным вопросом.

— Что-нибудь случилось, милый? — тихо спросила она.

— Да нет, ничего,— задумчиво сказал Рамазан, но, увидев, как спокойно лицо жены, добавил: — Но может, я думаю, случится. Ты понимаешь меня, Райха-

нат? Она ведь уже совсем взрослая, наша девочка. А когда возле девушки все время крутится парень, люди могут подумать бог знает что. А тебе ли не знать, что такое людская молва! Сплетня так может очернить человека, что он потом не отмоется до самой смерти.

— Что это на тебя такое нашло, — не на шутку взволновалась Райханат. — Что тут особенного? Ведь они же в одном классе учатся, соседи...

В тяжком раздумье стоял он в тени деревьев, почесывая седой затылок.

— Это я понимаю, что в одном классе. А все же не хочу, чтобы их видели вместе. Понятно?

Райханат ничего не поняла толком, но послушно кивнула в знак согласия.

— Что-то ты, отец, в последнее время каким-то раздражительным стал, дерганым. Устал, что ли? Все тебе мерещится что-то, — с мягкой улыбкой попеняла она и вдруг предложила: — А может, в отпуск поедem, а? Куда-нибудь подальше от родного колхоза? Ну-ка, вспомни, сколько лет ты уже без отпуска...

— Да куда ж мы с тобой поедem? — шутливо отмахнулся председатель. — Люди на юг, а мы с юга! Не поймут нас. — Рамазан обнял жену, и они направились к дому. Нечасто выпадали на долю Райханат такие счастливые минуты душевной близости с мужем, как в это утро...

5

О том, что произошло на Верхнем хуторе между председателем и Суракатом, на следующий же день в колхозе знали все. Историю эту пересказывали, как забавный анекдот, ожидали, чем кончится все для Рамазана, что будет с Суракатом. Дальше пересудов дело молго бы и не пойти, если бы не указание председателя взыскать через бухгалтерию весь нанесенный колхозу ущерб с чабана. Доложил об этом Суракату родственник, бухгалтер колхоза Нариман. Он давно уже имел зуб на председателя, однако явно выказывать свою злобу, конечно же, боялся. А Рамазан даже и не подозревал о той неприязни, какую питал к нему этот всегда приветливый человек, и все из-за того, что в свое время, когда уходил на пенсию главный бухгалтер колхоза, председатель и не подумал назначить Наримана на его место... Червь уязвленного самолюбия грыз сердце, и

Нариман радовался любой неудаче, любой промашке Рамазана. А тут такое событие: поднял руку на подчиненного, унизил его при всех! «Нет, председатель,— задумчиво думал бухгалтер.— На этот раз твоя песенка спета!»

— Пиши на него и не думай,— подзуживал он Сураката.— Сейчас с этим делом строго — раз-два и полетит вверх тормашками наш прославленный Рамазан Курбанов!

Суракат подумал-подумал и сел сочинять жалобу. Он, может, и смолчал бы — велика ли беда, получил по морде! — если бы Рамазан оставил его в покое. А уж коли тот решил за погубленных овец взыскать с него, тут уж извините! Правильно ему все Нариман объяснил — опередить надо Рамазана, опередить! А тут произошла еще одна история, которая переполнила чашу терпения, а вернее — помогла преодолеть ему, Суракату, страх. Его сына Исрапила поколотил этот разгильдяй Наби. Мальчик, видите ли, обозвал этого оболтуса и председателеву дочку Ромео и Джульеттой. Обозвал — ну и что такого? Так нет же, этот Наби кинулся драться, подбил глаз Исрапилу. Какой, видите ли, рыцарь выискался! Один с плеткой на людей кидается, другой — с кулаками... А может, это сам Рамазан научил малого: избеи, мол, Суракатова парня. Как знать, как знать, однако случай этот надо использовать.

И будто бы подстроенное нападение на сына прибавилось к перечню грехов председателя, кляуза была составлена с помощью Наримана за два дня. Суракат отослал бумаги и в районный комитет партии, и в райисполком... Теперь с нетерпением ждал результатов. А подлая его душонка никак не могла справиться со страхом перед неизвестностью. Он решил, пока суть да дело, намекнуть Рамазану, что все еще можно решить полюбовно, если он замнет случай на верхней кошаре.

С этой мыслью Суракат отправился в дом старого Закира. Тот сидел на террасе, на самом солнцепеке, и неспешно стучал крохотным молоточком по новой тросточке, нанося на нее замысловатый проволочный узор. Последние дни старик чувствовал себя неважно, и только ювелирная работа приносила ему облегчение. Уже сам стук молоточка радовал сердце так, что хотелось забыть про все хвори.

Поздоровавшись, Суракат сел на низкий табурет и стал разглядывать трость с неоконченным рисунком.

— Замечательная работа, Закир! — с фальшивым воодушевлением воскликнул он.

— Это еще только заготовка, чего там замечательного, — неохотно буркнул старик. И тут же подумал, что если уж Суракат начинает не стыдясь нахваливать едва начатую вещь, значит, пришел не без умысла...

— Ну, что нового у вас на Верхнем хуторе, — спросил он, не отрываясь от работы.

— Да все по-старому, Закир-даци. Работаем! Вкалываем, как говорится, в поте лица.

— А я вот, видишь, прихворнул, не выхожу никуда. Слышал только, что у вас там овцы погибли. Верно, нет?

Суракат заерзал: в самом деле старик ничего не знает или только притворяется? По тому, как Закир безмятежно возился со своей тростью, понял — не знает.

— Да было дело, — начал он осторожно. — Ураган пронесся, стихийное бедствие, так сказать. Он и натворил бед. Человек ведь пока беспомощен против сил природы, дядя Закир.

— Это верно, — поддакнул Закир, обрезая ножницами после каждого удара проволоку, из которой складывался тончайший узор на трости.

— Да, вот видишь, как получилось, — приободрясь, продолжал Суракат. — Ветер сорвал крышу кошары и подавил овец, а виноват оказался я.

Закир оторвался от работы: ему захотелось увидеть, с какими глазами говорит об этом Суракат.

— Да-да! — подтвердил Суракат. — Я пришел к тебе за помощью. Совсем распустился наш Рамазан! Хоть бы ты с ним поговорил, что ли. Ведь он уважает тебя, как отца родного... Налетел, понимаешь, ни в чем не разобрался. Да мало того, что обвинил меня во всем, еще и руку поднял!

Закир в изумлении отложил в сторону свою работу. А Сураката невозможно было остановить:

— Мало ему показалось — плетью меня ударить, так он еще и натравил на моего Исрапила этого хулигана Наби! Вот что власть с человеком делает! Неужели на него не найдется управы, а? Прошли ведь времена князей и ханов, дядя Закир!

Суракат долго еще склонял старика на свою сторону, сейчас ему никто не мешал. Закир только удивленно поднимал брови.

— Послушай, — наконец прервал он гостя, — но, может быть, насчет Исрапила-то ты ошибаешься... Я не раз от ребят слышал, что в драках часто бывает виноват твой сын из-за своего несдержанного языка...

— Да ты что, Закир! — всплеснул руками Суракат. — Он у меня как ягненок. Палец в рот положи — даже и не подумает откусить.

Закир задумался. Конечно, в том, что говорил сейчас Суракат, далеко не все истина. Ну, а если в его словах хоть доля правды? Если действительно Рамазан ударил его плетью? Старик поплотнее натянул на плечи безрукавку — холодок пробежал по его телу.

— Хорошо, Суракат. Спасибо, что зашел, что поделился со мной новостями.

— Я бы обо всем этом никому не рассказывал, если бы Рамазан не вздумал вдруг удерживать с меня за овец, — осторожно намекнул Суракат. — При чем тут я?

Старик усмехнулся про себя: «Вот с этого бы и надо было начинать. Теперь понятно, почему ты нахваливал мою работу». А вслух сказал:

— Я понял тебя, Суракат. Думаю, все будет по справедливости.

Да, тут было над чем подумать... Самое неприятное, что, зная Рамазана, его горячность, несдержанность, можно было поверить во все, о чем болтал здесь Суракат. Кто же еще знает председателя так, как Закир! Вся жизнь Рамазана прошла на его глазах. Чем дольше он председательствовал, тем быстрее шел в гору их колхоз. И чем больше успехов выпадало на долю председателя, тем резче, нетерпимее был он с людьми. Закир подумал печально, что такое уже не раз случалось в его долгой жизни, что он уже видел это, когда руководитель, считая, что всего добился один, начинает чувствовать свою незаменимость, свое величие, перестает считаться с мнением других. А руководитель потому так и называется, что ведет людей к цели. А если он всех по пути растеряет, если окажется, что за ним никто уже и не идет — какой же это руководитель!.. Но как, как объяснить это Рамазану, как вложить все в его горячую голову и суметь не обидеть?! Этого не знал даже он — умудренный жизнью, один из самых уважаемых в ауле людей... Однако, несмотря на хворь, сразу же засобирався к Рамазану.

— Салам алейкум! — бодро приветствовал он хозяина, переступая порог.

— Ваалейкум салам! — радостно встретил его Рамазан. — Заходи, заходи, дядя Закир.

— Дай, думаю, зайду к председателю, — усаживаясь на тахту, посмеивался старик. — А то давно не виделись — все-то ты занят. Это мое дело стариковское: хочу — иду на работу, хочу — спать ложусь...

— Очень хорошо, что зашел, дядя Закир! — сказал Рамазан, стараясь угадать, с чем пожаловал к нему гость.

Закир покашлял в кулак. Рамазан терпеливо ждал, когда старик заговорит сам, знал, что просто так он не приходит...

— Я слышал, председатель, — начал Закир без всяких предисловий, — что опять ты на себя проклятья людские навлекаешь, а?

— Если бы проклятья убивали, — усмехнулся Рамазан, сразу понявший, о чем пойдет речь, — то никто бы и кинжалов не ковал.

— Не бойсья, значит, проклятий? — не принял его шутливого тона старик. — А ведь от них до кинжалов — только малый шаг. Так люди раньше говорили. Ты только пойми меня правильно, — добавил он, заметив, что Рамазан хочет возразить ему. — Твоя высота — это и моя высота, моя гордость. Твое падение — это и мое падение, моя беда. А ты становишься, как изработавшаяся арба: она чем старше, тем вихлястее у нее след... Ты подожди, подожди, дай сказать мне, потому что, если я тебе сейчас всего не скажу, потом другие скажут, и мне, старику, больно будет. Ты знаешь, я уже свой век прожил, мне ничего не надо. Мечтаю теперь только об одном, чтобы после меня люди жили еще лучше. Может, поэтому мне так хочется тебе помочь. А если мало моей помощи — тебе всегда подаст руку любой из старейших в ауле...

Закир замолчал, собираясь с мыслями, а Рамазан, словно и не догадываясь, куда клонит старик, снова пошутил:

— Вы, пожалуй, посоветуете! Помнишь, как все старики были против переселения сюда, в долину? Руками и ногами держались за насиженное гнездо. И что за радость — дом на доме, все лепились к одной скале, разве сравнишь с тем, что стало теперь? А, Закир-даци? Стало быть, и старейшины не всегда правы? — посмеиваясь, он хлопнул старика по колену.

— А кто не ошибается?— серьезно спросил Закир.— На то мы и люди.

— Да ты не обижайся, дядя Закир! — добродушно сказал Рамазан. — Это я так. Ты же знаешь, я всегда рад твоему совету.

Закир жесткими, загрубевшими от времени и работы пальцами перебирал лохмы на своей папаше.

— Не собираюсь я учить тебя уму-разуму, Рамазан, хочу просто напомнить, что в каждом человеке заложено и добро, и зло. И всю жизнь в нем борются эти два начала. Стоит однажды хоть немного ошибиться, дать послабление злу, не наказать его — и оглянуться не успеешь, как эта злая малость засосет тебя, как болото, начнет душить все доброе и хорошее. Вот о чем тебе надо бы хорошенько подумать!

— Вот странная вещь! — раздраженно стукнул по столу Рамазан. — Все стараешься делать для людей, а они этого не замечают, считают, что так и должно быть. А чуть стоит подойти построже, так сразу все на дыбы: «зазнался», «загордился»! И никто не вспомнит о том добром, что ты для них сделал.

— Вот видишь,— грустно сказал Закир,— опять ты спешишь, опять рубишь плеча. А ведь не дослушал до конца...

Пока Закир прикуривал, в комнате царила тишина. Казалось, что она давит, звенит в ушах. «Как перед боем!» — с нервной усмешкой Рамазан передернул плечами, понял всю нелепость этого сравнения: в добрых глазах старика он смог прочесть только любовь и уважение.

— Ты же знаешь, как я к тебе отношусь,— словно бы услышал его мысли Закир.— Вместе с моим Иманали ты уходил в том проклятом сорок первом... Бедная моя жена! Каждый день она тайком от всех ходила на дорогу, по которой проводили вас на фронт. Люди, видевшие ее там, уже после войны, после того как ты вернулся, рассказывали, что она часами сидела на камне и смотрела вниз. Смотрела и ждала. Она подходила к тропе, по которой последний раз ступали ноги сына, брала горстку земли и подносила к губам. Ты ведь знаешь, что и умерла она там же. Шли женщины с покоса и увидели ее... А сын наш так и не вернулся...

Закир тяжело вздохнул, вспомнил о погасшей сигарете, словно нехотя поднес ее ко рту.

— Ты знаешь, как я к тебе отношусь,— повторил 151

он, вытирая измятым платком глаза.— Но я говорю вот о чем. Чем больше восходов отделяют нас от той военной поры, тем больше люди забывают ту тропу, по которой к нам приходили и горе, и слава, и радость. Зачем нужна какая-то тропа, если теперь есть шоссе?.. А помнишь, как ты пришел? Молодой, бравый — герой, победитель. А помнишь, как, уважая твои раны и твои ордена, джамаат избрал тебя председателем? И ты старался! Вон какой славой в районе, в республике пользуется наш колхоз. И за то, что ты для аула сделал, весь джамаат, сняв папахи, сердечно благодарит тебя. Но, однако, не забыл ли ты, что гнев и злоба отнимают разум, а чванство — уважение людей? А, Рамазан, дорогой?

— Я вроде и сам чувствую, что какая-то дрянь выросла у меня в характере,— раздумчиво, скорее для себя, чем для Закира, сказал председатель. — Вот ты говоришь: гнев, злоба... Но ведь злоба-то у меня к тем, кто камни сталкивает на мою дорогу, кто втыкает на ней шипы,— он вдруг встал и нервно прошелся из угла в угол. Закир внимательно наблюдал за ним. — Вот посуди сам, как бы ты на моем месте поступил с Суракатом?

— Ну уж, во всяком случае не орудовал бы плеткой! — сурово ответил старик.

— Ну, а все-таки? Что бы ты сделал?

— Ну... отдал бы под суд. Если он, конечно, виноват.

— Виноват, виноват, — резко обернулся к нему Рамазан. — Погубил овец да еще решил списать на стихию. Но нет, судить я этого шакала не буду! Я заставлю его работать, да, да, работать! И возмещать убытки. А что толку с того, что его посадят? Только напрасно дармовой хлеб переводить будет. Нет, пусть он здесь, среди своих, трудом оправдает себя. А решетка, если он ее заслужил, от него никуда не уйдет...

Когда накипало на сердце, Рамазан начинал, как заведенный, расхаживать из угла в угол, курить сигареты одну за другой и нервно почесывать родинку на щеке. Этот его жест в шутку называли «сигналом боевой тревоги», и, зная такое, старик терпеливо ждал, когда председатель успокоится.

— Я все размышляю, дядя Закир, разве может быть на свете человек, который работает ради людей, а о них совсем не думает, а? Разве я из корысти председательствую? Ты посмотри вокруг — есть у меня что-нибудь в

доме, что говорило бы о каком-то небывалом достатке, с роскоши?

Старик покачал отрицательно головой.

— А ведь мог бы и я, мог, как делают некоторые, нахапать себе — и жить припеваючи. Да совесть моя не позволяет...

Рамазан осекся, потер ладонью лоб, хотел было в задумчивости потрогать родинку, но удержался.

— Кстати, звонят вчера из райкома, — постепенно успокаиваясь, начал он. — Думаю, для чего я им понадобился, ругать, что ли, будут? Ан нет. У вас, говорят, природа очень красивая, чистый воздух, сосновый бор, ну и тому подобное. И решено, мол, построить в вашем лесу дом отдыха для служащих района.

— Так это хорошо! — оживился старик и подмигнул Рамазану. — Я думаю, ты не прочь там отдохнуть, а? Да и я тоже.

— Не прочь-то я не прочь, да вот скажи мне, пожалуйста, почему они там, в районе, ставили десятки преград, когда я предлагал в нашем лесу выстроить пионерский лагерь? Пока, видите ли, не запланировано. Денег нет. А теперь что, деньги нашлись? Думаешь, они для нас с тобой будут дом отдыха строить?.. Как бы не так!

Закир, громко высморкавшись, недоуменно уставился на Рамазана.

— Да о себе, о своем брате — районном начальстве — пекутся.

— И что же ты им ответил? — напрягся Закир.

Рамазан махнул рукой и вдруг состроил хитрющую мину.

— Что я ответил! Дал, конечно, согласие. Мало того, пообещал помогать всеми доступными мне средствами, чтобы ускорить строительство. Вот еще добьюсь от районных организаций, чтобы тоже помогли...

Огорченный Закир даже крякнул: уж если Рамазану приходится угодничать, плохи, видно, его дела.

— И вот посмотришь, Закир, — весело продолжал Рамазан, — я его построю, этот дом отдыха. Да, да, не качай головой так укоризненно! Выберу самое лучшее место, помогу с материалами, сам подберу строителей, — он подошел к старику и опустился перед ним на корточки. — А когда все закончится, я торжественно передам этот дом... районной пионерской организации. И пусть они попробуют тогда что-нибудь сделать! — он улыбнулся.

ся торжествующе и легко встал во весь свой рост. — Коли по-хорошему не хотят — по-другому добьюсь своего! Только, чур, никому ни слова!

Закир приложил палец к губам в знак того, что будет молчать, одобрительно улыбнулся, покрутив свой резной посошок.

— Так, так, так. Интересно, председатель, интересно. Смотри только, все взвесь, все проверь, а то как бы не получилось, как в той поговорке: грозился, грозился один на гору взойти, да кишка тонка оказалась — пришлось ему со стыда в ущелье спрятаться...

— Пусть другие по ущельям прячутся, дорогой Закир. А мне бояться нечего. Надо будет, так отвечу, не испугаюсь.

— Вот видишь, — усмехнулся старик, — еще до речки не дошел, а уже чарыки снимаешь. Я вот слушал тебя и думал: как много стало в твоей речи всех этих «я», «мой», «мне». А ведь из одного камня крепость не сложишь, из одного челсзека джамаат не соберешь.

Закир видел, что Рамазану не по душе его слова, что ждал он от него совсем другого — похвалы, одобрения. Вон как неприятна ему даже такая маленькая критика. Старик снова вспомнил прошлое. Как поначалу покорила всех доброта Рамазана, его теплое участие, умение быть со всеми ровным, обходительным. Только и разговоров было в селении о том, что наконец-то им повезло с председателем. В районе тоже так считали. Но что знали о нем в районе? Что он хороший хозяин, организатор производства, что он упрям в достижении цели, что не было случая, чтобы он не выполнил взятых обязательств? Остальное не интересовало. Зато уж в родном ауле его знали до самых потрохов...

Закир еще подождал — не будет ли возражений, но председатель, видно, не собирался спорить с уважаемым стариком, и Закир заговорил снова.

— Я вот что еще хочу добавить, — покашливая в кулак, степенно начал он. — Ты не забывай никогда о том, что время — быстротечная река: не успел глаз сомкнуть, а уже вчерашней воды нет, стучится в берега сегодняшняя... Не время должно быть с нами в ладу — мы всегда обязаны быть с ним в согласии... Сам знаешь, веками крутилась над горцем мельница бедности, плугами печали и несчастий пахал он поле своей жизни, а поливал его горючими слезами наших женщин. Однако как трудны ни были времена, все же жил горец только

заботой о хлебе насущном... Теперь не то! И слава аллаху, что я в свои восемьдесят с лишком лет увидел, как переменилась вся наша жизнь. Но ведь теперь, когда не сушит человека страх перед завтрашним днем, когда всего вдоволь, человек хочет и хорошего отношения к себе! Он хочет слышать доброе слово. А от тебя, Рамазан, он особенно ждет мудрого совета... Так-то вот, председатель! — Закир оперся на посошок и решительно встал. — Да, вот еще что. Ты бы разобрался с Суракотом до конца. А то он рассказывает всем, что ты на его Исрапила натравил сына вдовы Чакар...

— Да ну? Так и рассказывает? — нахмурился Рамазан. — А я, поверишь ли, только сегодня узнал, что Наби отлупил эту обезьяну.

— Я-то знаю, что тебе такое и в голову не придет, а люди? Ведь они все что угодно подумать могут...

6

В школьном саду всюду заливались птицы, ветер приносил с реки дыхание прохлады, весело играл листвою.

Давно началась пора экзаменов, но у Наби не было никакого желания заново читать пройденный материал. Поэтому он никак не мог себя заставить смотреть в книгу. А теперь еще Манарша... Наби не выдержал, захлопнул учебник и направился туда, где занималась его любимая.

— Манарша, — останавливаясь за ее спиной, позвал он шепотом. Девушка не шелохнулась. Он позвал чуть громче.

— А? — подняла она голову, ничего не понимая. Увидев Наби, спросила недовольно: — Что тебе?

Наби присел, не решаясь начать разговор.

— Скажи, — не выдержал он наконец, — почему ты последние дни избегаешь меня? Я тебя чем-нибудь обидел? Или сказал что-нибудь не так?

Девушка какое-то время молчала, потом нехотя объяснила:

— Нет, Наби. Просто до отца дошла сплетня, причем очень неприятная.

— От кого?! — взвился Наби. — Сплетня о нас с тобой? Да?

— Будто ты не знаешь! Там, на Верхнем хуторе, Суракот что-то наговорил отцу, — голос ее дрожал.

— Ух, скотина! — заскрежетал зубами парень. Плохо пришлось бы Суракату, окажись он где-нибудь поблизости. Наби готов был на все. Он лихорадочно думал, что же предпринять, и понимал, что сделать что-нибудь уже невозможно: сплетня пущена, теперь злые языки будут молоть ее не один день...

— Ну что ты весь издергался, — остановила его Манарша, — сядь! Если прислушиваться к сплетням, которые распускают дураки, то и самим можно поглупеть! Чем меньше обращаешь на них внимания, тем меньше они липнут к тебе...

— Не знаю, меньше они липнут или больше, знаю только — человека ничто так не ранит, как злое слово.

— Это верно, — задумчиво сказала Манарша. — Вот отец, он места себе не находит. Даже валерьянку пьет! Какие, спрашивает, у вас взаимоотношения? То есть у нас с тобой.

— Манарша! — решительно поднялся Наби. — Чтобы покончить со всей этой чепухой, я пришлю к твоим родителям сватов. Согласна?

Услышав такое, Манарша испугалась, но сделала вид, будто и не слышит этих слов, уткнулась в книгу. «Может быть, я совсем не нужен ей, а я про сватов», — нерешительно думал парень. Он обошел несколько раз вокруг дерева, под которым сидела девушка, но она так и не подняла головы, хотя он мог бы поклясться, что заметил, как краем глаза она следит за ним. Наби отошел было на несколько шагов, но решительно вернулся, сел перед ней на корточки и спросил:

— Ты что, отца боишься?

Манарша не выдержала, в упор посмотрела на парня. Наби показалось, что в ее больших черных глазах он видит столько тепла, столько нежности, что вдруг смутился сам. Какая-то неизъяснимая сила разлилась по всему телу. Вот сейчас он возьмет обнимет ее за плечи, притянет к себе и... поцелует. По крайней мере, не зря хоть сплетни будут ходить по аулу! Наби наклонился к ней, но строгий взгляд девушки остановил парня.

— Ах, Манарша! — едва не застонал он. — Иногда мне кажется, что твои глаза — две далекие-далекие звездочки на ночном небосклоне...

Манарша улыбнулась, и снова он почувствовал неодолимое желание поцеловать любимую.

— Если бы я был волшебником, — сказал он, — я бы

собрал все звезды с неба, сделал бы из них сказочное ожерелье и надел бы тебе на шею.

Слова Наби были приятны, ласкали слух — ведь до сих пор Манарше не довелось слышать ничего подобного... И в то же время терзания новоявленного Ромео (тут она фыркнула, вспомнив, как отделал он Исрапила) не то чтобы смешны были... нет, они почему-то совсем не трогали ее.

— Зачем же мне такое ожерелье? — полушутя спросила она. И тут же лицо ее вновь стало серьезным. — Оставил бы ты в покое и высокое небо, и холодные звезды, и всякое волшебство, а сам спустился бы на землю, к экзаменам!

Наби перелистывал учебник. Но сколько ни пытался, заставить себя читать так и не смог. И Манарше тоже вдруг стали безразличны книги. Эх, если бы на месте Наби был не такой вот обыкновенный парень, одноклассник, а кто-то другой... И этот кто-то начал бы говорить ей про звезды, говорить все те слова, от которых начинает бешено колотиться сердце. Оттолкнула бы она его, промолчала бы? Нет, конечно. Она не сводила бы с него нежного взгляда и шептала бы в полном согласии с сердцем: «Говори, без конца говори, я могу слушать тебя хоть всю жизнь...»

Манарша не понимала, что с ней происходит, какая-то буря всколыхнула ее душу и, словно волна за волной, то поднималась блаженно к самому сердцу, сдавливая его, то опускалась куда-то, рождая чувство бесстрашного полета. О, как хорошо ей дышалось сейчас, какой счастливой она чувствовала себя!

Но в то же время властный голос разума говорил ей совсем другое. Он напомнил ей об отце, о матери, об адате, о том, как сурова молва по отношению к женщине. Дрожь пробежала по всему телу, когда она начала вдруг думать о том, что завтра какой-то мерзавец Исрапил может пустить о ней сплетню еще грязнее. Ведь за ней, за дочерью председателя большого колхоза, вольно или невольно, следят сотни глаз — и добрых, и злых. Что будет тогда с отцом? Даже подумать страшно... А тут Наби, этот мальчишка, говорит: «Сватов пришло!» Смешной...

Налетал откуда-то ветер, прохладным покрывалом касался девушки — ее знобило.

Манарша опускала глаза в книгу, читала одно и то же предложение и раз, и два, но книжные слова не до-

ходили до нее — они сейчас совсем были не нужны ей. Какие уж тут занятия!

Девушка собрала книги, сунула их под мышку, помахала Наби рукой.

— До завтра!

— Ты куда, Манарша! — удивленно привстал со скамьи парень. Ничего не ответив, она пошла между деревьев к выходу из сада, и вскоре ее голубое платье исчезло из виду. «Почему она вдруг так сразу поднялась и ушла? — терзался Наби. — Неужели я чем-то обидел ее? Чем? Своими словами или тем, что был не смел?..»

Манарша удивилась, увидев возле калитки своего дома зеленый «газик». Неподалеку стоял какой-то мужчина, разговаривая с матерью. Он оглянулся, и она узнала в нем председателя райисполкома Салмана. Сердце подсказало ей — этот визит неспроста, сына этого человека уже давно прочили ей в мужья. Кажется, у родителей уже был разговор... Стыдливо опустив глаза, она подошла к матери.

— Вот и Манарша пришла, дорогой Салман! — улыбнулась Райханат.

Председатель райисполкома вежливо поклонился.

— Здравствуй, дядя Салман. С приездом! — поприветствовала его Манарша.

— Здравствуй, наше золотце! — сладко улыбнулся ей Салман и крепко сжал ее тонкую руку. — Смотри ты, как выросла, как окрепла! Теперь матери, поди, хлопот целый короб...

— Да что ты говоришь, Салман, дорогой! — замахала руками Райханат. — Ведь она еще совсем ребенок.

Манарша смутилась и, чтобы отвлечь старших от этой темы, спросила:

— А где отец, мама? Может, надо сбегать за ним? Я сбегаяю?

— Не надо, доченька, — остановила ее Райханат. — Я уже мальчишек за ним послала. А ты лучше приготовь-ка гостю умыться с дороги — принеси воду и тазик.

— Хорошо, мама! — Манарша опрометью бросилась в дом.

Когда подошел Рамазан, уже вовсю шли приготовления к ужину.

— А где же Салман? — крикнул председатель, швыряя на стол свою папку.

Вытирая полотенцем руки, в комнату вошел гость из района.

— Принимай, старина, давнишних друзей! Или не рад?

— Чтобы день без друга не начинался! — засмеялся Рамазан, крепко пожимая руку Салману. — Каким это ветром тебя к нам занесло? Как мать поживает, как твой Анас? Сам как? Все вдовствуешь или уже привел в дом жену, а? — сыпал он вопросами. — Да, брат, давненько я тебя не видел.

— Давненько, давненько... А насчет жены — можешь себе представить, не берет ни одна! — отшучивался гость.

— Вах-вах-вах! — недоверчиво крутил головой Рамазан. — Да можно ли от такого красавца отвернуться?! Ищешь, наверно, плохо. Ничего, приезжай почаще, мы тебе подберем, какую сердцу надо! — он снова отстранился от Салмана, чтобы как следует рассмотреть его. — Ты бы хоть позвонил, что едешь. Как-никак — не простой гость, а председатель райисполкома.

Салман от души рассмеялся.

— С оркестром бы встретил, что ли? Ох, полюбили мы шумиху! Хлебом не корми, дай только что-нибудь этакое устроить, чтобы разговору потом — на целый год!

— Да брось ты, Салман! Я же от чистого сердца. — Рамазан добродушно предложил гостю сесть. — Прошло, прошло то время, когда я старался на виду быть... хотя, знаешь, душа человеческая, наверно, на славу, на почет всегда ненасытна будет. И торжество, и шум — тоже ведь нужны иногда, а? Чтобы вдохновлять людей на новые дела, вкладывать в них новый заряд энергии, бодрости. Или я не прав?

Райханат молча накрывала на стол. За долгие годы жизни с Рамазаном у нее вошло в привычку не мешать разговору мужчин — мало ли о чем они могут говорить друг с другом... Ведь Салман учился в одном институте с Рамазаном; вместе они окончили его и даже в один год женились. Только вот Ханум, что родила Салману единственного сына, умерла вскоре от какой-то страшной болезни... Пытался Салман жениться снова, но каждый раз что-нибудь да мешало — скорее всего его постоянная занятость на работе. А вообще-то Салман был тщеславен: его больше заботила служебная лестница, чем личная жизнь. Дружба этих людей родилась еще в студенческие годы, хотя нередко они ссорились, как

настоящие враги. Рамазан называл друга, не скрывавшего своих мыслей, карьеристом и чинодралом, а тот в ответ считал его человеком, неспособным на настоящие, большие дела, не умеющим подняться выше самой примитивной крестьянской заботы пахать и сеять. И вот теперь один — председатель колхоза, другой — председатель райисполкома.

Стараясь угодить гостю, Райханат поставила на стол все яства, какие только могла найти в доме. Она появлялась и исчезала бесшумно, будто ее и не было во все. Только изредка мужчины роняли слова благодарности хозяйке.

— Это ты правильно подметил, Рамазан, — вернулся к беседе гость, — что душа к славе стремится. Но, однако, глядишь: учился человек, казался гением, а в работе проявил себя самой заурядной личностью. Разве так не бывает?

— Ну, не знаю. Все мы в институте были такими умными... А жизнь — она все на свои места ставит, и все в ней совсем не так гладко и просто, как казалось нам в дни учебы. Разве мы могли знать тогда, что в самые ничтожные, будничные дела придется вкладывать столько ума, энергии, нервов, что времени не останется для той мечты, для тех высоких идей, которыми бредили когда-то? Мечты, мечты... Э, да что там! Летят годы, словно водопад с высокой скалы... Давай-ка лучше выпьем за нашу встречу, — с саркастической усмешкой закончил Рамазан, разливая коньяк.

Салман, слушавший речь хозяина с покровительственным видом, лениво поднял свою рюмку.

— Первую я хотел бы выпить за здоровье и благополучие твоей семьи, — он пробежал глазами по столу, лениво потянулся и взял кусочек брынзы. — Да-а, председатель, — задумчиво сказал он. — Я вижу, погасли твои мечты о высоком.

Рамазан внимательно смотрел в лицо старого друга. Оно казалось привычной маской, которую, как считал сам Салман, он должен носить на людях. Как угодливый человек думает о том, чтобы не сказать чего-нибудь такого, что не понравилось бы начальству, так и Салман заботился о том, чтобы ничего нельзя было понять по его лицу. Он мог, например, одинаково улыбаясь, говорить и с другом, и с самым что ни на есть ненавистным человеком. Люди, дружившие с Салманом, знавшие об этой его манере, не удивлялись, считали, что

председатель райисполкома — хороший дипломат. Рамазан же, прямой и резкий характер которого не терпел всяких недомолвок и ловкачества, что нередко ставило его в весьма щекотливые обстоятельства, не мог принять этой черты характера Салмана. Правда, в студенческие годы ее не было, но, может, потому, что тогда не было и той власти, которой он наделен теперь по долгу службы? Говорят, что Салман может улыбаясь хвалить, улыбаясь наказывать, что он при самой ничтожной зацепке без зазрения совести передает дела в следственные органы, лишь бы не взваливать на себя чужую головную боль. Может быть, он хотел таким путем показать, что умеет быть принципиальным руководителем? Но где тогда граница между подлинной принципиальностью и бюрократическим бездушием? И всякий ли человек сумеет различить эту границу? «Видимо, это всегда было в нем, но особенно заметно стало лишь теперь, когда Салман, можно сказать, во всеоружии» — с грустью думал Рамазан, глядя в пустую рюмку.

— Нет, Салман, — вздохнул он, — не угасли во мне мечты. Просто я теперь несколько иначе смотрю на жизнь. Мечты остались, только жизнь, так сказать, выжала из них молодой сок...

— Сок мечтаний! — самодовольно добавил Салман и расхохотался.

Рамазану стало не по себе: будто вода в большой кастрюле кипит. В этом булькающем смехе ясно слышалось превосходство, упоенность собственной значимостью. Хотелось резко остановить его, но вдруг вспомнив, что Салман — гость, Рамазан стиснул зубы.

— Это хорошо, что ты не удовлетворен собою, — покровительственно начал Салман. — Хорошо. Это значит, что ты сделал еще один шаг к своей цели. Это святые шаги, Рамазан! Вот смотри, я, например, вышел из института самым обычным агрономишкой, а уже... — Он показал большим пальцем на потолок.

— Стало быть, — не выдержал Рамазан, — ты достиг предела своих мечтаний, так, что ли?

Салман, прищурив глаза, посмотрел на него, услышав в голосе хозяина плохо скрываемое раздражение, но тут же привычно заулыбался, по-хозяйски оглядел стол.

— Ну почему же предела? — спросил он. — Я не собираюсь останавливаться на достигнутом... — Он снова

поднял наполненную рюмку. — Пусть свет твоего очага всегда горит на радость усталого путника!

Рамазан заметил и то, как высокомерно Салман держится, и то, как много пьет не закусывая, и то, как самодовольно время от времени поглаживает себя по лоснящимся тугим щекам. «Интересно, зачем он приехал?» — думал Рамазан.

— Ну, как твое хозяйство? — Салман откинулся на спинку стула. — Как поживает ваш экономист Айша?

— Твоими молитвами живы, — буркнул Рамазан, и вдруг его осенило: — Постой, постой, товарищ председатель райисполкома! Теперь я понял, какой ветер пригнал тебя в наши края!

Салман не скрывал своей симпатии к молодой, рано овдовевшей женщине, но истинные взаимоотношения с ней держал в глубокой тайне. Поэтому он сказал без всякого удовольствия:

— Нет, Рамазан, ошибаешься. Я приехал сюда совсем по другим делам.

— Ну а все же, если не секрет? — настаивал хозяин.

— Жалобы поступили, — неопределенно сказал гость.

— На кого? — весь внутренне подобрался Рамазан.

— Ну ясное дело, не на меня же!

— Понимаю, — мрачно уронил Рамазан. И вдруг, быстро наполнив свою рюмку, одним махом выплеснул в себя ее содержимое. — Понимаю. Мог бы, между прочим, и сразу сказать. А то, знаешь, не привык я как-то к дипломатии.

— Вот в этом-то и твоя беда, — наставительно сказал Салман, закуривая. — Вместо того чтобы уговаривать, ты прибегаешь к силе. А насилие, знаешь ли, даже если ты и творишь его на благо людей, вызывает противодействие. Возникают всякие жалобы, заявления... Понял теперь?

Знакомая злая волна поднялась в душе, когда Рамазан смотрел на самодовольно развалившегося однокашника. Чтобы погасить ее, он снова плеснул коньяку одному себе, выпил. По привычке почесал родинку на щеке.

— Знаешь, какая корова больше всех мычит? Которая меньше всех молока дает! — внутри у Рамазана все кипело. — Пусть бы лучше те, кому ты сразу поверил, в работе себя показывали бы. А не бегали бы с жалобами.

— А с чего ты взял, что я кому-то уже поверил?

Вот ты, я вижу, заранее считаешь себя правым, однако, немного зная твой характер, могу предположить, что ты иногда способен топтать чужую душу сапогами...

Ноздри Рамазана побелели от гнева.

— Когда в грязный дом вхожу, обувь не снимаю, товарищ председатель! — шумно отодвинув стул, Рамазан вышел из-за стола. — А потом, знаешь... Не слишком ли много советчиков развелось в нашем мире, а? Ты делаешь дело, а человек, который забыл, когда пальцем о палец ударял, приезжает тебя учить! Конечно, советовать — оно легче, чем делать. Но только я так думаю: когда много каменщиков, стена кривая получается.

Слова хозяина неприятно поразили Салмана. Вот это да-а: какой-то председатель колхоза, пусть это даже и его бывший друг, может вот так, походя, усомниться в его правоте, более того — в его праве указывать, руководить, быть умнее и опытнее?! И потом: с какой это стати он так не сдержан, кто дал ему право разговаривать подобным тоном? Нет, видно, прав автор сигнала...

— Я бы на твоём месте поменьше болтал чепухи, а побольше слушал, — сухо сказал Салман. — И слава, видимо, может ошибиться и окружить своим ореолом не того, кого надо. От этого кое у кого и происходит головокружение от собственного величия и непогрешимости. Вот так-то, дорогой товарищ председатель колхоза!

Но Рамазан, уже решивший было поставить в разговоре точку, не выдержал:

— Воистину говорят люди: хочешь узнать человека, дай ему власть. А власть, видимо, тебе совсем задурманила мозги!

Салман встал следом за хозяином дома, раздумывая, может ли он оставаться под одной крышей с человеком, наговорившим ему столько колкостей, или должен немедленно уйти.

— Между прочим, Рамазан, — не глядя на хозяина застолья, сказал Салман, — мы наделены одинаковой властью, разница только в масштабах. Не думай, что твоя власть и тебя не изменила.

— Как просто рассуждать, сидя в спокойных кабинетах: то, мол, хорошо, а это плохо, — никак не мог успокоиться Рамазан. — Пресекаешь преступление — тебе говорят: так нельзя, не тот метод, наказываешь хапугу — все в один голос начинают кричать о самоуправстве...

— Да ведь на все эти случаи, дорогой друг, — язви-

тельно оборвал его Салман, — есть законы, законы нашей жизни, есть правосудие. А ты почему-то все стремишься заменить их своим кулаком! Никто тебе не позволит этого, прошли те времена!

— Времена-то прошли, — пренебрежительно махнул рукой Рамазан, — да недостатки-то наши живучи! Попробовал бы ты хоть один год походить в моей шкуре. Вот тогда бы ты понял, что иметь дело с людьми земли — совсем не то, что на чистеньком столе бумажки перекладывать. А то много вас указывать, — он снова махнул рукой. — После того как арба сломалась, всегда много желающих порассуждать, что не по той дороге надо бы ехать.

Эти слова, снова остро задевшие самолюбие гостя, положили конец его колебаниям.

— По-моему, ты переходишь опасную черту, — прорычал он.

— Ты сам толкнул меня на это. А теперь уж будь любезен, выслушай все до конца!

— Я вовсе не для того ехал сюда, чтобы выслушивать весь твой бред! — возмутился Салман. — Хотя в каком-то смысле этот разговор был и полезным, придется нам в районе сделать выводы из ограниченности и отсталости твоего мышления.

— Да не пугай ты меня, мне бояться нечего, — снова отмахнулся Рамазан.

— Ну хорошо же! — воскликнул окончательно выведенный из равновесия председатель райисполкома. — У меня здесь и кроме тебя найдутся кунаки, под открытым небом ночевать не буду. Я уйду, и никогда больше не зови меня! Мы еще посмотрим, кто кому нужнее окажется! А за гостеприимство тебе... спасибо...

С силой захлопнулась дверь, и стук ее немного отрезвил Рамазана. Морщась при воспоминании о том, что произошло только что здесь, в этой комнате, он подошел к столу, вылил остатки коньяка в фужер и одним махом выпил. Отчего-то вдруг всплыли в памяти знакомые еще с института стихи великого Хайяма:

Боюсь, что в этот мир мы вновь не попадем
И там своих друзей — за гробом — не найдем...¹

— Да, нехорошо вышло, — сказал сам себе Рамазан. — И в самом деле, что с тобой случилось в послед-

нее время, а, председатель? Что же ты позволяешь разрастаться в своей душе всякому сорняку? Так просто ссоришься с другом?

Тяжелые мысли не оставляли его. Сейчас, в благодатной тишине, никто не мешал ему вновь и вновь вспоминать подробности их разговора.

А в дверях, насмерть перепуганная ссорой, стояла Райханат, тоскливо наблюдая за мужем и не решаясь спросить, что случилось.

7

День в горах пробуждается быстро — едва успеет он стряхнуть остатки ночи, как из-за хребта уже вырываются нетерпеливые лучи щедрого южного солнца. Сверкая в каплях росы, они скатываются по луговым склонам прямо к аулу Орта, а через какой-то час неудержимо рассыпаются по полям и виноградникам, золотят чудным багрянцем сосновые рощи, и смолистый аромат леса смешивается с запахом цветущих трав. Как легко, весело дышится здесь утром!

За долгие годы председательствования Рамазан привык встречать первые лучи солнца в своем рабочем кабинете — с утра и душа бодра и деятельна, и работает хорошо.

Вот и сегодня он пришел пораньше. И едва засел за почту, как за окном вдруг раздался оглушительный выстрел. Рамазан вздрогнул от неожиданности и, чертыхаясь, подошел к окну. Он выглянул во двор, но во дворе все было тихо-мирно: в ленивой дремоте стояла рядами техника, не видно было ни одной живой души, если не считать двух-трех кур, бродивших в поисках пищи.

— Что за дьявольщина, — вслух сказал председатель, еще раз оглядывая двор.

По-прежнему нигде не было видно никаких признаков жизни. Он закрыл окно и снова уселся за стол. Но едва взял в руки какой-то срочный циркуляр из района, как в кабинет влетел весь растерзанный хромой Даниял. Не замечая от возбуждения Рамазана, он схватил трубку висевшего на стене прямого телефона, связывавшего аул Орта с райцентром, и закричал, все еще не видя ни председателя, ни его изумленного лица:

— Алло! Алло! Скорее, милая, — торопил он телефонистку. — Да, да! Мне начальник милиции нужен!

В трубке забулькало, Даниял отстранил ее от уха, посмотрел в удивлении и закричал снова:

— Что?.. Как не работает? Рано? Какое же это рано, если солнце уже из-за горы вышло! — Даниял нехотя повесил трубку и понуро опустил на стул. — О всемогущий, этого только еще не хватало на мою бедную голову! — он зачумленно посмотрел на Рамазана и сказал ему: — Не дай аллах теперь председателю под руку попасть... Тогда и на плечах носить нечего будет!

Рамазану стало смешно от всего этого переполоха, от растерянного вида Данияла, от его слов, которые он бормотал, словно какие-то заклинания. Какое же несчастье свалилось на голову хромого сторожа, что он растерял последний разум?

— Что, Даниял, — спросил Рамазан, догадываясь, что сторож стрелял спросонья, — с самого утра забавляешься?

Даниял вздрогнул, словно окончательно просыпаясь, и рванулся было к двери, но, увидев наконец председателя, снова опустил на стул.

— Ты стрелял? — строго спросил Рамазан, показывая на допотопную берданку, которую сторож судорожно сжимал в руке.

— Аллахом клянусь, товарищ председатель! — заикаясь, залепетал Даниял. — Я не виноват. Стрелял я, а виноват не я, нет! Это трактор во всем виноват, товарищ председатель!

Рамазан вышел из-за стола, подошел к сторожу вплотную. Тот вскочил и в испуге попятился к двери.

— Какой трактор? — ничего не понял председатель и решил пошутить: — Он что, в тебя стрелял, что ли? Ну, чего ты молчишь, объясни толком!

Но бедному Даниялу было не до шуток. Он покорно закивал головой:

— Да, да, товарищ председатель.

— Постой, постой, — осерчал Рамазан. — Что ты трясешь головой, словно баран. Трактор, что ли, взял твое ружье и выстрелил?.. Ты что мне сказки рассказываешь!

— Что? — изумленно переспросил Даниял. — Трактор выстрелил? — чувствовалось, что он окончательно приходит в себя. — Да нет, товарищ председатель, он у меня ружья не брал. Да и как он мог взять, если его уже не было в гараже?

Совершенно сбитый с толку, Рамазан дотронулся до родинки на щеке.

— Как то есть не было в гараже? Ведь трактор на ремонт поставили. Куда, интересно, он мог подеваться?! Ну, что ты все молчишь?

— Украли его, — шепотом пролепетал Даниял. — Украли!

Он стоял, понутив голову, словно нашкодивший мальчик перед строгим учителем и боялся посмотреть на Рамазана.

— А ну-ка, подойди ко мне, дыхни! — приказал председатель. — Не успел ли ты пропустить с утра стакан-другой чего-нибудь... жгучего?

— Валлах! — застонал от обиды сторож. — Клянусь тебе, председатель, даже в ту сторону, где разливают, не смотрел. А ты говоришь — выпил!

— Ну, хорошо, хорошо. Садись, — успокоил его Рамазан. — Однако же трактор — не иголка. Куда же он мог исчезнуть? А потом, ты ведь, конечно, и не думал спать, верно ведь? — ехидно спросил он.

— Ей-богу, не знаю, — снова растерялся Даниял. — Спать вроде не спал, а куда он делся, не знаю! И даже ума не приложу! Главное, никуда ведь не отлучался, все время там, в гараже, спал... То есть, — поправился он, — дежурил.

Рамазан сунул руки в карманы и начал нервно ходить из угла в угол. Даниял знал, что быстро распаляется председатель, потому и сидел тихо, как мышь.

— А этот дурацкий выстрел! — раздраженно бросил Рамазан. — Зачем стрелял-то, если ничего не видел?

— Тут я полностью виноват, председатель, полностью, — Даниял обрадовался, что появилась возможность очернить себя в глазах Рамазана. — Надо же, — бичевал он себя с искренним гневом, — трактор украли! Сломанный! Слыхано ли где такое дело, чтобы трактора из-под носа угоняли?!

— Да, только этого мне теперь и не хватало, — мрачно поддакнул ему Рамазан. — Ты хоть тракториста-то видел? Может, он знает, где трактор?

— Не, он не знает, — замотал головой Даниял. — Это он меня и разбудил: где, говорит, мой трактор. Я смотрю — а трактора нет. Главное дело, никуда не отлучался...

— Хо-орош сторож! — остановился напротив Данияла председатель. — Завтра же тебя на Верхний хутор отправлю, к чабанам. Они тебе там объяснят что к чему...

Даниял покорно принимал все упреки и угрозы председателя, всем своим видом показывая, что он понимает, как тому трудно, и сочувствует ему. Именно это-то больше всего бесило Рамазана.

— Не-ет, с меня хватит! Этого бездельника колхоз как какого-то князька содержит, кормит, поит, одевает, а он вон как отплатил своему аулу, а? Нет, немедленно на Верхний хутор. — Но Даниял только следил за ним полными собачьей преданности глазами и молчал. — Ну, что ты, в рот воды набрал?! Говори что-нибудь!

Даниял пожал плечами и поерзал на стуле. «Вот кричит! — думал он. — Лучше бы уж вывели на годекан, чтобы судил весь джамаат, и то было бы легче. Чего кричать-то?»

— Ну вот что, — терпение Рамазана лопнуло. — Даю тебе час. Если за это время не разыщешь трактор — пеняй на себя!

— Может, из милиции овчарку вызвать? — робко предложил Даниял. — Они знаешь как здорово по следу ходят...

— Еще не хватало, чтобы о твоей дури весь район узнал! — снова взорвался Рамазан. — Ты понял, что я тебе сказал?!

— Да, товарищ председатель, — Даниял встал.

— Тогда сейчас же иди и ищи! — заключил председатель и рукой показал сторожу на дверь.

— Ну что за человек! — схватился за голову председатель, когда Даниял вышмыгнул за порог. Отчего-то ему стало жаль этого немолодого бобыля, всю жизнь покорно исполнявшего приказание большого и маленького начальства. — Невезучий, совсем как я. Хочет сделать что-нибудь путное, а получается все наоборот... И что ни день, то приключения.

Рамазан ходил по комнате. Да, утро, можно сказать, началось прямо-таки с детектива. А старые люди говорят, что беда одна не приходит...

— Не дай бог, если дело до района дойдет, — улыбка скривила лицо Рамазана. — Услышат, что в моем колхозе трактор украли, так подымут на смех, до самой смерти притчей во языцех будешь. Вот тебе, товарищ председатель передового колхоза, еще один урок...

Он облизнул пересохшие губы, налил себе воды из графина, выпил. Вода была теплая, пить ее было неприятно. Барабаня в раздумье пальцами по столу, он услышал скрип открываемой двери.

В его кабинет, с папкой под мышкой, входил Салман. Председатель райисполкома сухо кивнул хозяину кабинета и в нерешительности остановился у стола.

Рамазан тут же встал, сгреб в кучу письма и циркуляры.

— Вот, садись сюда, пожалуйста, я взял нужные мне бумаги. Можешь здесь спокойно делать свои дела.

Салман принял этот жест как должное, сел на место Рамазана и, развязывая папку, будто невзначай обронил:

— О каком спокойствии у тебя может идти речь, если таким грохотом, как утром, будет заполнен весь день? Что там у вас случилось?

Рамазан засмеялся.

— Да это сторож... Задремал и увидел во сне, что парни решили похитить его возлюбленную, — он хотел перевести все в шутку, но по тому, как хмурил брови Салман, как плохо удавалось скрыть собственное смущение, понял, что шутка не удалась. Но все же закончил: — Тут-то он и открыл свою пальбу.

В кабинете повисла тягостная тишина. Ни тот, ни другой не хотел первым перешагнуть преграду обиды, самолюбия, что легла между ними. Наконец Рамазан не выдержал — пересилило чувство старой дружбы.

— Ты бы хоть утром зашел, что ли. Райханат ждала тебя к завтраку...

Салман со значительным видом перекладывал в папке какие-то бумаги, делал вид, что никак не может оторваться, хотя в душе и обрадовался, что Рамазан пошел на попятную.

— Спасибо, председатель, — наконец соизволил Салман поднять голову.

Рамазан улыбнулся виновато — он и в самом деле чувствовал себя неловко перед гостем.

— Ты же знаешь мой характер, — добавил он. И в его голосе Салман услышал раскаяние за вчерашнюю ссору. — Не придавай особого значения тому, что произошло! Ну погорячились немного два старых петуха. Тебе же известно: даже между отцом и сыном, между братьями — и не такое еще случается...

Салман понял эти извиняющиеся слова как просьбу о прощении, как желание Рамазана забыть вчерашний разговор. «Ишь ты, — подумал он. — Между отцом и сыном!»

— Твое упрямство так далеко зашло, что и старому

другу оно в тягость, — важно сказал Салман, а потом с намеком добавил: — Смотри, нелегко подниматься вверх, но проще простого полететь сверху вниз!

До Рамазана не сразу дошли его слова. Но мозг его быстро связал воедино и неожиданный приезд Салмана, и «дело», которое он так многозначительно сейчас перелистывает, и его покровительственный тон. Что ж, выходит, Салман считает, что пришло время его, Рамазана, падения? Желание надерзнуть упивавшемуся своей властью однокашнику просто распирало его.

— Спасибо за умные слова, — сказал он, остановившись у двери. — Если я тебе понадобится, постучи в стену. Я буду здесь, в соседней комнате.

Салман проводил его взглядом, погладил свои тугие щеки и задумался. Каждый раз, когда в его жизни что-то происходило, он мысленно прослеживал всю цепочку событий от начала до конца. Беспокоило его сейчас то, что он после вчерашнего случая никак не мог прийти к какому-то однозначному решению... Рамазан считается его другом. Мало того, они собираются породниться. Его сын Анас имеет виды на Манаршу. Родители однажды познакомили молодых людей, и дочь председателя ему очень понравилась.

Можно, конечно, по старой дружбе ни на что не обращать внимания, сделать вид, что ничего не произошло. Ну хотя бы на какой-то период, до более удобного случая. Но что тогда о нем подумает Райханат, которая наверняка слышала весь его разговор с мужем? Подумает, что он, председатель райисполкома, никакой не мужчина и никакая не власть, а самый обыкновенный тюфяк, человек без принципов, который не способен даже защитить свою честь руководителя...

А что если просто помириться, и все? Протянуть руку дружбы. Ведь человек сейчас в беде, по сравнению с ней вчерашнее — так, мелочь. «А если мелочи, — думал он, — начнут брать верх в человеческих душах, то там для больших дел и места не останется. Будь, Салман, выше мелких обид, и тогда твой авторитет не пострадает!»

Хорошо вот так рассуждать: протяни руку дружбы. А если вдруг всем станет известен вчерашний их разговор? Если Рамазан или его жена разнесут его по аулу, а там и дальше... Как тогда докажешь, что ты проявил снисхождение не из боязни, а?

прервал осторожный стук в дверь. Салман придвинул к себе папку, принял подобающую руководителю позу и пробасил:

— Войдите!

Ступая мягко и пружинисто, словно кошка на охоте, в комнату вошел грузный человек очень странного вида.

— Салам алейкум! Здравствуй, товарищ! — подобострастно поздоровался он. — Суракат меня зовут, — а сам бочком подвигался поближе к столу.

Салман с любопытством разглядывал этого человека. На его груди висели две новенькие медали — «За трудовое отличие» и... «Медаль материнства» второй степени. Салман было опешил от неожиданности, принялся рыться в папке, старательно скрывая усмешку. Наконец нашел письмо Сураката, подтолкнул его на край стола и спросил:

— Я вижу перед собой автора этого письма, не так ли?

— Да, товарищ представитель района! — от усердия Суракат по-солдатски выпятил грудь. — И все, что там написано — сущая правда! Любой колхозник в нашем ауле подтвердит.

Салман притянул заявление к себе, еще раз пробежался по листку, исписанному старательным почерком, и окинул взглядом переминающегося с ноги на ногу посетителя, украшенного медалью материнства. «Смех — смехом, — подумал Салман, — а ведь фрукт тот еще!»

— Да ты садись! — великодушно бросил он и добавил, как бы между прочим: — Ты, дорогой, снял бы эту медаль. Ни к чему тебе ее носить.

Ни тени смущения не появилось на лице Сураката.

— Какая разница, товарищ представитель? Ведь все равно награда пришла в один дом.

— Да ведь ее же только женщинам дают, дорогой!

На Сураката это сообщение никакого впечатления не произвело.

— Ладно, — махнул рукой Салман. — Вернемся к делу. Кто конкретно может подтвердить факты, изложенные в письме?

— Кто? — на мгновение задумался Суракат. — Да хоть наш бухгалтер Нариман подтвердит. Я только хочу добавить: кроме того, что Курбанов кидался на меня с плетью, бил меня, как какой-нибудь хан, он еще говорил одного парня у нас в ауле, чтобы тот напал на

моего сына Исрапила. Издевается над честными труженниками, товарищ представитель, как хочет...

— Что за парень напал на твоего сына? — приготовился записывать Салман.

— Наби его зовут, На-би, — Суракат придвинулся вплотную к столу и зашептал, оглядываясь на дверь: — Я точно знаю, дорогой товарищ представитель, что между этим самым Наби и дочкой Курбанова какие-то шуры-муры... Да-да! — вдохновился он, заметив недоверчивый интерес в глазах Салмана. — У нас в ауле уже все об этом поговаривают. А народ зря говорить не будет, потому как земля слухом полнится.

Сначала Салман хотел было оборвать Сураката — какое это имеет отношение к делу? Да и не понравилось, что какой-то проходимец чернит такое невинное создание, каким показалась ему Манарша. Но он все же слушал этот шепот Сураката, похожий на змеиное шипение, не прерывал его, помня о том, что должен узнать все. Коли приехал разбираться, должен докопаться до самых корней.

— Значит, если я правильно понял, — обстоятельно, как со школьником, вел беседу Салман, — между этим самым Наби и дочкой Рамазана Курбановича что-то есть?

— Да, конечно! Об этом знает каждый ребенок в ауле! — захлебывался от удовольствия Суракат. Помолчав немного, снова начал жаловаться: — Как все это называется, по-вашему? Не спишь, не ешь, отдыха не знаешь, здоровья своего слабого не щадишь — работаешь, трудишься не покладая рук на благо всего родного колхоза... А тут на тебе — такое отношение! Уже мало ему оскорблений — к физической расправе перешел! И ведь мало того, что мне грозит, так сына еще травит! А в чем я виноват, если по совести разобраться? В том, что есть еще на свете ураганный ветер, всякая эта стихия? Все знают, что овцы были жертвой стихийного бедствия! Все! Или что, уже не стало никакой правды, а есть только сила председателя? — Сураката уже трудно было остановить. — Вот он шумел, шумел, Курбанов-то, чтобы переселить аул со скалы вниз, в долину. Люди недовольны были, не хотели переселяться — зачем бросать веками стоявший аул, кладбище предков, привычки? А Курбанов пошел тогда против джамаата, со всем аулом воевал — настоял на своем! И доложил в райисполкоме: люди готовы переезжать, давайте кредит,

давайте материалы. Так? Для чего все это? — Суракат слегка наклонился и заглянул в глаза Салману. — А для того, во-первых, что слава... Никто еще не переселялся, а он, видите ли, уже успел. А во-вторых, когда отпущено много денег, легче и большие махинации крутить. Вот как я вам скажу!

Салман внимательно слушал бригадира чабанов и делал пометки в блокноте.

— Вам что, не нравится жить на новом месте? — как бы между прочим спросил он.

— Мне? — удивился Суракат. — Нет, мне нравится. Но несдержанность этого, с позволения сказать, передовика вывела из терпения уже не только меня, но и всех честных тружеников. Кто дал ему право устанавливать здесь свои, байские, порядки? Или для всех закон один, а для Курбанова государство издало другой? А кроме того...

Суракат вдруг умолк. Его терзали сомнения: представитель района только слушал его, черкал что-то в блокноте, и никак нельзя было угадать — верит он ему или нет. Может, он не с того начал?

Салман терпеливо ждал, когда посетитель снова обратится к своему красноречию.

— Я прошу прощения, — вкрадчиво заговорил наконец Суракат. — Не знаю, как тебя зовут...

— Зовут меня Салман Абакаров, — сдерживая улыбку, ответил представитель райисполкома.

Суракат обомлел. Он никак не ожидал, что перед ним может оказаться сам председатель райисполкома. Он сделал вид, что закашлялся, отвернулся к окну, пытаясь незаметно снять обе медали. Но медали прикреплены были надежно. Тогда, не говоря больше ни слова, Суракат встал и, прикрывая рукой награды, пошел к двери, не переставая кланяться.

Салман поднялся из-за стола, жестом остановил посетителя.

— Мы во всем постараемся разобраться и наказать тех, кто виноват. Кстати, обязательно разберемся объективно и в том, почему погибли овцы, и тогда уже примем решение. Как говорится, каково деяние, таково и воздаяние. Перед законом все равны. Так что мы вас еще вызовем. А сейчас у меня будет одна просьба: разговор этот должен остаться строго между нами, понятно? Это в ваших же интересах. А то пойдут разные слухи... раньше времени...

Суракат еще ничего не успел ответить, как дверь распахнулась и вошел Рамазан.

— Извини, — обратился он к Салману, — у меня тут в столе книга учета, я только заберу ее и уйду.

— Ну, я уйду, товарищ председатель райисполкома, — робко напомнил о себе Суракат и вышмыгнул из кабинета.

— Что, согласишься этой змее? — саркастически кивнул на дверь Рамазан.

— Человек требует справедливости, — пожал плечами Салман. — Почему же мне не выслушать его? Тем более что плеть пускал в дело ты, а не он.

— Да его бы, подлеца такого, по справедливости надо было растоптать на месте!

— Вот-вот, — усмехнулся Салман, — привык топтать-то, так что он — не исключение для тебя... — и снова уткнулся в свои бумаги.

Рамазан оторопело посмотрел на Салмана, собираясь что-то возразить, но тут влетел, скрипя протезом, Даниял, закричал, не обращая внимания на постороннего:

— Нашелся, товарищ председатель! Нашелся!

— Тихо, тихо, — остановил его Рамазан, кивнул на сидящего за столом. — Кто нашелся?

— Трактор, товарищ председатель! — радостно сообщил, понизив голос, Даниял. — Тот самый трактор, который исчез. Он там, на Верхнем хуторе, находится!

— Слушай, братец, у тебя сегодня того... с головой все в порядке? Как он мог туда попасть? На крыльях, что ли, перелетел? Там такая тропа, что на лошади-то еле взбираешься, а тут трактор! Кто хоть тебе сказал?

— Ризван пришел с Верхнего хутора. Он и рассказал. Говорит, пригнал его туда, трактор то есть, этот хулиган Наби. Я давно тебе говорю, председатель: одни неприятности от этого шалопая. Давай, слушай, в милицию заявим, а?

Рамазан улыбнулся. Если и на самом деле все было так, как расписал сторож, радоваться надо, а не в милицию заявлять. Сколько раз заходила на правлении речь о том, чтобы помочь животноводам верхних ферм снабдить их техникой? Но разговоры так и остались разговорами: на верхних фермах все делалось вручную. Для того чтобы загнать туда хотя бы один трактор, надо было сначала провести дорогу. А тут вчерашний

школьник с честью справился со столь нелегким делом и безо всякой дороги!

Рамазан украдкой взглянул на Салмана. Тот делал вид, будто занят важными бумагами. Однако чувствовалось, что он с интересом слушает разговор со сторожем.

— Ты точно знаешь, что трактор там? — еще раз спросил Рамазан.

— Ну, я сам-то, конечно, там не был, — нерешительно сказал Даниял, — я ведь на посту. А вот Ризван говорит, что трактор стоит у них прямо рядом с кошарой. Они уже думают, как туда косилку поднять. По частям, что ли...

— Так-так-так, — задумчиво пробормотал сияющий председатель. — Косилку, значит.

Сначала смысл случившегося не дошел до Салмана, он только понял, что Рамазан рад происшествию. Но сегодня вот уже второй раз произносят имя Наби, и второй раз — с нелестным отзывом. Кто такой этот Наби, в самом деле, и что общего между ним и дочкой Рамазана? Судя по разговорам, это действительно шалопай. Неужели Рамазан согласится выдать за него Манаршу? «Этак мой сын, глядишь, и в самом деле проморгает невесту, — встревожился Салман. — Надо, пока я здесь, как-то закрепить наш сговор».

— Ладно, — сказал Рамазан сторожу, — давай-ка не будем мешать человеку работать.

Даниял, заметив, что высокий гость с интересом смотрит на него, поклонился и выскользнул за дверь. Следом за ним пошел и председатель колхоза.

— Рамазан! — остановил его Салман. — Будь добр, попроси ко мне зайти вашего бухгалтера, Наримана.

— Хорошо... если он никуда не ушел.

Салман размышлял над тем, что ему удалось установить за сегодняшний день. Факта избиения — а его не отрицает и сам Рамазан — уже достаточно для крупных неприятностей. Но эта история требует всестороннего расследования: гибель овцематок — дело нешуточное. Суракатом нужно заняться отдельно. Что же касается обвинений в том, что председатель использует в корыстных целях колхозное добро... Нет, он, Салман, не может в это поверить! Конечно, характер у Рамазана крутой — в этом он и сам уже успел убедиться, но руки у него чистые. Недаром же все в один голос говорят, что он жизнь готов положить за общественное добро.

Ну, а если что и было — кому, как не бухгалтеру, знать об этом. Да и Суракат ссылался на него...

Нариман явился неожиданно быстро.

— Садись, пожалуйста, — усадил его Салман перед собой. — Я вызвал тебя по поводу жалобы бригадира Сураката. Ты, очевидно, уже в курсе?

Нариман кивнул.

— Да, я слышал об этом деле...

— В своей жалобе он пишет, что ваш председатель якобы не чист на руку, пользуется колхозным добром, как своим собственным, и тому подобное. Что ты как бухгалтер можешь сказать?

— Да разве об этом есть в заявлении? — изумленно вырвалось у Наримана, и Салман понял, что бухгалтер по меньшей мере читал заявление до того, как оно было отправлено в район, а может, даже и помогал составлять его. Да, с этим типом следует держать ухо востро!

— Стало быть, ты тут тоже руку приложил? — спросил он бухгалтера в упор.

Нариман, в душе ругая себя за то, что был так неосторожен — не дай бог, если дойдет до Рамазана, что помогал Суракату составлять клязузу! — не выдержал взгляда председателя райисполкома и забормотал:

— Да нет, мне рассказывал что-то Суракат обо всем этом, а я как-то... без внимания оставил. Как-то ни к чему было, не помню даже подробно, что он говорил.

— Это и не важно, — успокоил его Салман. — Ты не ответил на мой первый вопрос. Что ты как бухгалтер можешь сказать о председателе?

— А что говорить? Отличный председатель, — на ходу перестраивался Нариман. — Спроси любого: взял ли он даром хоть спичку в колхозе? Да никогда! Честнее его трудно найти человека. Ну, а что касается характера...

— Спасибо, — прервал его Салман. — Скажи мне теперь, пожалуйста, что за человек автор жалобы, Суракат?

— Суракат? — замялся Нариман. — Как бы это сказать поточнее... Работник как работник. Зоотехникум окончил заочно, в бригаде работает седьмой год. Женат. Что еще? Имеет...

— Достаточно, — снова прервал его Салман, поняв, что ничего для него интересного бухгалтер больше не скажет, и подумал: «Экая хитрая лиса!»

Нариман поднялся со стула, уточнил на всякий случай:

— Я могу идти?

— Да, пожалуйста. — Салман посмотрел бухгалтеру вслед, сожалея о том, что еще не изобрели аппарата, который мог бы показать, что носит человек в своей душе...

8

Давно отзвенел последний звонок, закончились экзамены, позади остался выпускной вечер, а на душе, вместо радостного ожидания перемен, была какая-то непонятная тоска.

Пришедшая после напряженных экзаменов беззаботная пора тяготила Манаршу. Она шла в свое любимое место — в сад, садилась на скамейку под яблоней и здесь, в уютном уголке, читала весь день. Иногда она так увлекалась книгой, что начинала переживать события вместе с их героями, радовалась и горевала вместе с ними, не понимая, в каком мире находится.

Ей нравились книги про любовь. Вот и сейчас легенда о любви простой девушки к холодному красавцу Наргизу целиком захватила ее.

— Манарша! — позвал ее из сказки чей-то шепот. Это стоял у ограды неугомонный воздыхатель Наби. — Манарша, — снова зашептал он. — Я выполнил свое обещание!

— Какое обещание, о чем ты?

Наби самодовольно улыбнулся во весь рот, почесал ногу об ногу.

— Можешь сходить на Верхний хутор и убедиться. Трактор там!

— Да? — сказала она без особого интереса. — Ты меня, наверно, разыгрываешь, туда дороги нет.

— В том-то вся и штука! — обиженно ковыряя ограду, сказал Наби. — Дороги нет, а трактор там! Теперь-то хоть веришь в то, что я ради тебя на все готов?!

— Верю ли я? — осторожно переспросила Манарша и замолчала.

— Хоть бы пригласила меня в сад, что ли, — не выдержал парень. — Ты чем-то недовольна? Может, тебя кто обидел?

— Нет, Наби, — виновато сказала девушка, — но я боюсь, что отец нас увидит вместе...

— Боишься? — он привычно перепрыгнул через ограду и подошел к девушке. В душу Наби вдруг вкралась тревога за Манаршу, пересилившая и страх перед ее отцом, и вообще всякий страх на свете. — Говорят, твой отец дал согласие выдать тебя замуж за сына этого толстяка, — Наби показал движением руки куда-то в сторону, но Манарша отлично поняла его жест.

— Я об этом ничего не знаю и, признаться, знать не хочу, — раздраженно оборвала девушка, но, увидев его опечаленное лицо, смягчилась: — Прости. Не пойму сама, что у меня на душе творится.

Она хотела повернуться и уйти, но вдруг почувствовала, что не может этого сделать, не может просто так оставить Наби одного, грустного, лишенного надежды... Нежно смотрели они друг на друга, и парень вдруг понял, какую боль своим вопросом о замужестве причинил он хрупкому, не умеющему лукавить сердцу девушки. Но он должен, должен был драться за свое счастье! И Наби сказал:

— Значит, тебя отдают неизвестно кому, а ты так равнодушна, будто тебя это вовсе не касается!

— А что я могу сделать? — вспыхнула девушка. — Узнать у отца, что ли, кому он слово дал?

— Как что ты можешь сделать?! — разгорячился Наби. — Хотя бы не оставаться такой безучастной к своей жизни. Ты ведь современная, умная девушка! Неужели сама не можешь решить свою судьбу?

Она, прищурив глаза, улыбнулась Наби и одобрительно кивнула.

— Хорошо, я попробую поговорить с родителями, — прощально махнув рукой, Манарша пошла к дому.

Наби смотрел, как идет она своей легкой походкой, как небрежно помахивает загорелой рукой, как бьются о спину, словно игриво подхлестывая ее, толстые черные косы. Наби, мотнув головой, стряхнул с себя наваждение, перелетел забор и... столкнулся прямо нос к носу с председателем колхоза. Какое-то мгновение оба остолбенело смотрели друг на друга, потом Наби опомнился, рванул было в сторону, но медвежья рука Рамазана поймала его за плечо.

— Вот ты где, детеныш скорпиона! — довольным голосом сказал председатель. — А я-то его целый день ищу! Пошли со мной! — и решительным жестом отец Манарши потянул парня в тот самый двор, который он только что так неудачно покинул. Наби, прекрасно знав-

ший характер председателя, подумал, что дела плохи: Рамазану ничего не стоило и поколотить его. Но что было делать? Парень не сопротивляясь — это было бы совершенно бесполезно — пошел во двор, ощущая на своей спине мощную руку...

Рамазан посадил его под той же яблоней, на ту же скамью, на которой только что сидела Манарша. «Неужели он решил потолковать со мной начистоту, — перепугался парень. — Все, что угодно, только не это, только бы не говорил мне, что ей в мужья предназначен другой...» Сердце его, казалось, готово было выскочить из груди.

Рамазан отошел на несколько шагов, упер руки в бока и встал, разглядывая парня так, словно видел его впервые. «Ну, сейчас начнется!» — решил Наби, боясь даже дышать. А председатель, то ли не зная, с чего начать, то ли нарочно решив помучить его, молчал. Наби уже начало чудиться, что он сидит здесь, под яблоней, целую вечность. А ум его тем временем лихорадочно готовился к схватке.

Вдруг неожиданно для парня Рамазан расхохотался. Да так раскатисто, что Наби в испуге ничего не понимал, только удивленно смотрел на него. Рамазан хохотал, словно и не думал гневаться, словно и не бродила по аулу пущенная Суракатом сплетня...

— Ну-ка, малый, расскажи, как ты умудрился украть трактор под носом у нашего бдительного Данияла да еще и загнать его на верхнюю кошару? — в лице Рамазана было самое живое, мальчишеское любопытство, и тот, кто увидел бы его сейчас, ни за что бы не поверил, что всего несколько минут назад этот же человек был совсем другим — суровым, властным, знающим себе цену хозяином. Не зря, видно, старики говорили, что у их председателя душа переменчивая, как у малого дитяти. — Я уж не говорю о том, что трактор был неисправный, но как ты загнал его туда без дороги?! Ведь это же целых три километра кручи, сам когда-то мерял!

Наби замялся, а председатель торопил его:

— Ну! Рассказывай же! Или, может, это не ты сделал, а? — он снова расхохотался.

— Мы... — нерешительно начал Наби, — мы в школе ведь проходили трактор-то, даже свой пробовали собирать...

— Ну, ну, — не терпелось председателю.

— Я вижу — Данияла нет. Я в гараж, попробовал завести — не работает. Ну, я посмотрел — там и дела-то оказалось на две минуты всего. Завел и поехал. А в лощине — спиралью, или, лучше сказать, зигзагом. В одну сторону, как полагается, передним ходом, в другую — задним. Так и доехал... Рамазан Курбанович! Я готов понести любое наказание, но я же для всех старался! — закончил он горячо.

— Так-так-так,— пробормотал Рамазан, цокая языком. Вот когда тайны-то открываются! Не далее как два дня назад тракторист убеждал его, что трактор испортился безнадежно, что нужны деньги на покупку новых запчастей — ремонт, мол, предстоит нешуточный. Расчет у него, конечно, был верный. И ведь прикарманил бы деньжонок, если бы не этот вот мальчишка. Надо же: птенец, только вчера окончил школу, а вот, поди ж ты,— утер нос специалисту! И потом, какое мастерство нужно, какое бесстрашие, чтобы поднять трактор на три километра вверх по горной тропе! Ну и парень! Как не порадоваться, что не перевелись еще такие отчаянные молодцы. Трактор-то теперь наверху, и на нем чабаны да и пастухи будут делать самые тяжелые работы... — А если бы ты загремел вниз вместе с машиной? — поинтересовался Рамазан, с лица которого все еще не сходила улыбка.

— Я об этом как-то не думал,— повесил голову парень. — Я думал о том, что скажет...

Он вдруг осекся, и Рамазан удивленно вскинул брови:

— Кто скажет?..

Наби клял себя в душе за то, что едва не проговорился. Ведь именно Манарше, дочери этого грозного человека, собирался доказать он, что готов ради нее на все, доказать, что он сильный, смелый, что, если она полюбит его, он совершит любой, самый трудный подвиг.

— Мать, конечно,— нашелся парень. — Ну и, конечно, что скажет председатель колхоза, то есть ты, дядя Рамазан.

— И что, тебе нисколько не страшно было?

— Да нет,— неуверенно сказал Наби.— Вот потом, когда поставил трактор у кошары и обратно пешком пошел, вот тогда страшно стало. Иду и думаю: как это я его по таким кручам провел...

— Ты знаешь, что такое безрассудное геройство? —

нахмурился Рамазан.— Вот то самое, что ты сегодня сделал! А если бы ты трактор погубил, а? Или сорвался бы со скалы, или еще что-нибудь с тобой случилось? Ты подумал о том, с каким лицом я стоял бы перед твоей матерью? Перед всем аулом? Подумал?

Наби отрицательно качал головой, вздыхал покаянно, а душа его ликовала: не о Манарше речь, не о сплетне гнусного Сураката и его губошлепного сыночка! Вдруг он спохватился: а что если Рамазан возьмет да и спросит, какая нужда привела его к этому дому? Не правду же ему говорить — вон его как понесло! Нет, это, видно, тот самый случай, когда лучше уж ложь, которая мирит людей, чем правда, которая их ссорит. Буйная фантазия никогда не подводила Наби. Он придумал, что надо говорить, и, не дожидаясь, когда Рамазан задаст вопрос, сказал виновато:

— Да что уж там, дядя Рамазан. Я свою ошибку осознал. Потому и шел к тебе просить прощения, а тебя дома не оказалось. Хотел уже в контору бежать — а тут и ты!

Слова эти пришлись по душе председателю. Он даже смутился от удовольствия и в задумчивой рассеянности все трогал родинку на щеке. Неожиданно он протянул Наби свою широкую, как лопата, руку.

— Молодец, Наби! Ругал я тебя за дело, а теперь за дело хочу поблагодарить. Спасибо тебе от всей души, и жму твою геройскую лапу! — он крепко сжал руку Наби и с удовольствием потряс ее. — Мы найдем способ поощрить тебя. А пока давай зайдем ко мне.

Наби не понимал, что происходит. Но хозяин уже шел к дому, время от времени оборачиваясь и доброжелательно маня его за собой.

— Эй, кто дома?! — крикнул Рамазан с порога. На голос отца отозвалась Манарша.

— А где мама?

— Не знаю, — Манарша удивленно смотрела то на отца, то на весело улыбающегося Наби. — Наверно, по делам ушла.

— Э! — махнул рукой отец. — По делам, по делам! Ладно, без вас обойдемся, — он отправил дочь обратно и пошел к полкам, уставленным банками со всякими вареньями и соленьями. Достал две литровые банки меда, бухнул на стол.

— Вот тебе — от меня лично! Не медаль, но... Словом, отнесешь домой, обрадуешь мать.

Наби принялся было отнекиваться, хотя гордость за себя самого так и распирала душу. Однако Рамазан и слышать ничего не хотел.

— Ты заслужил большее. Но учти,— потряс он пальцем,— с озорством пора кончать. Мужчина ведь уже! Надеюсь, ты меня понял?!

Наби в волнении кивнул. Рамазан, не давая опомниться, сунул ему банки с медом, и через мгновение юноша уже был на улице.

9

Неожиданное внимание председателя, его щедрость, его теплые слова радовали, конечно, Наби. Но все же, если говорить честно, голова его была занята совсем другим: он вновь и вновь вспоминал свой последний разговор с Манаршой, когда открыл ей свое сердце, попросил разрешения прислать сватов, а она... Она так и не сказала ни «да», ни «нет». Сколько лет они дружат, а девушка ни разу даже намеком не дала ему понять, любит ли.

Он похудел, стал раздражительным, хмурым. И конечно же, добрая Чакар своим материнским сердцем почувствовала, что сыну плохо. После смерти мужа всю нежность она перенесла на сына. Наби был ее единственной радостью, ее опорой, ее надеждой... Она растила его одна. На ее слабые женские плечи легли все заботы по дому, и никто никогда ни единого раза не слышал ее жалоб, ее роптаний на судьбу, как бы ей трудно ни было. Стойко, по-мужски, переносила она все невзгоды, хотя горе до срока состарило эту мужественную горянку.

Родственники Чакар не раз уговаривали ее выйти замуж, чтобы хоть как-то облегчить трудную вдовью судьбу. И она иногда соглашалась с ними, но память о муже прочно вошла в сердце — она любила его до сих пор... Иногда просыпалась среди ночи с бьющимся сердцем — ей снилось, что отец Наби жив, он здесь, рядом, такой заботливый, ласковый... В такие минуты она тихо, по-бабьи, чтобы не разбудить сына, плакала всю ночь...

Глядя на осунувшегося сына, Чакар не раз пыталась выведать тайну, вызывала его на откровенный разговор, просила назвать ей имя девушки, по которой он страдает, с которой пожелал бы пройти по жизни рука

об руку. Как хотелось Чакар видеть сына счастливым! Но каждый раз Наби отшучивался, говорил, что и не девчонки вовсе у него на уме, что с женитьбой он всегда успеет. Но разве обманешь сердце матери? Она вздыхала и терпеливо ждала, когда сын сам расскажет обо всем.

И вот наступил этот день. Отчаявшись и совсем уже не понимая, что ему делать, Наби решил поделиться своим горем с матерью.

— Мам, — преодолевая стеснение, краснея, начал он, — ты меня просила, чтобы я назвал имя девушки...

— Да, сынок, я хотела, чтобы ты сам сказал мне, кто тебе по душе, — обрадовалась мать и с ласковой жалостью посмотрела на измученное лицо сына. — Смотри, какой ты у меня взрослый стал!

Он помолчал, набираясь решимости, и вдруг выпалил на едином дыхании:

— Я не хочу никого, кроме Манарши, я не могу жить без нее, мама! — и, пряча горящее лицо, отвернулся к окну.

— Ой, сыночек, неужели я дожила до твоей свадьбы?! — от радости на ее глазах показались слезы. Она опустилась на стул, вытирая лицо кончиком платка. Вдруг тень сомнения пробежала по ее лицу: — Но ведь Манарша, сынок... Как бы это тебе сказать... Захочет ли Рамазан принять нас?.. По чести ли ему будет такая родня, как мы?

— Не знаю, мама, — закрыл он лицо руками. — Я тебя об одном только прошу: сходи сейчас же к ним, поговори с ее матерью, с тетей Райханат. Если бы ты сумела уговорить ее, я думаю, и Рамазан согласился бы. А, мам?

Когда сын открыл лицо и повернулся, такая мольба была в его глазах, что Чакар, не говоря ни слова, пошла одеваться во все лучшее.

— Сейчас, сыночек, сейчас пойду. Только оденусь и пойду, — сама того не замечая, шептала она.

Сердце женщины взволнованно билось, как когда-то в годы молодости; казалось, ворвался в душу какой-то юный ветерок, разворошил в ней чуть тлеющую надежду. Ей чудилось, что она сразу помолодела на несколько лет, что ушли от нее хвори и черные заботы. Ноги сами несли вдову к дому Рамазана, и всю дорогу она радостно улыбалась, шепча какие-то слова, пред-

ставляя, как в ее доме зазвучит свадебный голос зурны.

— Гостью примешь, хозяйка? — весело спросила Чакар, ступая на порог.

— Валлах! — обрадованно отозвалась Райханат. — Конечно же, заходи! Дом без гостя — все равно что день без солнца! — женским чутьем она сразу же поняла, что за нужда привела в ее дом столь редкую гостью. — Как здоровье твое, дорогая Чакар?

— Ох, и не говори, Райханат, — привычно вздохнула Чакар, хотя и следа хворей не было сейчас в ее теле. — Цену здоровью узнаешь лишь тогда, когда сам болеешь, — гостя села на стул, предложенный хозяйкой, вздохнула, не зная, как лучше начать трудный разговор. — Как вы-то поживаете? Как Рамазан? Как ты? Дочка ваша?

— А что Рамазан, — засмеялась Райханат. — Рамазан у нас теперь в правлении прописан, сестрица. Уходит раньше петухов, возвращается чуть ли не за полночь, — и чтобы проверить свою догадку, бросила словно невзначай: — Вот сегодня, на твое счастье, придет пораньше. Так что ты посиди, не торопись.

— Да я ведь не к нему, — отмахнулась Чакар, обрадованная тем, что хозяина нет дома и они с Райханат поговорят наедине. — Я ведь к тебе пришла. Женщины, знаешь ли, быстрее понимают друг друга, чем мужчины.

— Ко мне? — переспросила хозяйка, по-прежнему не показывая, что догадалась о цели ее прихода. — Ну, тогда я сейчас.

Райханат вышла.

Давно Чакар не была у председателя. Она с интересом оглядывалась вокруг и отмечала, что хотя и много годков прошло, а в доме этом все осталось по-прежнему. Разве только вот этот книжный шкаф да новый диван прибавились. А кое-кто болтает, что у Рамазана дом от богатства ломится... Размышления госты прервала Райханат, вошедшая с подносом, уставленным вазочками с конфетами, печеньем и восточными сладостями.

— Даже не знаю, чем тебя угостить, — сказала извиняясь хозяйка. — Отведай, милая, хоть этой малости.

Чакар чинно взяла конфету, неторопливо развернула ее.

— Жизнь наша, дорогая сестрица, — начала она издаля, — похожа на падающий с горы камень. Катится и

катится без остановок, пока не долетит до самого дна ущелья. Не успеешь оглянуться, а голова уж побелела и дети стали взрослыми...

— Да, да,— вздохнула Райханат,— правда твоя, Чакар.

— Я вот помню день своей свадьбы, будто он только вчера был,— продолжала Чакар,— а в сердце уж вовсю осень стучится. Как ни грустно, но ничего с этим не поделаешь: одним настает время уходить, а другим только-только подходит пора цветения, как твоей Манарше, например. Уж такая она у тебя красавица, тьфу, тьфу, чтоб не сглазить,— поплевала гостя за левое плечо.

— Да что ты, Чакар,— не скрывая радости от таких слов, возразила Райханат.— Она у меня совсем еще ребенок.

— Не скромничай, не скромничай, сестрица! — сказала гостя, внимательно наблюдая за Райханат.— Манарша у вас как цветочек. Так быстро расцвела, что самое время обзавестись ей надежной опорой,— Чакар снова посмотрела на Райханат. Та, опустив ресницы, катала по столу клочок конфетной обертки.— Моего Наби ты, наверно, знаешь. Его в ауле кое-кто хулиганом считает, но, поверь, он в душе очень добрый и ласковый мальчик. А блажь ребячья пройдет...

Райханат оставила конфетную бумажку, подняла глаза и, улыбнувшись госте, сказала неожиданно:

— Я знала, соседка, что этот день наступит и ты придешь ко мне.

Чакар, ничего не понимая, вопросительно посмотрела на нее.

— Будь добра,— сказала она смущенно,— объясни мне, пожалуйста, откуда тебе стали известны мои мысли? Клянусь тебе святым небом, я ни с одной живой душой на свете об этом не толковала.

— Не тревожься, сестрица,— успокоила ее Райханат.— Никто мне ничего не говорил, просто я однажды здесь, в нашем саду, невольно подслушала разговор детей.

Не в обычаях гор, чтобы парень и девушка беседовали о чем-то наедине — так и позор, и беду можно накликать, и Чакар, поджав губы, нервно теребила кончик шали.

— Да ты успокойся, успокойся, сестрица,— ласково приговаривала хозяйка дома,— ничего страшного не произошло. Просто я слышала, какие прекрасные слова го-

ворил Наби. Как сказали бы во времена наших дедов, парень будто язык в сердце макал.

— Да, да,— закивала головой Чакар.— Спать толком не спит, есть не ест — сохнет, бедняжка, прямо на глазах...

Все, что полагается в таком случае, было сказано. Обе молчали, и каждая думала о своем. Райханат решила не отвечать ни «да» ни «нет». Она-то сама и рада бы, но как на это посмотрит Рамазан?

— Что ж тебе сказать, сестрица,— нерешительно начала она.— Какая мать не желает добра своему ребенку? Я была бы счастлива, если бы нашла счастье моя Манарша. Но Рамазан... Он не торопится, хочет, чтобы девочка не думала о замужестве до окончания института.

— Так одно же другому не помешает,— обрадовалась Чакар.— Пусть оба вместе и дальше учатся. Вдвоем-то им легче будет, да и ты спокойна будешь за дочь. А Рамазана, наверно, можно уговорить — мужчина ведь чаще всего советами жены живет...

— Э, Рамазан не из таких! — улыбнулась Райханат.— Да и Манарша, знаешь ли... Я как-то попыталась с ней поговорить по душам, так она ничего определенного мне не сказала. Ее-то ведь тоже надо бы спросить, а?

— Да разве в таком возрасте девушка признается в том, что у нее на душе,— замахала руками гостья.— Вспомни-ка себя! Разве бы ты созналась, что сгораешь в пламени любви?!

— Я понимаю тебя, дорогая,— мягко улыбнулась ей Райханат.— Понимаю и, чем сумею, помогу нашим детям.

— Спасибо! — прижала руки к груди Чакар.— Большое тебе спасибо, золотце, за такие твои согревающие слова! — она словно боялась, как бы Райханат не передумала.— Дай аллах тебе здоровья, сестрица,— горячо и торопливо благодарила мать Наби,— дай аллах, чтобы никогда твой очаг не посещало горе.

— Спасибо тебе за добрые пожелания.

Все так же прижимая руки к груди, Чакар пошла к двери.

Гордые значительностью своей беседы, матери уже торжественно прощались друг с другом, когда появился мрачный, тяжело шаркающий ногами Рамазан. Чакар неловко шагнула в сторону, испуганно уступая ему дорогу.

— А-а,— ничуть не удивился он,— это ты, Чакар. Здравствуй, соседка,— председатель тяжело опустился на стул, достал сигарету, долго в задумчивости мямл

ее.— Ты, вероятно, насчет премии? — все так же мрачно спросил он растерявшуюся женщину.

Вдова не ведала ни о какой премии, не знала, что отвечать председателю. Не объяснять же ему, в самом деле, что она пришла просить руки Манарши? Но молчать было нельзя. И Чакар ответила, как в омут бросилась:

— Да, председатель.

— Пусть он сам идет к Нариману. Тот в курсе дела и выдаст твоему Наби сегодня же эти самые сто рублей. Поняла?

Ее разбирало любопытство, хотелось спросить, за что сыну выдана такая большая премия — вроде он в колхозе и дня еще не проработал. Но она все же сдержалась, боясь ненароком выдать себя. Узнает что к чему у самого Наби!

— Спасибо тебе, Рамазан-джан. Дай тебе аллах здоровья!.. Так я пойду, дорогая,— обратилась она снова к Райханат.— И, довольная своими успехами, вдова поспешила уйти из председательского дома.

Райханат обеспокоенно подошла к мужу, но Рамазан, не замечая ее участливого взгляда, тяжело вздохнул.

— Ты что такой угрюмый? — ласково спросила жена.— Случилось что-нибудь?

— Ничего... устал немного,— сказал он, прикладывая к щеке ее руку.— Почему так получается: кто-то и орехи без шума колет, а у меня даже вата трещит! Почему, а?

Райханат погладила его седеющую голову.

— Стареем мы с тобой, отец, стареем, и ничего с этим не поделаешь!

— Что после лета бывает осень, это я знаю,— с оттенком грусти сказал Рамазан.— Но что она так быстро скрутит меня, об этом я не то чтоб не догадывался, поверить не мог!

Райханат продолжала нежно гладить его седины.

— Сам, наверно, виноват,— как можно мягче сказала она.— Ты вот не замечаешь, какой у тебя стал крутой характер, а я все вижу — жена все-таки. Ты уже привык: прав, не прав — все равно стучишь кулаком, требуешь, чтобы тебе повиновались безоговорочно... Не от этого ли трещит твоя вата?

Рамазан отстранил руку жены, с любопытством посмотрел на нее: с чего бы ей быть такой разговорчивой сегодня, но промолчал.

— Попробуй сдерживать себя, попробуй,— Райханат снова коснулась седых волос мужа.— Ну что ты все вспы-

хиваешь, как спичка? Одолей себя — ведь ты же можешь!

Рамазан нехотя улыбнулся и своими огромными ладонями устало провел по обветренному лицу.

— Говорят, судьба отмеряет каждому и время, и дела,— задумчиво сказал он.— Не знаю, то ли кончилось уже все, что было мне отпущено, то ли я просто-напросто устал от житейских круч. Мне порой кажется, я сам себя уже перестаю понимать...

Райханат прильнула к нему, обрадованная таким нечастым в их доме откровенным разговором. Нежная жалость к мужу переполнила ее сердце.

— Давай все бросим к чертям собачьим,— ожил вдруг он,— и уедем в город? Будем жить спокойно, а?

— Нет, так я не хотела бы,— задумалась она.— Это будет похоже на постыдное бегство. Только ты, пожалуйста, не думай, что мне нравится твоя председательская должность и что я люблю тебя только за это. Я люблю тебя самого, Рамазан!

— Моя должность — одно беспокойство, хотя некоторые считают, будто я люблю эту работу ради того только, что могу диктовать людям свою волю, превращать в закон беспрекословное подчинение себе. Не знаю, не знаю!.. Я прежде всего стремлюсь быть искренним в отношениях с людьми, быть справедливым. Как у меня это получается — другое дело, но я горжусь тем, что ни разу не покривил душой, ни разу не пошел против совести.

— Это все верно, Рамазан, я это знаю. Да и все знают. Но разве же заслуги, талант дают право оскорблять, унижать другого? Дают право быть надменным с человеком, который ниже тебя по службе?

Райханат вздрогнула, услышав, с какой ненавистью закрипел зубами муж, очевидно вспоминая что-то.

— Ох, эти языки! Не зря ведь говорится, что они схожи с кинжалом! Повыдергал бы их все безо всякой жалости!.. И этот Салман тоже хорош — уши развесил, всех выслушивает. Сплетня не сплетня — слушает, никого не пропускает...

Он говорил это с такой злобой, с такой горечью, что Райханат забеспокоилась.

— Скажи мне все-таки, что случилось? Почему ты не поделишься со мной?

Не в натуре Рамазана было жаловаться, но сегодня он не удержался.

— Решили, видишь ли, мой характер на собрании обсуждать. Кое-кто, наверно, думает, что пришла пора сковырнуть Рамазана. Однако посмотрим, дорогой Салман, что у тебя из этого получится!

Тревога за мужа еще сильнее охватила Райханат, она поняла, что трещина между ним и председателем райисполкома увеличивается все больше и больше.

— Рамазан, дорогой! Ты думаешь, что в истории с Суракатом ты прав?

— Я совсем так не думаю! — буркнул Рамазан. — У меня тоже, как у всякого нормального человека, уйма недостатков. Я знаю — я груб, я вспыльчив, но я стараюсь сдерживать себя. Что поделаешь, если не всегда это удастся... Бывает, нет-нет да и сорвешься. Как в этой истории с мерзавцем Суракатом... Нервы не выдержали!.. А что теперь исправишь?

— Как что? — ухватила за последние его слова Райханат. — Вот будет собрание, выйди и объясни людям, покайся перед всеми...

— Покаяться?! — Рамазан стукнул кулаком по столу. — Перед кем? Перед Салманом? Человеком, который ради корысти может и отца родного отправить на скамью подсудимых? Или, может, перед этим проходимцем Суракатом?

• — Ну, хорошо, хорошо! Зачем тогда ты возишься и с этим Суракатом, и с Нариманом? Кто выдвигал их, не ты разве?

— Что ты предлагаешь? Выгнать их из колхоза? Чтобы они еще больше напакостили где-нибудь в другом месте? Нет уж, я из них сделаю людей!

— Вот-вот! Плетью! — усмехнулась Райханат.

— Зачем плетью! — растерялся Рамазан. — Они ведь не дураки. Башковитые, способные. Видала, как сварила голова у Сураката насчет овец? Ведь до такого додуматься надо!..

— Правильно, они башковитые, ты будешь делать из них людей. А если в конце концов у тебя ничего не получится?

— Тогда грош мне цена как руководителю...

Райханат видела, что мужу больше не хочется продолжать этот нелегкий разговор.

Рамазан вышел в сад и, устало опустившись на скамейку под яблоней, закурил.

— Ты знаешь, зачем Чакар приходила? — Рамазан от неожиданности даже вздрогнул: жена подошла сзади и

обняла его, жалея — такого большого, сильного и такого беспомощного сейчас.

— Она же сказала — за премией.

— И не угадал! — рассмеялась Райханат, думая, что разговор о предстоящем сватовстве заинтересует мужа. — А еще говоришь, что лучше всех разбираешься в людях.

Рамазан удивленно вскинул брови и, ничего не понимая, пожал плечами.

— Эх ты, голова!.. Она приходила насчет нашей Манарши, — лукаво улыбнулась Райханат. — Не знаю, как ты, а я считаю, что неплохой парень ее Наби...

Рамазан, расцепив ее руки, решительно встал.

— Нет, Райханат! Давай сразу же кончим этот разговор, чтобы больше к нему не возвращаться. Я уже дал слово другому человеку.

— Но сама девочка... — попробовала было возражать жена, однако Рамазан решительно оборвал ее:

— И вообще Наби ей не пара! Все, хватит!

Райханат замолчала и, обиженная, ушла в дом.

...Нескончаемые раздумья непрерывно терзали Рамазана, то облегчая душу, то снова бросая ее в объятия новых опасений и тревог. Конечно, он должен быть наказан, что тут говорить. Но разве нельзя это сделать как-то... как-то поделикатнее, что ли? Салман посоветовал членам партбюро провести партийное собрание. Это только так говорится — «посоветовал». Кто же ему, Салману, станет перечить? Но почему бы ему, старому другу, не подумать о том, как тяжело будет Рамазану на этом собрании?..

С тяжелыми мыслями стоял Рамазан у калитки и смотрел в ту сторону, где поднималась горная гряда, похожая сейчас на творение каких-то исполинских разумных существ.

10

Собрание, созванное по совету Салмана, проходило бурно, желающих выступить оказалось много. Рамазан даже глаз поднять не мог — так ему трудно было, так больно. Ведь если говорить честно, уж и не помнит он, когда критиковали-то его по-настоящему. Все похвалы выслушивал — и от колхозников, и от районного начальства...

Вот один взял слово, второй, третий. Рамазану поначалу казалось, что выступающие с каким-то злорадством

стремятся выложить все, что они думают о нем, о его вспыльчивости, грубости, потом, немного успокаиваясь, думал мрачно: «Если так будут говорить все — значит, правы люди... Отвечай, Рамазан, за свои грехи...» Он равнодушно смотрел даже на то, как наливается самодовольной радостью бухгалтер Наримат, как весело перешептывается он о чем-то с соседом...

Вдруг слово взяла экономист Айша.

— Разговор наш, судя по всему, назрел давно. Я думаю, председатель извлечет для себя много пользы из справедливых и горьких слов, сказанных здесь выступавшими товарищами. Мне только кажется странным, что, разбирая сейчас поступок Рамазана Курбановича, мы как-то, вольно или невольно, обходим молчанием тот вопиющий факт, что действия председателя были вызваны причиной совершенно конкретной — омерзительным преступлением бригадира Сураката. Этот человек, по сути дела, захотел обмануть, обворовать всех нас. Безусловно, поступок Рамазана Курбановича достоин самого сурового порицания — заниматься рукоприкладством недостойно коммуниста, руководителя! Но разве же кто-то снимал с бригадира ответственность за погубленных колхозных овец? Я считаю, что дело бригадира Сураката надо немедленно передать в следственные органы. При вынесении же решения о поведении председателя, мне думается, нам всем надо принять во внимание то обстоятельство, что Рамазан Курбанович вступился за колхозное добро. Все мы знаем, как болеет он за колхоз, за наше общее дело, как тяжело переживает каждую неудачу, как радуется каждому, пусть даже самому небольшому, успеху колхоза. Думаю, здесь трудно что-либо возразить.

Айша села, почувствовав на себе пристальный взгляд Салмана. Какое-то мгновение в зале было тихо-тихо. И вдруг всех словно прорвало: «Разрешите мне!», «Прошу слова!»

— Пожалуйста, Юнус,— остановил всех жестом председательствующий.

Чабан встал, нерешительно помял в руках лохматую папаху, посмотрел, куда бы ее положить, и, не найдя места, нахлобучил на голову. Послышались смешки.

— Вот я сидел здесь, слушал все, что говорили, и думал: как так получилось, что до сих пор Суракат ходит в именинниках, считает себя невинно обиженным... Я хочу спросить: как так получилось, что он помнит о нанесенной ему обиде и совсем забыл о том, что совершил

преступление? Откуда взялась уверенность, что все сойдет ему с рук? Не нужно ли было всем нам, в том числе и Рамазану Курбановичу, проявить настоящую принципиальность? Вспомнил я одну притчу о веселом Насреддине. Украл у него как-то шапку, а он кинулся на кладбище. Сидит там, ждет вора. Ему говорят: «Чего ты здесь сидишь, вор-то ведь совсем в другую сторону побежал!» «Э,— отвечает Насреддин,— пускай его бегаёт, а я здесь подожду. Все равно ему рано или поздно придется сюда попасть...» Вот так же и мы, что ли, как Насреддин, будем ждать?.. Этот Суракат нам этак всех овец переведет и свалит убытки на стихийное бедствие! Правильно говорила Айша — надо передать дело в следственные органы.

— Круто берешь, Юнус! — крикнул с места Нариман. — Не забывай, что каждая палка о двух концах бывает!

— Круто?! — сощурился Юнус. — Меня пугать нечего. Я по кручам вот уже треть века хожу, Нариман, и ничего — жив!

— Я и не пугаю тебя! — визжал Нариман. — А только странно получается: один попал в беду — вы его осуждаете; другой видит главную доблесть в том, чтобы над людьми измываться, а ты, Юнус, не находишь даже слова для его осуждения. Где тут принципиальность, я тебя спрашиваю, где справедливость?!

Салман внимательно прислушивался к перепалке, стараясь не упустить даже мелочи. Да, нет никаких сомнений в том, что Рамазана здесь любят. И с Суракатом все ясно — это человек без чести, без совести. И, скорее всего, права Айша, так резко заострившая на этом внимание. Он еще раз пристально посмотрел на Айшу и вздохнул украдкой: красивая, ничего не скажешь, а почему-то не хватает у него, Салмана, решимости назвать ее женой... Мысли его прервал глухой бас Рамазана:

— Товарищи, я бы воздержался от передачи дела Сураката в следственные органы. Я считаю, что мы должны заставить его не покладая рук работать в колхозе, честно жить для того общества, которое он бесстыдно обманывал, которое собирался превратить в дойную корову...

— А чего тянуть! — раздались возмущенные крики. — Сегодня несколько овец, завтра несколько, так, глядишь, весь скот погубит!

«В самом деле,— думал Салман,— почему, если Суракат и вправду виновен, Рамазан оберегает его от су-

да? Почему? Действительно хочет перевоспитать вора, заставить его работать на колхоз? Или тут что-то другое? Может быть, он боится, что его рукоприкладство получит слишком широкую огласку?» Он решительно поднялся со своего места за столом президиума.

— Разрешите мне сказать,— Салман еще раз внимательно оглядел собравшихся. Простые, обветренные лица крестьян. Они ждут его совета, его мудрого решения. Они, конечно, горой за своего председателя. И вряд ли им придется по душе то, что он собирается сейчас сказать. Но и не сказать этого нельзя: еще не известно, как отнесутся ко всей этой истории там, наверху, когда он доложит о результатах своей поездки.

— Мне кажется, что собрание несколько отклонилось в сторону. Речь у нас должна идти не о бригадире чабанов, как тут верно было сказано, с ним разберутся следственные органы. Речь у нас должна идти о тягчайшем проступке коммуниста Курбанова. Давайте подумаем вместе: вправе ли он после всего, что произошло, занимать свой высокий пост?..

И тут нервы Рамазана не выдержали.

— Хорошо,— сказал он, тяжело поднимаясь.— Если собрание сочтет нужным, я сегодня же сдам все дела.

И, не обращая внимания на попытки Салмана удержать его, ничего не видя перед собой, он покинул собрание.

Не зная, что делать дальше, Рамазан бесцельно слонялся по дому, ждал чего-то. Вот сейчас пришлют кого-нибудь из правления, попросят его вернуться назад. Или явится сам Салман: «Прости, брат, не хотел я тебя обижать...»

Но никто не шел. Рамазан сложил в стопку папки с колхозными ведомостями, которые, как нередко случалось, оказались у него дома. Придавил их сверху колхозной печатью. Тоже непорядок — печать должна быть в сейфе. Но за столько-то лет привык он носить ее в кармане. Он провел пальцем по лоснящейся деревянной ручке печати. Такая чепуховина — деревяшка, кусочек металла, а символизирует власть, возможность распоряжаться тысячами рублей, строить дома, покупать машины, скот, выдавать людям зарплату...

— Можно войти? — услышал он вдруг за спиной знакомый голос и, стиснув челюсти, нехотя обернулся. В две-

рях с папкой под мышкой стоял Салман. Гнев снова закипел в Рамазане.

— Конечно же, конечно, Салман,— радостно засуетилась Райханат, подвигая стул.

— Райханат! — остановил жену хозяин дома и повернулся к Салману.— Мы, знаешь ли, сегодня гостей не приглашали. Или я ошибся, и ты пришел не как гость? Если ты за колхозной печатью — вон она, на столе.

Райханат, давно уже изучившая мужа, понимала, что Рамазан через силу заставляет себя бросать Салману все эти язвительные слова. Понимал это и сам гость и обижаться не спешил: во-первых, его теперь мало беспокоил Рамазан — с ним уже все ясно. Его привела сюда судьба собственного сына. Поэтому Салман сказал, мирно усмехнувшись:

— Не выгонишь же ты меня, раз уж я пришел! И кончай, пожалуйста, городить всякую чепуху насчет печати. Ведешь себя, как мальчишка! Да, я вник во все тонкости твоей председательской деятельности, узнал мнение многих колхозников о тебе... Да-да, не смотри на меня так! Я должен был это сделать. И вот теперь, проверив все, я могу судить объективно...

— Ты проверял его работу? — подняла брови Райханат.— Разве ты только ради этого приехал сюда? — в голосе ее слышалась неподдельная горечь.— Или вся его работа ломаного гроша не стоит?

— Еще раз говорю,— спокойно повторил Салман.— Я должен был сделать все как надо. И хорошо, что прислали именно меня, а не кого-нибудь еще. И видишь — я не уехал в райцентр принимать меры, как сделал бы на моем месте посторонний, а сразу после собрания, с которого ты сбежал, как заяц, я пришел с открытым сердцем прямо к тебе!

— И ты еще смеешь входить в мой дом?! — не желая больше слушать, прорычал Рамазан.

— Рамазан,— спокойно ответил гость, усаживаясь на стул.— Ты должен понять, что горячность всегда была плохой советчицей в делах. Успокойся, пожалуйста, и выслушай меня, потому что я хочу тебе только добра.

Как ни в чем не бывало он положил папку с бумагами на стол, вытянул ноги и с улыбкой обратился к Райханат:

— Хочу, чтобы вы сразу поняли: я здесь не за тем, чтобы оправдываться... Я пришел совсем за другим...

194 — Какая нужда привела тебя в мой дом? Если ты

собрался выражать соболезнования, можешь не трудиться! — нисколько не смягчившись, прервал его Рамазан.

— Твоя правда, Рамазан, от соболезнований легче слуху, но не сердцу,— устало вздохнул гость и полез за сигаретами.

Свободно откинувшись на стуле, Салман будто невзначай взял в руки колхозную печать.

— Я думаю, сегодняшнее собрание тебя кое-чему должно научить. Ты был прав, не прощая мошенничества, но не прав в своих действиях.

Рамазан, словно замороженный, смотрел на свою печать.

— События в нашей жизни, бывает, происходят мгновенно,— угрюмо ответил он.— И много ли людей может похвастаться тем, что принимают в этот момент самые правильные решения?

— Правильные решения те, которые справедливы,— отпарировал Салман.— А уж тут-то — быть справедливым с людьми или не быть — зависит от нас самих. Верно? Да не смотрите же вы на меня так оба! Садитесь, ради аллаха,— решительным жестом он отодвинул лежащую на столе печать.— Жаль, что ты не остался до конца, много полезного услышал бы... И не считай меня заклятым врагом, я только исполнил свой долг. Суракат этот, конечно, подлец, с ним будет особый разговор, но и тебя за характерец твой по головке не погладишь.

— А я и не прошу гладить меня по головке! — петушился Рамазан.— Таким я родился, таким, уж видно, и помру.

— При чем тут — родился?! — не соглашался Салман.— Ты что, разве всегда таким был?.. Да-а, характер у тебя за последние годы совсем переменялся, притупилось, что ли, чувство ответственности за свои поступки? Привык в героях ходить! Люди, люди — вот о ком надо думать в первую очередь! Вот мерило всех достоинств и недостатков нашей работы, вот кто наш лучший советчик и помощник.

— Это все прописные истины,— стараясь не глядеть на гостя, возразил Рамазан.— Говорить красиво мы все научились, но между тем, что мы говорим и что делаем, иногда бывает большая разница...

Районного гостя уже тяготил этот разговор, бесконечный, нервный и в общем-то уже изрядно надоевший. Видимо, Рамазан давно все сам понял, прочувствовал, а хо-

рохорится. Времени у Салмана оставалось немного, а разговор о женитьбе сына еще не начинался.

— Райханат! — решительно сказал он вдруг. — Не дашь ли ты нам с мужем перекусить, а? Да и от рюмки чего-нибудь согревающего я бы тоже не отказался. Как ты, Рамазан?

Райханат кинула быстрый взгляд на мужа и встала.

— С радостью угощу вас.

Она бесшумно вышла на кухню, и в комнате наступила тишина. Салман снова взял в руки печать, повертел ее, поставил.

— Какое решение примет райком, я пока сказать не могу. Но для меня совершенно ясно, что колхоз остается на тебе. Ты понял, Рамазан?

Рамазан ничего не ответил.

— Срочно быт чабанов улучшать надо, председатель! — хлопнул его по спине Салман.

Рамазан повел плечом от этого прикосновения и сказал уже примирительно:

— Строители подводят. У чабанов дома запроектированы не хуже, чем здесь, в ауле...

Салман был доволен — хозяин понемногу оттаивал. Взяв бугылку коньяку, который принесла Райханат, он ловко вспорол металлическую крышечку, быстро налил в рюмки. Давая понять, что торопится, выразительно постучал пальцем по циферблату часов, поднял рюмку: мол, твое здоровье и здоровье твоей семьи! Тут же, едва кинув в рот кусочек брынзы, налил снова. Мрачный Рамазан следил за его действиями с любопытством: сначала хлопнул дверью и покинул его кров, а теперь сам пришел и, судя по разговору, хочет, чтобы они остались друзьями... Что-то тут не так!

Словно желая избавить хозяина от догадок, Салман спросил вдруг:

— Да, кстати, а где наш райский цветочек? Что-то я не вижу Манарши?

Рамазан усмехнулся. Ну да, конечно, как бы они ни ссорились, а бывший друг своего все равно не упустит. Салман не раз уже закидывал удочки насчет сватовства, и Рамазан был не против. Правда, до сих пор он отшучивался, не придавал этим разговорам большого значения: что говорить о замужестве, когда девочке — всего-то восемнадцать... Но сейчас он понял — Салман не отступится, пока не получит окончательного ответа.

— Какая красавица стала, а! — Салман восхищенно

чмокнул губами.— Куда, говоришь, она документы подала?

— В медицинский,— нехотя ответил Рамазан.

— Ты смотри! — изобразил удивление гость.— Мой Анас тоже туда поступать хочет, в медицинский. Врачами будут ребята, а? Хорошая специальность, правда? Врач нигде не пропадет,— рассуждал он, аппетитно уплетая вкусно приготовленную Райханат баранину.

Рамазан старательно скрывал смущение от этих намеков гостя. Ведь если он спросит прямо в лоб: отдаст Рамазан свою дочь за Анаса или нет, что теперь отвечать ему? Ох, некстати все это, некстати. Да и Анас этот не по душе... Рос парень после смерти матери с бабушкой, а бабушка — известное дело! — избаловала его дальше некуда. Во всяком случае, так люди говорят... Что и капризный-то он, и упрямый, и мстительный. Правда, люди и лишнего наговорить могут. Ведь сам-то Рамазан немного знал парня, и он даже нравился ему. Может, пока подтвердить слово, данное когда-то Салману, а там видно будет?

Гость словно угадал его сомнения и спросил, облизывая жирные пальцы:

— Как ты думаешь, Рамазан, а что если нам их обручить перед институтом, а? Сам знаешь — в городе новичку трудновато поначалу... А вдвоем им будет легче осваиваться, учиться легче, вместе, глядишь, в кино ходить будут. А? И нам спокойней будет...

Он соловьем заливался, рисуя райские картины: как их дети, нежно помогая друг другу во время учебы, наконец-то закончат институт и поженятся; и будет у них совместная работа и счастливая жизнь до самой старости.

По-прежнему колеблясь, Рамазан подумал вдруг: «И в самом-то деле! Ведь не этому же оболтусу Наби отдавать дочь? Какое счастье он сможет дать ей и что за семья будет у них? Другое дело Анас — и обеспечен, и сам парень видный. Приглядятся друг к другу, полюбят по-настоящему, будут счастливы. Чего еще надо? Только как на все это посмотрит сама Манарша?»

— За здоровье наших детей, Рамазан! — считая, что согласие получено, поднял рюмку Салман.

— Да, да, конечно,— рассеянно откликнулся хозяин.

— Значит, дорогой, договорились, да? — не давал опомниться Салман.— Тогда, по обычаю гор, я пришлю в твой дом своих доверенных.

— Я еще подумаю,— спохватился Рамазан.

Тут же промелькнула мысль о том, как бы этот вырвавшийся вдруг ответ не обидел Салмана. Но обескуражить его было невозможно: к поставленной цели председатель райисполкома всегда шел напролом.

— Ты не забывай, Рамазан,— возобновил он свои атаки,— что впереди у наших детей все-таки город. Разве тебя не беспокоит, как будет жить там твоя дочь одна, вдали от родителей? Вот и пусть они там будут вместе. И мы, конечно, с тобой поможем им, пусть они ни в чем не знают нужды. Верно?

Слова Салмана все глубже проникали в душу. Почему бы и впрямь не обручить Манаршу? Рамазан вдруг вспомнил, какое оскорбление кинул ему там, на Верхнем хуторе, этот червяк Суракат. Уж, коли здесь, когда она живет под присмотром отца-матери, добрались до нее злые языки, то что же будут они молоть о девочке, когда она уедет в город? Ведь не заткнешь же рот тому же Суракату!

Салман, пристально следивший за хозяином, заметил его колебания.

— Ну, значит, договорились! — уже совсем уверенно сказал он и снова поднял рюмку: — За счастливую жизнь наших детей, дорогой Рамазан! А насчет жалобы Сураката... — он вдруг заговорщицки подмигнул. — Я думаю, для тебя все обойдется более или менее благополучно... Ну, до скорой встречи!

Он неожиданно встал, протягивая руку для прощания. Пришлось встать и хозяину.

— Райханат! — крикнул Салман в сторону кухни. — Всего доброго, я поехал.

— Как же так,— входя, всплеснула руками Райханат,— что это ты вдруг заторопился?

— Гостю, говорят, дом, а путнику — дорога! — пошутил Салман.

Хозяин проводил его до калитки и долго еще стоял там в каком-то оцепенении, глядя, как клубится пыль, поднятая Салмановым «газиком». День был жаркий, безветренный. Рамазан стоял, тяжело опершись на калитку, смотрел на снежные шапки гор, а на сердце отчего-то было так тоскливо, беспокойно...

Тишину улицы изредка нарушал глухой стук — это сосед загонял гвозди в стропила своей сакли. Рамазан повернулся: хозяин сакли лежал на крыше ничком и чертыхался, когда ударял по пальцам или неумелой рукой попадал по гвоздю так, что он, сверкнув в воздухе, уле-

тал куда-то в заросли сада. На соседней крыше сидели, свесив ноги, мальчишки и то и дело покатывались со смеху. Хозяин сакли злился, кричал что-то ребятишкам, но те, глядя, как он работает, только пуще закатывались от хохота.

Рамазан пожалел соседа, подумал, что он, наверное, молоток-то первый раз в жизни держит... Аул новый, дома новые. Одному что-то поправить хочется, другому переделать, третьему пристроить, а мастеров, плотников, нету. Был бы мастер — разве взялся бы сосед сам гвозди заколачивать, крышу перекрывать? В чабанском деле с ним мало кто сравниться может, а плотник из него — горе одно. Надо бы не забыть да подрядить где-то бригаду...

Вдруг на недоконченную крышу соседа взлетел петух, отчаянно махая крыльями, посмотрел на стропила сначала одним, потом другим глазом, словно пытаюсь убедиться в том, что уж его-то эта ненадежная крыша выдержит, и заорал во все петушиное горло. Петух этот почему-то напомнил Салмана. «Вот так же прокукарекал, — злясь на себя за податливость, подумал Рамазан, — и укатил».

Мысли его прервал осторожный, заискивающий голос бухгалтера Наримана:

— Салам алейкум, председатель! Ждал, ждал тебя в правлении и решил домой заглянуть.

Уже по лисьей улыбке Наримана было видно, что явился он неспроста. «Поди, свою вину замазать хочет. Думал, поди, не оставят председателем, жалеет небось, что так раскипятился на собрании!» — предположил Рамазан.

— Что же это такое случилось, что ты решил ко мне заглянуть? — насмешливо спросил Рамазан. — Петух яйцо снес? Или, может, бычок отелился?

— С утра в банк надо ехать, — словно не слыша слов председателя, отозвался бухгалтер и снова улыбнулся, — так что надо чек оформить. Подпись нужна, печать.

— Райханат! — закричал председатель через весь сад. — Принеси колхозную печать, она там, на столе. — Он мог бы и сам взять ее, но больно уж не хотелось приглашать Наримана в дом. — Что-то ты сегодня веселишься, — вдруг недовольно бросил Рамазан бухгалтеру.

— Как же не веселиться-то, — глядя, как идет к ним Райханат с печатью, еще шире улыбнулся бухгалтер. — Мы ведь сегодня такую битву выиграли!

— Битву? — переспросил Рамазан. — А что, разве у нас в ауле война была?

— Хуже! — посерьезнел Нариман. — Ты ушел, а болтуны-то наши как развязали языки, как начали молоть... И Салман тоже хорош! Дал всем понять, что он чего-то вынюхивает и во-от всех слушает, а еще председатель райисполкома называется!

Нариман заговорщицки перешел на шепот, дожидаясь, пока Райханат отдаст печать и снова уйдет в дом.

— И что же этот председатель исполкома, интересно, натворил, чем не угодил тебе? — любопытствовал Рамазан.

— Пусть отсохнет язык у того, кто назовет меня сплетником, клянусь отцовской могилой, что говорю тебе чистую правду...

— Ну, ну, — поморщился Рамазан, — рассказывай!

— Ты понимаешь, — наклонился к нему бухгалтер, одновременно протягивая папку с денежными документами, — ты ушел, а Салман давай под тебя копать, — он сделал паузу, словно собираясь вручить высокую награду, и торжественно закончил: — Но я отстоял тебя!

— Скажи пожалуйста! — насмешливо вырвалось у Рамазана. С каким удовольствием он просматривал сейчас деловые бумаги!

Уловив, что у председателя хорошее настроение, Нариман оживился.

— Он спрашивает нас: может быть, снять? А я ему: такого, мол, председателя у нас никогда не было и больше не будет. Этот человек, говорю, с колоссальным опытом организатора колхозного производства и кроме...

— Молодец, Нариман, — возвращая бухгалтеру подписанный чек, Рамазан дружески похлопал его по плечу. — Всегда держи нос по ветру, не забывай начальство поддерживать!

А когда за бухгалтером закрылась калитка, подумал: «Хитер, шельма! Толковый специалист, дело свое знает превосходно, а душа холуйская...»

Рамазан поморщился и пошел к дому. На крыльце остановился, посмотрел, как идут дела у соседа. А он в этот момент снова промазал по гвоздю и со всего маху ударил себя по пальцам. Мальчишки покатились со смеху, улыбнулся и председатель, глядя, как мученик гонит непрощенных зрителей прочь.

«Вот так всегда, — подумал Рамазан, входя в дом. — Сами натворим дел, а потом виним кого-то».

Воспоминания о событиях последнего времени снова ужалили душу, заставили вновь со всей беспощадностью осудить себя, и в то же время каким-то краешком сознания он радовался, что так много за свою жизнь успел сделать...

11

О том, что Манарша по настоянию отца дала слово сыну Салмана, Наби узнал лишь тогда, когда девушка в сопровождении Рамазана уехала в город сдавать экзамены. Для него, живущего мечтами о Манарше, известие это было полной неожиданностью.

Он вспоминал ту, давнюю, их встречу, их разговор, то как спросил, не будет ли она возражать, если он пришлет сватов... Ведь она тогда улыбалась ему, разговаривала с ним, вселила надежду... Как же так? Как вдруг она могла дать слово другому человеку, которого совсем не знает?

Встретились Манарша и Наби за неделю до ее отъезда. Она, такая красивая, лишь беззаботно улыбалась, словно все перемены в ее жизни не имеют к ней никакого отношения.

— Неужели ты не помнишь, о чем я тебя спрашивал в школьном саду? — чуть не плача от отчаяния, повторял Наби.

— Почему же не помню? — нисколько не смущаясь, вопросом на вопрос ответила Манарша. — Прекрасно помню, и что же дальше?

— Просто... нет, ничего, — сердце его так сдавило, что он готов был закричать от боли. — В этом году я не смогу поехать учиться, а в следующем — поступлю обязательно...

— Ладно, — ответила она беззаботно. — Если что-нибудь нужно будет, я тебе помогу. Земляки как-никак! Так ждать тебя?

Она улыбнулась, и на сердце у Наби еще сильнее заскребли кошки.

— Манарша... послушай, Манарша! — забормотал он, беря ее за руку. — Город ведь — не наш аул, он огромный, там у тебя друзья будут, развлечения. Помнишь, я тебя просил уже однажды... Ты не забывай наш аул и школу нашу. И тех, кто с тобой в одном классе учился... Не забудешь, Манарша?

Столько мольбы было в его словах, что, казалось, и

глаза.

— Время само подскажет, кого помнить, а кого забыть... Одни останутся в памяти, другие, конечно, уйдут из нее. Но тебя, тебя... — протянула она, заметив, как Наби весь напрягся, — тебя я никогда не забуду.

И убежала в дом, на ходу помахав рукой.

Уже больше недели прошло, а он до сих пор помнит каждое ее слово, каждое ее движение, каждую черточку на родном лице. Жаль, что так мало они были наедине! Думал, что она всегда будет рядом... И вдруг — такое предательство. Теперь, вспоминая последний разговор с Манаршой, он все видел в ином свете: она сказала, что будет помнить, а сама уже знала... Она сказала, что будет ждать, а сама уже знала... Наби бросало то в жар, то в холод... И в бессильном гневе он стискивал кулаки. «Эх ты, Манарша, весенний цветок! А я-то думал, что чище, честнее, благороднее нет никого на свете». Он печально смотрел в окно, и ему, в его тоске, казалось, что душа, словно горный водопад, летит вниз, рассыпаясь неудержимыми слезами, чтобы там, внизу, удариться об острые камни...

Небо потемнело, налетел ветер, и сразу же вслед за его порывом по крышам соседних домов звонко забарабанили дождевые капли. Наби зябко поежился, не замечая, как в комнату вошла мать. Чакар тревожно смотрела на сына, словно стараясь услышать биение его сердца. Она знала, в чем причина его горя, знала, что Манаршу посватали за другого. Но что она могла сделать, чем помочь сыну?

Наконец Наби заметил присутствие матери, глянул на нее измученными глазами. В ее взгляде было столько тепла, столько нежности, столько понимания сыновней беды, что Наби вдруг захотелось, как в детстве, прижаться к матери, обнять ее и излить ей, единственному родному на свете человеку, свою израненную душу. Но разве мог он, юноша, воспитанный в суровых обычаях гор, позволить себе такое? Так и не сумев переступить через свою скованность, он грустно спросил:

— Мам, ты когда слышала разговоры об этом?

Чакар готова была расплакаться, видя, как трудно дались сыну эти слова.

— Какие разговоры, сыночек? — боясь ранить его неосторожным словом, уточнила Чакар.

— Видишь ли, мой мальчик,— сказала она, еще не зная, что будет говорить. Ей сейчас особенно тяжело было оттого, что когда-то, после разговора с Райханат, она сама обнадежила его. Конечно, она слышала пересуды насчет Манарши и Анаса, кое-кто поговаривал даже, что так Рамазан решил откупиться от наказания... Да мало ли что люди наговорят! Слыша все эти сплетни, она мечтала лишь об одном, чтобы они не дошли до сына, чтобы уж поскорее отправить его на учебу в город. Она знала, что он не собирался пока никуда поступать, хотел за год денег подзаработать, ну да не беда. Сама она как-нибудь проживет, пока он будет учиться, придумает что-нибудь, чтобы помочь своей кровинке. — Что теперь толковать об этом, сынок. Правильно говорит пословица: реку, что утекла в море, вспять не повернешь. Постарайся забыть о ней, безжалостной. Сколько боли она тебе причинила!.. Давай лучше вместе подумаем о твоём будущем. Я ведь, пока жива, смогу тебе помочь...

— Нет, нет, мама,— хриплым, каким-то подавленным голосом возразил он.— Не могу я ее забыть. Да и зачем? Не пойму только, за что мне такое наказание?

— Не надо так убиваться, сынок! Какой бы горькой раны ни причинила тебе жизнь, она сама же ее и залечит. А девушек на свете много...

— Жизнь,— мучительно усмехнулся Наби. — Сели отцы за бутылкой коньяка, вот и все решили. Но как Манарша могла согласиться на это, мама? Сама! Вот что больнее всего.

— Эх, сынок, как же ты еще молод,— с жалостью глядя на сына, произнесла Чакар. — Нет, нет, не обижайся,— остановила она Наби, пытавшегося возразить. — Станешь постарше — разберешься, что люди не всегда до конца понимают свои поступки. Если бы это было не так — всем нам гораздо проще бы жилось на свете. Но увы — не совершенен человек, многие даже в таком святом деле, как любовь, ищут выгоду, рассчитывают на что-то, не думая о самом главном — о чувстве, о радости жить рядом с любимым. Вот мы с твоим отцом... Мы жили бедно. Но нашим богатством была любовь... Достатка в доме добиться нетрудно, куда труднее обрести богатство душевное... Есть люди, которые никогда об этом не думают, идут, не размышляя, на

подлость, на предательство — и все ради того, чтобы только им хорошо, сытно было. Разве это счастье, сынок, если ты сыт, а душа твоя не чиста?

Чакар взяла с подоконника рог, высыпала на ладонь щепотку табаку. От понюшки глаза ее заслезались, вот ведь привычка никчемная. Но мысли о сыне не покидали ее: поскорей бы он забыл Манаршу, женился бы, что ли... А для того чтобы все забылось, надо его немедленно отправить в город. Пусть учится! Пусть едет в город, может, там найдет себе девушку по сердцу, город большой...

— Говорят, на базаре фасоль подорожала, — неожиданно для Наби сказала вдруг мать. — Я думаю, если тебе взять с собой мешок фасоли и продать ее там, тебе на первое время этого хватит. А потом я что-нибудь придумаю, пришлю тебе денег. Думаю, надо тебе прямо сегодня же собраться. Поезжай, сынок!

Чакар с волнением ждала ответа сына. Наконец он провел рукой по измученному лицу.

— Хорошо, мама! — решительно сказал Наби. — Всем назло поеду учиться. Они, наверно, думают, что я ни на что не способен, — продолжал он со злой усмешкой, — но я докажу, что тоже на что-то гожусь. Завтра, мама, завтра я уеду, еще есть время... Только фасоль я не возьму. Обойдусь как-нибудь!

Чакар не спрашивала, кто это «они», которым обещает что-то доказать ее сын. Она видела, что лицо его просветлело, и от этого посветлела сама.

— Хорошо, сынок, — радостно одобрила Чакар. — Сейчас вот приготовлю тебе поесть и начну собирать в дорогу. А ты, пока я тут вожусь, сходи к соседям. Они нам должны за молоко и яички. Худо-бедно, а все же двенадцать рублей. Да бригадир Мухтар задолжал мне пятнадцать, но уж к тому я сама схожу вечером, когда он с работы придет.

Чакар готовила завтрак и мысленно пересчитывала все свои небогатые рубли, радуясь, что хотя бы первое время ее мальчик нужды знать не будет...

Утром следующего дня Наби отправился в город на попутной машине. Он трясся в кузове, думая о будущей жизни, о том, как нелегко придется теперь матери, и, конечно, он думал о Манарше. Ух, сколько злости сейчас было в нем: дай волю, что бы он сделал и с ее отцом, и с этим ненавистным женихом!..

го не знает? Может, родители сговорились между собой, даже не спросив согласия молодых? Нет, он не будет пока никого ругать. Приедет в город, и первое что сделает — найдет Манаршу, обо всем узнает от нее самой и только тогда уж будет судить. Костерит этого Анаса, которого никогда в жизни не видел, а если сватовство — всего лишь досужая выдумка сплетников? При чем тут тогда этот парень? И почему в таком случае он сам должен упускать свое счастье? Поговорит с Манаршой, и тогда все станет ясно. А пока еще есть надежда, есть!

Сердце бешено колотилось, снова переполняясь любовью. Он даже запел и так, с песнями, не заметил, как доехал до города. Заскрежетали тормоза, Наби огляделся вокруг, растерянно наклонился к кабине, хотел о чем-то спросить. Но шофер опередил его вопросом:

— Где сходишь, парень?

Наби замялся. Города он совсем не знал, знакомых или родных у него здесь не было. А ехать в институт — там тоже, наверное, никого нет: дело к вечеру. Он растерянно пожал плечами.

— Да я и сам не знаю...

— Если у тебя нет кунака в городе, — сказал шофер, — так ты честно скажи, парень.

Наби снова задумался, но шофер, все уже поняв, решительно подмигнул ему.

— Вот что, ты пока думай, а я тем временем отвезу тебя в наш Дом колхозника. Если захочешь, там и переночуешь. Идет?

— Большое спасибо! — радостно кивнул Наби.

Несколько недель спустя старая Чакар наконец-то получила долгожданное письмо от сына.

«Дорогая мама! — писал Наби. — Прости, что не мог тебе прислать весточку раньше: сначала не о чем было писать, потом не стало времени, да и хотелось уж как следует порадовать тебя. Теперь экзамены позади, и я спокойно могу рассказать обо всем. Сначала я тебя, дорогая моя, должен огорчить. Прости меня, ты хотела, чтобы я стал доктором, но не медицина меня влечет. Я студент и через пять лет буду инженером. Ты же сама знаешь, что больше всего на свете я люблю технику, вспомни, сколько из-за нее мне доставалось, да и ты не раз из-за этого страдала...

Мамочка, ни о чем не беспокойся, пожалуйста. Мне сразу же дали место в общежитии и, самое главное, — назначили стипендию! Для учебы и отдыха у нас в институте созданы все условия. Так что за меня не беспокойся.

На днях встретился с Манаршой, но разговора у нас не получилось. Я так и не понял, кто тут виноват — ее отец или она сама? Рамазан дал слово председателю райисполкома, а Манарша даже и не подумала возразить. Видимо, решила, что у сына председателя райисполкома в будущем больше возможностей, чем у меня. Но они, дорогая мама, сильно ошибаются. Я сюда не прохладиться приехал!.. Ну да аллах с ними со всеми!...»

Письмо было длинным. Но Чакар не могла сейчас дочитать его до конца: слезы радости катились по ее щекам, а руки нежно прижимали к груди весточку от сына.

12

Неумолима река времени. Кажется, только что свежо, ярко было в памяти событие, а остановишься, обернешься — уж нет его, словно бурным потоком унесло в непроглядную даль...

Прошел и тот день, когда Рамазана вызвали на бюро райкома, и, несмотря на авторитет, заслуги, горячую помощь будущего родственника Салмана, ему был объявлен строгий выговор. Он понимал, что наказан справедливо, хотя в душе его оставался тягостный осадок. До сих пор звенели в ушах резкие слова секретаря райкома партии: «...Мы должны спросить с председателя колхоза «Вперед» товарища Курбанова вдвойне — как с коммуниста и как с руководителя». Говорили на бюро и другие — не так, правда, резко, но все были единодушны в том, что он хотя и думающий о деле руководитель, настоящий хозяин на земле, но бывает недопустимо груб... При этом воспоминании у Рамазана начинали ходить желваки.

Прошло несколько месяцев... Рамазан целиком был поглощен предстоящим замужеством дочери. Родители решили поторопиться со свадьбой, не дожидаясь, когда дети окончат институт. Манарша, приехавшая домой на летние каникулы, попробовала было перечить родителям, но мать лишь вздохнула, выслушав ее.

Девушка чувствовала, что совершенно равнодушна к будущему мужу. Может быть, думала она, это только теперь, а после свадьбы все переменится? Но она безропотно подчинялась воле отца, похожая в своей житейской беспомощности на сорванный с дерева листочек, гонимый ветром в неведомое. В памяти Манарши почему-то все чаще стал возникать образ Наби, их разговоры в саду, его голос, его открытое, смелое лицо... Не раз думала она о том, что хотя и не успела испытать сильных чувств к Наби, но, если бы сейчас ей предложили выбрать между ним и Анасом, она, пожалуй, выбрала бы бывшего одноклассника. Мысли эти так смущали девушку, что она не решалась поделиться ими даже с самой близкой подругой, двоюродной сестрой Загидат.

Будто на конях примчался день свадьбы... Вот-вот должны прийти за Манаршой, повести туда, где уже веселится на ее свадьбе весь аул, а думает она о другом — о человеке, который теперь на всю жизнь останется ей чужим — о Наби. Но какой же он чужой? Девушка даже испугалась этой мысли!.. Неужели она теперь не сможет свободно, как прежде, разговаривать с ним, перекидываться шуткой?!

Вошла Загидат, и сердце Манарши содрогнулось: все, еще миг — и она станет женой человека, которого не любит.

— Ты все сидишь?! Вот так здорово! — удивилась подруга, поправляя на невесте фату. — Пошли, уже время!

— Загидат, милая, — взмолилась Манарша. — У тебя и жизненного опыта, и ума больше, чем у меня, — она смахнула с ресниц навернувшиеся слезы. — Помоги мне, я ничего не могу понять. Меня будто две мощные волны захлестнули...

Она еще не успела закончить, а Загидат уже поняла все. Глаза ее гневно сверкнули, губы искривились в презрительной усмешке.

— Эти твои волны, дорогая моя, ничего уже изменить не могут. Ни-че-го! Раньше надо было об этом думать, а не делать вид, что тебе тот парень до лампочки. Или ты почувствовала к нему интерес только теперь, перед тем, как взойти на брачное ложе?

Загидат прекрасно знала о том, что было между се-

строй и Наби. Она хотела было резко отчитать Манаршу, но, посмотрев на ее измученное лицо, сдержалась. Пожалела сестренку.

— Подожди, Загидат,— робко попросила Манарша, теребя край фаты. — Может быть, ты что-то не так поняла... но, видишь ли, до самого сегодняшнего дня мне казалось, что все происходит не со мной, а с кем-то другим. Прямо как во сне. А нынче просто страх какой-то одолел: все думаю и думаю, правильно ли я делаю, выходя замуж? Без любви, даже без симпатии.

Загидат положила ей руку на плечо.

— Я же сказала тебе, что поздно уже что-либо менять, обратной дороги нет, Манарша, девочка моя. Пойдем, жених ждет.

Девушка посмотрела на решительное лицо Загидат. «Словно связали по рукам и ногам и волокут на казнь!» — с горечью подумала она. Повинуясь воле подружки, она с упавшим сердцем опустила тонкий платок на лицо и пошла за ней туда, где уже началось свадебное веселье.

Едва Манарша появилась на пороге, как застолье взорвало от восторженных криков. Все встали, глядя на невесту, подняли налитые до краев бокалы; дружно грянула старинная свадебная песня: «Пусть горячая слеза не туманит нам сердца. Превосходная буза пусть ударит нам в глаза!» При ее звуках Манарша поняла, что окончательно перешагнула какую-то черту, за которой уже не может быть для нее возврата к себе прежней. А гости, словно тут же забыв о ней, продолжали петь: «Чашу ту, что налита, кто ж проносит мимо рта? Если же она пуста — пусть расколется совсем...»

Невеста и Загидат прошли на предназначенное им место, сели рядом с женихом.

— Минутку внимания, друзья! — перекрыл шум распорядитель свадебного застолья. — Предупреждаю: с этого момента я буду без всякой жалости штрафовать тех, кто заговорит без моего разрешения. Все поняли? А штраф мой хорошо вам известен: либо литровый рог бузы, либо пол-литра араки. И чтобы пить — без передышки.

— Это уж слишком,— зашумели гости. — Ты превышаешь свою власть, тамада!

Тамада улыбнулся, довольный.

— Только такие жесткие условия могут вас утихомирить. — Он обвел всех орлиным взглядом полковод-

ца и скомандовал: — А ну-ка, налейте-ка бокалы, а то, я вижу, кое-кто заскучал уже. Властью тамады слово предоставляю нашему уважаемому Закиру. Пожалуйста, Закир-даци.

Закир поднялся, вытер заслезившиеся глаза, покашлял в раздумье.

— Дорогие мои дети! — повернулся он к молодым. — Не умею я тосты говорить, а все же несколько слов хотел бы сказать сегодня, когда вы вступаете на длинную совместную тропу жизни. Когда человек долго находится в пути, у него появляется желание оглянуться назад, оценить пройденное. Он смотрит назад, чтобы ему видно было, какой путь он одолел, не делал ли по дороге ошибок, верно ли шел... Так живите счастливо, оглядывайтесь иногда назад, слушайте свое сердце, учитесь не повторять ошибок. Мало дней отпущено человеку на земле, умейте не растерять их, прожить достойно. Поддерживайте друг друга и идите по жизни, уважая себя и других. Будьте выше мелочных обид, всегда помните, какой это прекрасный дар — жизнь... Я пью за ваше счастье, дети!

...Наби появился на свадьбе в самый разгар ее. Он был сумрачен, но что делать? Как ни тяжела для него эта свадьба, обычаи гор требуют, чтобы он побывал здесь, пожелал молодым счастья. Стараясь быть незаметным, Наби приютился на краешке стола. Но орлиный глаз тамады тут же закогтил его.

— А почему это наш дорогой студент Наби вошел так тихо, без приветствия? Почему это он затаился в своем углу? Непорядок!

От этого громкого голоса Наби вздрогнул, покраснел. Беспокойно заколыхалась подвенечная фата Манарши. А тамаду уже невозможно было остановить.

— Коль ты не знаешь нашего обычая, дорогой студент, — продолжал он, — или знать его не хочешь... я наливаю тебе штрафную. На, студент, возьми рог, полный вина, и порадуй тостом и нас, и молодых.

Наби нехотя встал, неловким движением поднял рог над головой.

— Скажу так. Когда птице подрезают крылья, она не может летать, как бы ни желала этого. Когда на пандуре рвут струны — на нем нельзя больше играть. Зачем же ты, тамада, заставляешь меня играть на инструменте, у которого нет струн, и взмахивать крыльями, которые подрезаны?

В комнате поднялся гомон. Одни, понявшие тост, кричали что-то неодобрительное, другие, наоборот, одобряли, но не поняли ни слова и потому просили соседей растолковать им, что сказал этот парень. Наби, все так же держа рог над головой, еще раз обвел взглядом присутствующих, дождался тишины и торжественно закончил:

— Так пусть же никогда не обрываются струны души. И пусть на радость всем уносят людей ввысь никем не подрезанные крылья мечты! Вот за что я пью!

— Странный тост! — посмотрел на Наби захмелевшими глазами сосед, хромой Даниял.

Да, для несведущих тост был странный. Наби вовсе не хотел, чтобы кто-то понял тайный смысл его слов, не хотел злить жениха, вносить расстройство в свадебное застолье. Он говорил только для невесты. Эти слова вырвались из его изболевшейся души, и Манарша поняла их. Отчаянно, на одном дыхании, Наби осушил свой рог, с грохотом опрокинул его на стол и сел.

— Молодец! — сказал одобрительно Даниял, подвигая ему закуску.

Но Наби ничего больше уже не хотел. Вино ударило в голову, от спиртного сила и воля его словно улетучились. Со страхом почувствовав это, Наби потихоньку встал из-за стола и, улучив момент, выбрался во двор. И только тут, вдохнув всей грудью чистый вечерний воздух, он понял, что пьянеет окончательно, что ноги перестают слушаться его.

— Пусть, — успокаивал он себя сквозь закипающие в душе слезы. — Где же еще и напиться, если не на свадьбе своей любимой?

Стараясь не шататься, хватаясь за ограду, Наби пополз вверх по кривым улочкам аула.

— Держись, Наби! — говорил он себе время от времени, а ноги несли его к дому Рамазана, к саду, где впервые вошла в его сердце трепетная мечта о Манарше, где сел он, как говорят горцы, на коня грез своих. В висках стучал хмель, путал мысли. Садик, свадьба... Что было раньше, что потом? И было ли вообще что-нибудь?..

Он подошел к знакомой ограде. Да, вот здесь, под яблоней, они разговаривали... Сколько дорогих сердцу минут провел он тут с любимой! И злые слезы потоком хлынули из глаз парня. «Это сердце мое плачет, — думал он обреченно. — Пусть плачет, пусть!»

...По обычаям горцев родителям невесты не полагалось быть на свадьбе. Вышедшая зачем-то во двор Райханат так никогда бы и не узнала о терзаниях Наби, если бы в этот момент парень не попытался перелезть через ограду.

— Подлая измена! — повторял он про себя и пьяно скрежетал зубами. — Подлая измена...

Райханат хотела было подойти к Наби, утешить его, но не решилась. Она понимала, что творится в душе парня, что привело его сюда в столь поздний час.

— Бедный мальчик, — вздохнула она, чувствуя себя виноватой.

13

Добрые и недобрые события последнего года не выветрились из памяти Рамазана разговора со старым Закиром. Председатель попросил поработать с цифрами и экономиста, и бухгалтера, и вскоре правление обсуждало план перестройки всей работы колхоза, превращения его в специализированное овцеводческое хозяйство.

Перед тем как представить этот план на утверждение в райком партии, Рамазан по старой памяти решил посоветоваться с Салманом. Неожиданно для него председатель райисполкома оказался категорически против ломки устоявшегося за десятилетия, проверенного способа ведения хозяйства. «Зачем? — спрашивал он у Рамазана. — Зачем тебе лишние хлопоты, лишние неприятности, когда у тебя и так все в порядке, и так ты ходишь в передовиках?!» Салман приводил множество примеров, как председатели колхозов пытались вот так же, с помощью ломки, улучшить работу своих хозяйств и добивались результатов прямо противоположных, потому что уже в процессе перестройки обнаруживалась нехватка кадров и средств, возникали непредвиденные трудности... Он вернул Рамазану проект, посоветовал еще раз все обдумать, еще раз взвесить свои возможности и только уж потом представлять в райком... Нет, не в райком, а в следующий раз показать его сначала опять ему, Салману.

Рамазан прислушался к совету, учел замечания, исправил кое-что в своих предложениях и терпеливо стал ждать «следующего раза». И вот момент их встречи вновь настал. Да при каких обстоятельствах! Салман вдруг узнал, что Рамазан Курбанов, председатель кол-

хоза «Вперед», своевольно, без разрешения райисполкома, передал под пионерский лагерь дом отдыха, построенный на районные субсидии в сосновой роще неподалеку от аула Орта. На имя Курбанова полетела гневная телефонограмма — райисполком вызывал председателя колхоза для решительного объяснения.

Не успел Рамазан войти в кабинет своего свата, как тот, не здороваясь, бросил ему в лицо:

— Я вижу, дорогой Рамазан, что с тобой не соскучишься. Мастер ты на разные... — он поискал слово, щелкая в воздухе пальцами, — на разные «веселые» приключения. Только-только за рукоприкладство выговор сняли — и снова история! Снова своя рука — владыка!

— Здравствуй, Салман! — как ни в чем не бывало, приветствовал Рамазан председателя. — Случилось что-нибудь?

Не дожидаясь приглашения, он сел в кресло, устроился поудобнее.

— И он еще спрашивает! — удивился Салман, нервно закуривая сигарету. — Не понимаю, честное слово, на что ты теперь рассчитываешь? Опять на мою поддержку?

Рамазан неопределенно пожал плечами, делая вид, что не в курсе, из-за чего разгорелся весь этот сыр-бор. Глядя на него, Салман не выдержал, стукнул кулаком по столу.

— Почему ты без ведома райисполкома передал дом отдыха пионерам, а? — еле сдерживая себя, спросил он. — Ты что, не знаешь, для кого дом был предназначен? Чьи деньги были вложены в строительство? А сколько часов представители районной интеллигенции добровольно отдали этой стройке?

— Но ведь этот дом... — попытался было возразить Рамазан.

Но Салман остановил его нетерпеливым, властным жестом.

— Не надо мне ничего объяснять. Я тоже люблю детей, во всяком случае ничего против них никогда не имел. Ради них, как говорится, мы и живем на свете. Но зачем же самовольничать, а? Ты что, хочешь себе славы за чужой счет? Желаешь выглядеть в глазах людей этим добрячком, борцом с районной бюрократией. Так или нет? Ты зарываешься, дорогой председатель, и мне приходится напоминать тебе об этом уже не в первый раз. Ты хочешь завоевывать дешевый авто-

ритет за счет других, и это меня, как руководителя в масштабах района, весьма огорчает. Я бы на твоём месте так не шутил после случая с Суракатом, поскольку здесь, в районе, твой авторитет уже подорван. — Он помолчал, тяжело дыша, стараясь успокоиться. — Ты хоть понимаешь, в конце-то концов, что я о тебе же пе-
кусь?

Во время этого монолога Рамазан не пытался даже прервать его ни словом, ни жестом, только катал желваки да сжимал кулаки на подлокотниках.

— Ты печешься о моем авторитете? — спросил он, дождавшись, когда красноречие Салмана иссякло. — Скажи мне, а почему бы тебе не позаботиться о собственном? Отчего ты так уверен, что в любом случае прав ты, а не твой собеседник, а?

В подобной ситуации Салман ожидал объяснений, раскаяний, отпора наконец, но только не наступления. Он даже поначалу задохнулся от неожиданности. Но мгновенно справился с собой, с официальным видом встал из-за стола:

— Послушай, Рамазан...

— Нет уж, теперь меня послушай! — встал и Рамазан. — Ведь прекрасно знаешь, что районная интеллигенция, которую ты упомянул, и гвоздя бы не забила, если бы мы не объяснили, что дом строится для их же детей. У нас были субботники, воскресники, люди горячо, с удовольствием работали, не требуя за это никаких денег. Как ты думаешь, почему?.. Потому что там будут отдыхать их дети! Будут дышать чистым воздухом, набираться здоровья. Разве это плохо?

— Это... это знаешь как называется? — нервно прошелся по кабинету Салман. Он был взбешен. — Это называется анархия. Наше общество не потерпит подобного самовольства, понял? И не думай, пожалуйста, что все останется так, как ты придумал своей мудреной головой. Дом мы используем по назначению!

— Попробуй! — усмехнулся Рамазан и закурил. — Я думаю, теперь уже поздно выносить решение о передаче помещения под дом отдыха. За анархизм, как ты говоришь, я, конечно, готов понести наказание, не привыкать. Зато дети получили отличный подарок. Ставлю тебя в известность, что такое решение принято на правлении колхоза. Чтобы не говорил потом, что я один все решаю. У меня документ есть. Причем на этом документе стоят подписи заинтересованных организаций —

предприятий района, которые внесли свой пай в финансирование этого строительства. Вот так-то, дорогой Салман.

— Да ты хоть понимаешь, что твое несчастное правление неправомерно выносить подобные решения?!

— Как это неправомерно? — удивился Рамазан. — Земля наша? Стройка наша? Стало быть, и распоряжаемся мы!

— Земля — не ваша собственность! — остановился перед ним Салман. — Она всего лишь находится в вашем пользовании. Она государственная. А государство в нашем районе — это я, понял!

— Как скромно сказано, — усмехнулся Рамазан. — Не зарывайся, пожалуйста, и не считай, что только ты власть и только твой приговор окончательный. Между прочим, мы, как и ты, тоже о людях думаем, о наших советских тружениках. Поэтому ради их блага, — здесь он самодовольно улыбнулся, — можно и на риск пойти.

— Не слишком ли часто ты стал идти на риск? — поостыв, огрызнулся Салман. — Ты считаешь, что приносишь пользу людям, а на самом деле только нервы им портишь и устраиваешь безобразие, — зло сказал он, соображая, что если Рамазан позаботился о подписях представителей районных предприятий, то дом теперь не вернешь, но сдаваться ему не хотелось. — Вот ведь говорил я тебе, чтобы ты отказался от своей бредовой идеи перестройки колхоза. Нет, ты упорно лезешь на рожон. А ведь тебе ли не понять, что если эксперимент твой провалится, то головы тебе не сносить. Может быть, и мне тоже, если вовремя тебя не остановлю в твоей новой затее. Экспериментатор! Десятки лет жили — не тужили, вышли в передовые, показатели из года в год растут, а тут на тебе: товарищи, дорогие, мы до сих пор работали неправильно, теперь будем работать по-новому, старый метод изжил себя, давайте его на свалку!

— Ну зачем же так? — от досады Рамазан даже сигарету сломал в пепельнице. — Конечно, при большой перестройке неизбежны и некоторые издержки. Однако хочу обратить твое внимание, дорогой товарищ районный начальник, что эту идею я не сам выдумал. Мне ее подсказали колхозники, она выдвинута самой жизнью. Послушай стариков — они в один голос утверждают, что трава в угодьях нашего аула всегда была необычайно благодатной именно для овец. И ведь верно, — вспом-

ни, чему нас в институте учили! На альпийских травах овцы дают отличные привесы, приплод, шерсть... Мы ведь коров развели только в трудные послевоенные годы, когда еле сводили концы с концами. Но теперь-то все меняется на глазах. Посмотри, как шагнула вперед страна! Неужели мы не можем полнее использовать наши удивительные альпийские луга? Надо быть мыслящим хозяином...

— Ты мне давай политграмоту не читай! Нечего экспериментировать, когда нужно план выполнять. Ты меня понял? — он многозначительно посмотрел на Рамазана. — У тебя, глядишь, вся жизнь в экспериментах пройдет, а работать-то когда будешь?

— А для чего мы с тобой живем на свете, дорогой Салман? Чтобы над нашей могилкой поставили две даты? Нет, дорогой, между этими двумя датами должен уместиться и какой-то итог, какой-то след на земле...

— Вот-вот, смысл, след... Учти, Рамазан, я уже не раз поддерживал и спасал тебя. Но в таком деле я тебе не попутчик. Учти! И запомни хорошенько: сделаю все, чтобы провалить твой бессмысленный прожект.

— В нем не только мои мысли,— упрямо напомнил Рамазан. — Инициатива исходит от колхозников.

— А! — махнул рукой Салман. — Эта демагогия никакого значения не имеет. Вот тебе мой совет: заberi свой проект, пока не поздно.

Рамазан решительно встал.

— Не для того я затевал все это, чтобы так легко, без боя, отступить. Идея прошла через десятки сердец и стала общей идеей.

— Ну-ну, — насмешливо скривился Салман. — Хотите овечьим копытом из каждого камня золото выбить? Игнорируй, игнорируй многолетний опыт колхозного строительства. Ну-ну... — повторил он еще раз.

— Эка ты куда! — удивился Рамазан. — Опыт, значит, колхозного строительства. Оно, конечно, не думая, по старинке, работается намного спокойней...

— Ну да, где уж тебе жить спокойно — лучше ведь кидаться в авантюры.

— Я авантюрами никогда не занимался и заниматься не собираюсь. Не путай божий дар с яичницей.

Рамазан решительно направился к выходу.

— Я еще не кончил говорить,— властно рявкнул Салман.

Но Рамазан, не обращая внимания на его окрик, распахнул дверь.

— Больше нам не о чем с тобой говорить, мы, видно, так и не поймем друг друга. Но, слава богу, кроме тебя есть еще райком. И он нас рассудит.

Так скверно было на душе у Рамазана после этого разговора, что он, выйдя из здания райисполкома, сразу же пошел к горной речушке, что шумела рядом, присел на корточки, умыл горящее лицо ледяной водой, ополоснул рот. Легче ему не стало, и вообще казалось, что теперь уж никогда больше не вытравить из души гнетущего осадка от словесного поединка с новым родственником.

Правда, родственник этот стал, как выяснилось недавно, бывшим. Может, еще и поэтому он начал трепать Рамазану нервы?

А дело все в том, что Манарша, не прожив с мужем и двух лет, ушла от него. Анас, прослышав что-то о Наби, стал ревновать жену, куражиться над ней... Дело дошло даже до того, что он несколько раз, пьяный, поднимал на нее руку. Такая вот веселая семейная жизнь началась у молодых. Каждый раз после их ссор Рамазан сам приезжал в город, мирил детей, брал с Анаса слово, что тот будет вести себя достойно, не станет больше пить, но, едва он уезжал, все шло по-прежнему. Выросшая в любви и ласке, Манарша в конце концов не захотела терпеть такого унижения. Анас стал ей отвратителен. Но обо всем Рамазан узнал лишь спустя несколько месяцев от случайного человека. Колхозный шофер Гимбат ездил в город и встретил там Исрапила. Ну, а уж тот-то не поскупился на краски... Так вот и стало известно, что Манарша живет теперь в общежитии, что почти каждый вечер появляется там подвыпивший Анас, скандалит с вахтерами, грозит увести жену силой...

Рамазан собрался было поехать в город, своими глазами убедиться в том, что в рассказе Гимбата правда, а что — досужие выдумки, но опоздал. Все решилось без него. Случилось так, что при очередном скандале рядом с Манаршой оказался Наби. У парня и мысли не было вмешиваться в дела молодых супругов — что отрезано, то отрезано. Но, увидев, как этот маленький, самовлюбленный хорек издевается над его любимой,

Наби не выдержал и попросил Анаса вспомнить, что он все-таки мужчина. Слово за слово, парни сцепились, как два петуха. Поколоченный Анас, угрожая Наби расправой, побежал за друзьями... С этой поры в женском общении его больше не видели, и к Манарше вновь вернулась спокойная жизнь.

Вспоминая обо всем этом, Рамазан проклинал бывшего зятя — до чего же мерзким человечешкой оказался этот Анас. Рамазан казнил себя за то, что согласился на свадьбу; иногда ему приходило в голову, что если бы Манарша тогда с такой же решительностью, как сейчас, восстала против этого союза, кто знает, может быть, судьба ее сложилась бы иначе? Во всяком случае, ему, отцу, будет очень плохо, если послесвадебная история надломит Манаршу...

Рамазан сел в свой «газик», сказал шоферу, чтобы ехал домой, в аул. Машина взревела и скоро уже летела по горной дороге, забираясь все выше и выше. И только тут Рамазан подумал, что надо бы съездить в город, встретиться там с Наби. Вот не послушал тогда Райханат, считал, что Наби — не пара его дочери. Ну как же: хулиган, безотцовщина, никаких связей, никаких перспектив. А он — вон какой чистый и верный парень, оказывается! Э-э, да что тут!.. «Обменял ты, Рамазан, золотой рубль на пятак медный», — подумал он и с тяжким вздохом откинулся на спинку сиденья.

— Вы что-то сказали? — участливо обернулся к нему шофер.

— Да нет, нет, ничего, Басир, — устыдившись своей несдержанности, успокоил он шофера и опять подумал: «Да, надо бы все же съездить в город...»

— Вот он, наш красавец! Гнездо родное! — весело сказал шофер, когда из-за поворота показался аул Орта. — Куда подвезти? — снова обернулся он к Рамазану. — К дому или в правление?

Рамазан, которому трудно было отвлечься от мыслей о несчастливом замужестве дочери, бросил машинально:

— Давай в правление!

Но тут же спохватился и, ловя сочувственный взгляд шофера, нерешительно распорядился:

— Нет, знаешь, Басир, давай лучше домой. Ты тоже сходи пообедай, а потом подъезжай к правлению...

Когда он, сумрачный, пропыленный, толкнул дверь в дом, Райханат вздрогнула от неожиданности — она си-

дела за обеденным столом с каким-то письмом в руках.

— Вернулся? — радостно спросила она, поспешно вставая ему навстречу.

— Вернулся... — буркнул Рамазан, глядя на письмо. — От Манарши, нет?

— Да, то есть... — сбилась жена, быстро убирая листки.

Рамазан удивленно поднял брови:

— Так от кого же оно все-таки? — он улыбнулся. — От кавалеров письма тебе получать вроде поздновато уже.

Сел за стол и потянулся за конвертом.

— Это только по-твоему я уже старая развалина, — шутливо ответила Райханат, — а другие, как видишь, так не считают!

— Ну, что он там пишет?

— Кто — он? — кокетливо спросила Райханат, пряча письмо за спину.

— Ну кто-кто! Тот, кто не считает тебя старой развалиной!

— На, прочти сам, — покорно отдала она письмо Рамазану.

Как ей хотелось подготовить мужа! Но раз уж так вышло... Рамазан взял в руки конверт, мельком взглянул на обратный адрес. Так он и думал: от Нурулаева Наби.

Райханат тревожно следила за лицом мужа, но оно по-прежнему было добродушно-усталым. Рамазан неспешно пробежал быстрые строки.

«Дорогая Райханат-ханум, — смело писал Наби. — К тебе, за советом и поддержкой, обращается мое плачущее кровью сердце, прости меня за высокие слова...

Вы сами с дядей Рамазаном знаете, какой бедой для Манарши было ее замужество, сколько мук и страданий принесло ей. Я уж не буду говорить о том, как ранила эта свадьба мое сердце — речь сейчас о другом. Теперь, как никогда прежде, Манарше нужна опора, нужен близкий человек, который в любую минуту мог бы поддержать ее, помочь.

Мы любим друг друга, и я обращаюсь к тебе, как обратился бы к своей матери: найди ключ к сердцу дяди Рамазана, уговори его дать согласие на наш брак. Дороже Манарши у меня никого нет на свете, и кроме нее мне никто не нужен...»

привычке почесал родинку на щеке: «Ну вот, а я в город собирался ехать...» Он чувствовал на себе взволнованный взгляд жены, в тревожном нетерпении ждущей ответа.

— Какой парадокс,— сказал он, словно продолжая давным-давно начатый разговор. — Казалось бы, этот... Анас... должен быть благородным, мужественным. Ведь он рос, окруженный теплотой, заботой... А этот шалопай Наби, которого жизнь не баловала...

Он не договорил и махнул рукой. Понимает ли жена, что с ним сейчас творится?

А Райханат от всей души радовалась. Ну вот, наконец-то муж оценил Наби. Давно бы так... И давно бы счастлива была их любимая Манарша.

— Да ты бы хоть до конца дочитал,— мягко упрекнула Райханат.

— Зачем? — удивился Рамазан. — Мне и так все ясно. Ты знаешь... ответь ему, пожалуйста, сама, а? Как ты решишь, так и будет. Я на все согласен, лишь бы Манарше было хорошо.

Райханат смотрела на мужа, не скрывая радостного удивления, словно в этот миг раскрылась перед ней вся душа его зачерстневшая, огрубевшая в суматохе дней, но сумевшая сохранить в самой сердцевине своей и доброту, и щедрость, и проникновенную нежность. Она понимала, как непросто было при его мужском самолюбии произнести эти слова. Но он произнес их — и ей сейчас захотелось броситься мужу на шею, горячо расцеловать его. Но Райханат сдержалась: она-то знала, что суровый муж даже в такие счастливые минуты не умел отвечать открыто на ее женскую нежность.

— Сделай, как хочет Манарша,— добавил Рамазан.— И напиши ей, что я не против Наби,— он улыбнулся с таким облегчением, словно скинул с плеч тяжеленный груз. — Знаешь, а ведь я не прочь чего-нибудь перекусить.

— Я сейчас, сейчас,— засияла Райханат. Она принесла еду и, расставляя тарелки, вдруг вспомнила: — А зачем тебя в район вызывали?

— А, ерунда! — отмахнулся муж. — Ничего серьезного.

У него не было сейчас никакого желания рассказывать о беседе с Салманом. И вообще, он хотел поскорее пообедать и пойти в правление, окунуться там с головой в то единственно настоящее дело, которое он умел

делать как следует. Он любил свою работу и знал, что эта любовь взаимна. Работа поможет забыть и нерадостный разговор с Салманом, и все семейные неурядицы, в которых, слава аллаху, кажется, наступают перемены к лучшему. Он придет в правление и снова станет самим собой: деловым, умным, умеющим заражать энергией других.

14

Это только в юности человеку кажется, что время, отпущенное ему щедрой жизнью, бесконечно. Но перешагиваешь некий рубеж и начинаешь вдруг замечать, что годы мелькают один за другим, словно километровые столбики за окном поезда...

«Давно ли, — думал Рамазан, — были Наби и Манарша детьми, школьниками, и вот они уже получают дипломы...» Собственно, Наби уже получил красный диплом с отличием — об этом много толковали в ауле, а потом занимался на каких-то специальных курсах, учил иностранный язык. Теперь вот в аспирантуру собирается! Аспирантура — дело хорошее, если у человека способности есть: ученым станет...

И тут от Манарши, которой оставалось учиться совсем немного, пришло необычное письмо. Манарша писала, что Наби предлагают поехать в одну из африканских стран на строительство большого промышленного объекта, но он колеблется, и вот теперь они спрашивают у них, у родителей, совета. «Хорошенькое дело, — ворчал про себя Рамазан. — В наше время ни о каких заграницах и слыхом не слыхивали. Что я ему могу посоветовать?»

Он решил не вмешиваться в дела зятя, даже не отвечать на письмо. Однако не без хвастовства рассказал обо всем старому Закиру, зашедшему как-то вечером узнать, будет ли завтра машина в район.

— Африка — это, конечно, неплохо, — глубокомысленно уронил старик, за свою жизнь считанное число раз покидавший родной аул, чтобы съездить в райцентр. — Но я считаю, далековато, Рамазан-джан. Знаешь, как у нас говорится: лучше на родине быть нищим, чем на чужбине князем.

— Да ведь он же не навсегда туда поедет! — остановил его Рамазан. — Построит этот объект и вернется.

— Э, все равно! — махнул старческой рукой За-

кир. — На родине и сухая корка пышкой кажется. Зачем куда-то ехать, разве мало у нас у самих строят теперь? Нет, ты не подумай, ради аллаха, чего-нибудь, — вдруг испугался старик, заметив, как насупился Рамазан, как озадаченно чешет он свою родинку. — Я просто высказываю свои стариковские мысли, только и всего.

Рамазан с грустью отметил про себя, что в столь необычном деле и Закирова мудрость, видать, бессильна подсказать что-либо путное.

— Ладно, — вздохнул он. — Пусть сам решает, как ему поступить. Тут мы с тобой не советчики.

— Нет, Рамазан, — ужаснулся старик. — Разве можно так? Ведь он твой родственник, ты должен помочь ему советом. А потом, он ведь наш, аульский. Значит, мы тоже должны направить его на верный путь. А как же иначе? Станет известным — всему аулу слава, покроет себя позором — и на всех нас позор ляжет.

Разговаривая, они спустились с террасы в сад, где играла маленькая дочка Наби и Манарши.

— Деда, деда! — закричала она и с радостным визгом понеслась навстречу, еще издали протягивая к Рамазану ручонки.

Серьезного, сурового Рамазана сразу будто подменили. Не обращая внимания на Закира, блаженно улыбаясь, он подхватил внучку на руки и, расцеловав ее в веселую мордашку, крепко прижал к себе.

Закир только покашливал рядом, опершись о свой посошок.

Вышла на террасу и Райханат, на которую удивительно была похожа дочка Манарши.

— Рамазан! — крикнула она. — Только что Манарша звонила — Наби дал согласие поехать в командировку!

Председатель пересадил девочку с руки на руку, чтобы удобнее было разговаривать со старым Закиром.

— Ну вот, видишь. Мы с тобой здесь судим-рядим, а Наби сам принял решение. Пора нам с тобой, старина, в тираж — отстали мы от жизни. У молодых нынче иные дороги, иной простор... Ну да ничего, ничего, — обратился он к внучке. — Нам и в своем ауле дел хватит! Вот на овцах удвоили доходы, а постараемся, приложим руки, еще лучше жить будем, верно? — Девочка что-то пролететала и схватила деда за ухо. — Да, ты ведь говорил, что в райбольницу собираешься, — вспом-

нил вдруг Рамазан, зачем пришел старик. — Скажи Ба-
сиру, что я разрешил свозить тебя в район.

Закир засеменил по дорожке, а Рамазан, счастли-
во улыбнувшись, заглянул в ясные глаза внучки, так
похожие на глаза его Райханат.

— Правду говорят: дорогу жизни осилит идущий, —
он прижал к своему лицу головку девочки, вдыхая род-
ной запах ее волос. — И дедушке твоему не стыдно ог-
лянуться на пройденный путь. Верно, внучка?

И девочка важно кивнула в ответ...

Содержание

Повести

Пять грушевых деревьев	3
Сглянись в пути	115

Арип Расулович Расулов

ОГЛЯНИСЬ В ПУТИ
Повести

Редактор Т. Бережных
Художник Ю. Трапак
Художественный редактор В. Покусаев
Технический редактор Г. Бойцова
Корректоры Т. Моспан, В. Дробышева

ИБ № 2149.

Сдано в набор 04.11.81. Подписано к печати 04.03.82. А00585. Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура литер. Печать высокая. Бумага тип. № 1. Усл. печ. л. 11,76. Усл. кр.-отт. 11,76. Уч.-изд. л. 12,62. Тираж 50 000 экз. Заказ 492. Цена 1 р. 10 к.

Издательство «Современник» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли и Союза писателей РСФСР
121351, Москва, Г-351, Ярцевская, 4

Книжная фабрика № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Электросталь Московской области, ул. им. Тевосяна, 25

